

**АЛЕКСАНДР
СИМАТОВ**

**Остров с
зеленой травой**
2016

История одной экспедиции. Фантастическая повесть с вымышленными героями и событиями.

Строго говоря, «Остров» едва ли можно назвать фантастикой. Фантастика лишь помогла «проявить» некоторые стороны современной жизни. Повесть содержит в себе три сюжетные линии. Условно их можно назвать «русской», «американской» и «инопланетной». Надо иметь в виду, что все три линии развиваются независимо друг от друга, их связывают лишь происходящие события. Незнание этой особенности может вызвать у вас, читатель, недоумение во время знакомства с повестью. Для того чтобы избежать этого, и написано данное предисловие.

Александр Симатов
Остров с зеленой травой
(История одной экспедиции)

Если ехать к канадской границе по шоссе номер 281, что в Северной Дакоте, то на полпути между городками Черчс Ферри на юге и Кандо на севере вам повстречается озеро Маза. Как его узнать? Даже не знаю, что посоветовать. В длину оно тянется вдоль дороги километров десять, но в самой широкой северной части не достигает и полутора. Описать его форму весьма затруднительно. Попробуйте определить форму того, что нарисует вам пятилетний малыш в качестве озера, если дать ему кисточки и краски и не торопить с результатом. У такого озера будет все: и острова, и полуострова, и протоки, и рукава, и заводи. Можно не сомневаться, что изрезанность береговой линии удастся малышу особенно хорошо. В итоге с помощью акварелей свободолюбивой детской рукой будет написана картина нечаянного хаоса. Это и есть озеро Маза.

Честно говоря, тем, кто не рыбачит, делать на этом озере совершенно нечего. Еще год назад водители пронесившихся по шоссе автомобилей и не подозревали о его существовании. Но за последний год съезд с дороги к озеру так укатали колесами машин, будто в конце этой глинистой колеи находится достопримечательность федерального значения. Для проезжающих мимо водителей стало делом принципа ненадолго задержаться и взглянуть на озеро.

Приезжают сюда и специально только ради того, чтобы своими глазами увидеть *тот* остров. Но таких немного, это неисправимые романтики. Обычно они появляются большими компаниями, иначе было бы совсем скучно. Буксуя в глине, машины с трудом добиваются до берега. Из них высыпают нетерпеливые пассажиры, наперегонки спешат к воде и устремляют взгляды на середину озера, торопясь увидеть заросшие камышами и травой острова.

На некоторое время на берегу воцаряется тревожная тишина.

В этой части озера есть два небольших острова. Заметив мечущиеся между ними взгляды друзей, инициатор поездки, заранее изучивший все детали, подсказывает голосом мэтра: «Куда вы смотрите? На правый остров надо смотреть. Там он был», — и показывает на остров рукой. Друзья послушно поворачивают головы направо и негромко обмениваются короткими фразами, будто боятся спугнуть кого-то незримо присутствующего; повышать голос на этом диковатом берегу почему-то никому не хочется. Позже, немного освоившись в незнакомом месте, мечтают вслух, сочиняют сценарии развития *тех* событий. Некоторые начинают грустить и ничего не могут с собой поделать; их охватывает непонятно откуда взявшееся беспокойное ощущение, что они безвозвратно упустили редкий шанс. Непременно высказывается предположение: «А может быть, *там* сейчас кто-то есть?» Все соглашаются, что такое вполне может быть.

Наговорившись, надышавшись сырым воздухом, пахнущим тиной и прибрежными травами, и устав от стояния на одном месте, компания собирается уезжать. Перед отъездом обязательно находится любопытный с замашками социолога. Он интересуется: «А если бы с собой предложили взять? Рванули бы?» Компания задумывается над неожиданным вопросом. «Кто полетел бы? Поднимите руку», — не унимается социолог. И все как один поднимают руки, большинство даже обе. И тянут их к небу.

Малком Фоунтейн положил портфель на стол. Затем снял пиджак и повесил его на плечики в шкафу. После этого посмотрел в зеркало и ослабил и без того свободный галстук. Делал он все механически, не задумываясь, его голова была занята другим.

Рассеянный взгляд его задержался на розовом пятне, составленном из лепестков фиалок. Он взял графин с водой и принялся поливать цветы, чего никогда раньше не делал. Вылил всю воду на фиалки, на шарообразный кактус у окна и на разлапистый цветок, стоящий в углу. Цветок тянул к центру кабинета широкие, как теннисные ракетки, листья и своим чешуйчатым стволом напоминал пальму. Его названия Фоунтейн не знал.

Удивительно быстро наполнив подставку под кактусом, вода на этом не успокоилась, легко перевалила через край, кривым ручейком побежала по подоконнику и дальше — игрушечным водопадом — сорвалась вниз. Прodelки воды отвлекли Фоунтейна от занимавших его мыслей, и он вспомнил, что кактус вроде бы принято поливать не часто. Понаблюдав за образующейся на полу бесформенной лужей, мысленно вернулся к тому, от чего только что отвлекся.

Фоунтейну надо было спасти газету. Для этого ему предстояло найти для Ларкина бесспорные аргументы. По дороге в редакцию придумать ничего не удалось. Он рассчитывал, что в тиши кабинета сможет сосредоточиться. Для начала глубоко сел в кресло и плотно обхватил подлокотники, как пилот, готовящийся к перегрузкам. Затем критически оглядел рабочий стол, определяя, все ли готово к старту, и погрузился в размышления.

В этот день он появился в редакции необычно рано. Секретарь еще не пришла, лифты успевали отдыхать в промежутках между подъемами и спусками, в коридорах не сновали сотрудники, телефон молчал. Ничто не отвлекало Фоунтейна, но сосредоточиться не удавалось.

На столе лежала накопившаяся за неделю почта. Он с неудовольствием посмотрел на конверты и отодвинул их на край стола: бессознательно хотелось отстраниться от всего несущественного. Ему было не до почты, предстояло подготовиться к встрече с хозяином газеты. Он нисколько не боялся этой встречи, был уверен в себе и переживал лишь из-за того, что газета, редакцию которой он возглавлял, перестала ему нравиться.

Предстоящее совещание было запланировано в связи с неуклонным падением тиража. Причиной падения послужило решение Ларкина отдать подвал на всех страницах, кроме первой, под рекламу. Фоунтейн предвидел подобное развитие событий и неоднократно предупреждал об этом босса. Он втолковывал ему, что увеличение объема рекламы нельзя доводить до абсурда, что ведущая газета штата стала похожа на рекламный буклет. А Ларкин твердил в ответ, что если есть желающие размещать рекламу, то почему бы не пойти им навстречу, это же дополнительные деньги. Фоунтейн не смог убедить его, что это неминуемо обернется обвалом тиража. В итоге исчезли любимые читателями авторы, многие разделы вынуждены были потесниться или выходить реже, чем прежде. Газета стала сухой и пресной, как сводка биржевых новостей.

Вспомнив последний разговор с боссом, когда тот с показным упрямством не реагировал на его доводы, Фоунтейн повернул кресло к окну, встал и приоткрыл жалюзи. Стоял нежаркий солнечный день. Небольшой, вытянутый вдоль бульвара парк перед зданием редакции утопал в густой зелени каштанов, кленов и белых акаций. Вдоль тротуаров и

дорожек парка аккуратными рядами тянулись подстриженные кусты декоративной песчаной вишни. Промытая ночным дождем листва весело блестела на солнце. Вид из окна был великолепен и в другое время порадовал бы Фоунтейна, но не сегодня. Вплотную подойдя к окну и задумавшись, Фоунтейн смотрел на солнечные блики на окнах отеля «Рэдиссон» на противоположной стороне парка.

Он прекрасно знал, что собой представляет хозяин газеты, когда соглашался занять кресло главного редактора. Понимал, что будет отстаивать свою точку зрения, но никак не ожидал, что ему будет так мучительно трудно следовать пожеланиям босса. Он задавался неприятным вопросом: почему журналист с университетским образованием должен выслушивать бредовые наставления выпускника третьесортного колледжа? Он отдавал себе отчет в том, что газета является частной собственностью, но этот бесспорный аргумент не успокаивал его самолюбие. Иногда Фоунтейна одолевало желание уйти из газеты, но его останавливали две вещи: любовь к своей работе и возможность печатать то, что он хотел. Ларкин редко давал указания по поводу содержания статей, а это дорогого стоило.

Фоунтейн Ларкину тоже не нравился, но по другой причине: не очень хочется видеть высокого, подтянутого, приятного во всех отношениях брюнета с богатой шевелюрой и открытым приветливым лицом, когда сам ты невысок, полноват, лыс, всегда сосредоточен и неулыбчив. Но надо отдать Ларкину должное: он обладал чутьем на нужных для его бизнеса людей и внешнее неприятие не помешало ему предложить Фоунтейну должность главного редактора газеты.

Секретарь принесла кофе. Звали ее Джоан. Она очень нравилась Фоунтейну. Втайне он мечтал о близких отношениях с ней, и эта мечта давала о себе знать всякий раз, как его взгляд упирался в ее стройную фигуру. Она это чувствовала. Но, несмотря на то что Фоунтейн ей тоже нравился, не делала и полшага ему навстречу. Фоунтейну, человеку с собственными правилами, с трудом удавалось придерживаться одного из них — не заводить романы на работе. Однажды ему даже пришла в голову нелепая мысль попытаться выжить ее из газеты: это развязало бы ему руки и он смог бы за ней приударить.

Вот и сейчас, как обычно, он залюбовался ее фигурой.

— Откуда у вас лужа на полу? — спросила она, поздоровавшись и поставив кофе на стол.

— Привет! Какая лужа? — не понял он и посмотрел на пол. — А, вы об этом... Это я полил цветы.

— Вы полили цветы? — удивилась Джоан. — Наконец-то вы заметили, что кроме вас в кабинете есть еще что-то живое.

В общении с шефом Джоан иногда позволяла себе безобидные шутки. Она обладала чувством меры и хорошо понимала, когда и что может быть предметом легкой иронии. Фоунтейна это не задевало. Ему даже нравилась установившаяся между ними ни к чему не обязывающая словесная игра, едва различимая дуэль; сейчас уже было не вспомнить, кто первым и когда ее начал. Но у этой игры были четко очерчены границы: она обоюдно прекращалась, как только дело касалось работы. В конце концов, рассуждал Фоунтейн, эти редкие отступления от протокола рабочих отношений лишь улучшают микроклимат и повышают производительность труда.

Фоунтейн не откликнулся на настроение Джоан, ее приправленный иронией тон его не задел. В это утро он не был расположен к подобному общению.

— Вы считаете, что я не могу полить цветы просто так, без всяких мыслей по этому

поводу? — буднично спросил он.

Но Джоан не оставила попыток до него достучаться.

— Разумеется, можете, — улыбнулась она и продолжила игру: — Вы для этого приехали сегодня так рано?

— Джоан, я вижу — у вас прекрасное настроение, а у меня полно работы. Причем работы вынужденной, надуманной и появившейся не по моей вине, — невольно пожаловался он и вдруг заметил: — А почему у людей не совпадает настроение, как вы думаете? Это сняло бы много проблем.

— Каким образом? Предположим, что у вас тоже было бы сейчас хорошее настроение. Что бы это нам с вами дало?

Фраза «нам с вами» заставила его задуматься.

— Ну, мало ли, — смутился он и затем добавил: — Вам, например, не пришлось бы терять время на то, чтобы его поднимать.

Джоан почувствовала его замешательство.

— Я вижу, что вы правы: я действительно напрасно теряю время. Я вызову к вам уборщицу, — закончила она и собралась уходить.

— Она мне совершенно не мешает, — поспешил предупредить ее Фоунтейн, — я имею в виду лужу.

Он хотел, чтобы его оставили в покое и в ближайшее время ничем не отвлекали.

Джоан еще не вышла из игры, но пошутила уже без желания, по инерции и почти серьезно:

— Это вам так кажется, что не мешает. Вы можете поскользнуться и разбить себе голову. И в результате на ваше место пригласят нового редактора, и неизвестно, какие у него будут ко мне претензии и пожелания. А вы во всем достаточно умерены. Вас, например, вполне устраивают две чашки кофе в день. Меня это тоже устраивает.

Джоан закрыла дверь кабинета. Провожая ее взглядом, Фоунтейн отметил ее безупречное рыжее каре, ухмыльнулся, мотнув головой, и вернулся к столу; все-таки ей удалось его расшевелить. Он посмотрел на стопку развалившихся писем. Одно письмо выделялось необычным рыжим цветом. Отпивая из чашки кофе, он взял рыжий конверт; бумага на ощупь напоминала искусственную замшу. На лицевой стороне черным необычным шрифтом было напечатано: «Главному директору», далее шел адрес редакции, обратный адрес отсутствовал. Почему «директору», что за обращение? Посмотрев на обратную сторону конверта и ничего не обнаружив, Фоунтейн отложил его в сторону.

Кофе вернул Фоунтейна в рабочее состояние. Аргументированно изложить свои мысли в десятиминутной речи было для него делом простейшим, но он решил подготовиться основательно и набросать канву предстоящего выступления на бумаге.

Приступив к работе, он вспомнил, что Ларкин не выносит «заумных» выражений. Босса коробили даже термины, присущие газетному бизнесу, без которых порой невозможно было обойтись. Услышав незнакомое слово, он брезгливо морщился, будто в лицо ему пахло нечистотами, и прерывал собеседника: «А нельзя ли попроще, без этого?» Без чего «без этого» он не уточнял. Если же непонятные слова произносил докладчик, которого нельзя было прервать, лысая голова Ларкина багровела, и он предпринимал не поддающиеся объяснению попытки смять левое ухо в комок; в такие минуты свободной рукой он чертил в блокноте всевозможные узоры. Как полагал Фоунтейн, вычерчивание узоров и издевательство над собственным ухом помогало Ларкину набраться терпения и выслушать

то, что слушать он совершенно не желал.

Через полчаса текст был готов. Самый неприятный для босса сюрприз, как считал Фоунтейн, заключался в том, что падение тиража начало серьезно сказываться на активности рекламодателей. Он решил, что приведет этот аргумент, подтверждающий его правоту, в конце своего выступления. Пробежав еще раз по тексту, Фоунтейн убрал листы в файл: тема закрыта, сделано все возможное. Теперь можно было просмотреть почту. Как правило, он занимался этим после ланча, когда не очень хотелось думать над серьезными вещами. Но сегодня стоило сделать исключение.

Взяв уже знакомый рыжий конверт, Фоунтейн повернул его обратной стороной к себе с намерением вскрыть и обнаружил, что у конверта нет обычного клейкого язычка. Повертев его в руках, с удивлением выяснил, что у конверта отсутствуют швы. Заинтригованный, он ножницами отрезал угол, вставил лезвие ножа в образовавшееся отверстие, разрезал конверт по краю и развернул его. На внутренней стороне конверта, похожей на пластмассовую пленку, непривычным шрифтом черного цвета было скорее выдавлено, чем напечатано, следующее:

«ПРЕДЛАГАЮ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАТЬ ВСЕМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СРЕДСТВАМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЯ ВТОРОЙ ТЕКСТ. ЭТО
ОЧЕНЬ ВАЖНО. МОГУТ ПОГИБНУТЬ ЛЮДИ. ВЫПОЛНЯЙТЕ».

И далее через строку на незнакомом Фоунтейну языке была напечатана вторая часть текста.

Некоторое время Фоунтейн разглядывал текст письма и вертел в руках то, что недавно было конвертом. Он как будто попал под гипноз. Насмотревшись всякой галиматши, приходившей по почте, решил было выбросить письмо в корзину, но что-то остановило его. И это что-то было не странным текстом, а необычным материалом конверта. К тому же любопытство требовало узнать, что написано во втором абзаце.

Фоунтейн не любил обращаться к подчиненным за помощью по мелким вопросам, но пересилил себя и спустился этажом ниже к Стиву Лоренсу. Лоренс заведовал отделом международных новостей и мог немного читать по-русски.

— Привет! По почте пришло. Подскажи, что здесь написано, — попросил Фоунтейн и протянул лист сидящему за компьютером белобрысому полному господину.

Движения Лоренса, как и его речь, были неспешны и основательны. Лоренс не стал задавать вопросов. Поменяв одни очки на другие, он пробежал глазами первый абзац, затем выгнул дугой бесцветные брови, хмыкнул себе под нос и углубился в чтение второго абзаца. С ходу прочитать текст ему не удалось, он с нежеланием выбрался из кресла и прошел к стеллажу, на котором стояли два десятка иностранных словарей. Осилив текст с помощью словаря, недоуменно воззрился на шефа.

Лоренс был опытным журналистом и хорошо разбирался в мире новостей. Фоунтейн ценил Лоренса, но его медлительность порой просто выводила из себя.

— Так и будешь смотреть? Я в порядке, — Фоунтейн старался улыбаться. — Что написано? Не тяни, читай.

Подчинившись требованию шефа, Лоренс прочитал второй текст письма:

«ГРАЖДАНЕ РОССИИ. МЕНЯ ЗОВУТ СОЛ. Я С ПЛАНЕТЫ ВЕРУМ
ЖЕЛАЮ ДОБРА. Я БУДУ ВЫПОЛНЯТЬ ПРОГРАММУ «СВОБОДНОЕ
РАЗВИТИЕ» ДЛЯ РОССИИ. ПЕРВЫЙ ШАГ ПРОГРАММЫ — ОТКАЗ

МАШИН С МИГАЮЩИМИ ОГНЯМИ НА КРЫШЕ. ТАКИЕ МАШИНЫ БУДУТ УНИЧТОЖАТЬСЯ НА ВСТРЕЧНОЙ ПОЛОСЕ. МИГАЮЩИЕ ОГНИ МОЖНО ОСТАВИТЬ НА КРЫШАХ МЕДИЦИНСКИХ МАШИН, МАШИН ТУШЕНИЯ ОГНЯ И НА МАШИНАХ ОХРАНЫ ПОРЯДКА. НАЧНУ ВЫПОЛНЯТЬ ПЕРВЫЙ ПУНКТ ПРОГРАММЫ ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ НА УЛИЦАХ ГЛАВНОГО ГОРОДА МОСКВА».

Прочитав, Лоренс снова уставился на шефа, всем своим видом показывая, что его нагружают бессмысленной работой. Фоунтейн задумался на секунду и спросил:

— Что скажешь?

— Обыкновенное дерьмо. Ты сам разве не видишь?

Фоунтейн пропустил грубость коллеги мимо ушей.

— Они что, действительно ездят по встречной полосе?

— Русские? Откуда мне знать, — недовольным тоном ответил Лоренс. — Может, это у них там модный экстрим, современный аналог русской рулетки.

— А конверт? — не реагируя на недовольство Лоренса, спросил Фоунтейн. — Конверт тебе о чем-нибудь говорит?

Лоренс повысил голос:

— Какой конверт?!

В глазах Фоунтейна промелькнули искорки раздражения. Он нетерпеливым движением забрал лист у Лоренса.

— Это было конвертом! — Фоунтейн сложил лист пополам и продемонстрировал Лоренсу, крутя конверт перед его носом. — Обрати внимание на материал. Ты когда-нибудь видел такую бумагу? А такой шрифт? Не ленись — пощупай, — предложил Фоунтейн и вернул конверт Лоренсу.

Тот занялся его изучением.

— Шрифт мне незнаком. Но это не значит, что его занесли к нам космические пришельцы, — в голосе Лоренса звучала неприкрытая ирония. — Бумага необычная. Да это даже и не бумага. И что это доказывает? Это доказывает лишь то, что *я лично*, — Лоренс сделал ударение на последних словах, — такую бумагу и такой шрифт ранее не встречал. Да я много чего в жизни не встречал, — почти ехидно добавил он.

— А зачем так изысканно преподносить дерьмо, как ты думаешь?

Лоренс выразительно пожал плечами. Не понимая, что загоняет себя в дурацкое положение, Фоунтейн продолжил с прежней настойчивостью:

— На этом конверте не было ни единого клееного шва, он был цельным — понимаешь? **Цельным!**

Лоренс, как капризный ребенок, выпятил полные губы и опять пожал плечами. И только после этих ужимок коллеги до Фоунтейна дошло, что он сел в лужу. Фантазируя по поводу письма, он так увлекся, что потерял чувство меры. И Лоренс оказался тому свидетелем. Надо было как-то выходить из положения. Фоунтейн внутренне собрался, взял у Лоренса письмо, не спеша скомкал его и демонстративно бросил в мусорную корзину.

— В общем, ты прав: паранойя. Оторвать бы автору яйца, если они у него есть, — выругался Фоунтейн, после через силу улыбнулся и хлопнул Лоренса по плечу. — Извини, что побеспокоил.

Уже стоя в дверях, он решил, что надо закончить разговор на какой-то другой теме. Не

найдя ничего подходящего, спросил первое, что пришло в голову:

— Стив, международную колонку сверстал? Можешь показать?

Лоренс развернулся в кресле, задрал кверху брови и, не мигая, уставился на Фоунтейна. Эти дурацкие, сопровождаемые недоуменным выражением лица паузы Лоренса бесили всех без исключения сотрудников редакции. В этот момент Фоунтейну захотелось его убить еще и потому, что он понял: Лоренс почувствовал надуманность его вопроса.

— После ланча, как обычно. А что, надо быстрее?

Лоренс широко улыбнулся.

Лучше бы он этого не спрашивал и тем более не ухмылялся, скаля зубы.

— Нет, не надо. Хотел взглянуть и сразу обсудить, раз уж я у тебя, — едва сдерживаясь, ответил Фоунтейн.

Возвращаясь к себе, он чувствовал, как щеки его пылают огнем. В кабинете он выпил целый стакан воды и с неприятной мыслью о том, проболтается Лоренс о его глупой фантазии или нет, продолжил знакомиться с почтой.

Транспорт Солу достался из новой серии, его конструкция была существенно изменена, он стал мощнее и маневреннее. Сола особенно порадовала улучшенная эргономика пульта навигации, управление транспортом за таким пультом не утомляло, за время полета к Земле он смог это оценить.

Первые две недели на Земле прошли в изучении обстановки и адаптации к новому ритму жизни. Сол каждый день контролировал эфир и земную компьютерную паутину, и эта размеренность подготовительной фазы немного расслабила его. Но всему приходит конец: сегодня предстояло принять решение о начале активных действий.

Слегка покачиваясь, Сол полулежал в матерчатом кресле и через пластиковый наконечник гибкой трубки потягивал тонизирующий напиток. Трубка в такт покачиванию то вытягивалась из отверстия в стойке питания, то возвращалась обратно. Сол уперся ногами в торец стойки — ноги оказались выше головы. Это была его любимая послеобеденная поза. Напившись, он зафиксировал наконечник в гнезде стойки и подумал, что система питания, к сожалению, осталась без изменений. Разве что консистенцию смесей теперь можно было менять, и они могли подаваться в виде окатышей или коротких волокон, хоть как-то напоминая обычную пищу.

С нарукавного пульта Сол приглушил освещение и посмотрел на экран обзорного монитора, дающего панорамную картину местности. Небольшой остров, на котором он расположил транспорт, находился в трехстах метрах от берегов вытянутого с севера на юг озера. Берега заросли камышом и кустарником и кое-где были оторочены сизыми елями и низкорослыми березами. Дальше за кустарником и деревьями тянулись поля пшеницы. Он уже не первый день с любопытством смотрел на них. Когда налетал ветер и колосья синхронно раскачивались и гнулись к земле по всему полю, он не мог оторваться от экрана. Ему казалось, что это живое полотно, он даже переживал по поводу того, что колосья могут сломаться. Такой красоты он никогда прежде не видел. Он максимально приближал неведомые ему растения и подолгу рассматривал светло-желтые кисточки на высоких стеблях. Или всматривался в червоточины на белых стволах берез, в трясущуюся на ветру листву и бурые сережки. С интересом разглядывал причудливые шишки на развесистых белесых лапах елей и красные покрытые едва заметным пушком ягоды боярышника. Или увеличивал на весь экран заполонившие прибрежное мелководье цветы водяных лилий и оставлял монитор в таком положении для украшения комнаты отдыха. Однажды ему довелось увидеть оленя с олененком, животные пили воду. Он обрадовался выпавшей удаче, сделал несколько снимков и позже изучал морды оленей: их настороженные печальные глаза, большие стоячие уши, мокрые пупырчатые носы с раздутыми ноздрями.

Разнообразие земной природы восхищало Сола. Любуясь земными красотами, он вспоминал унылый каменистый ландшафт Верум, всюду изрезанный каньонами и утыканный остроконечными холмами. Что касается цветовой гаммы, его планета мало чем могла привлечь внимание: на Верум преобладали всевозможные оттенки синего цвета. Только в районах с теплыми озерами можно было увидеть красновато-коричневую почву и произрастающую там небогатую растительность.

Вот и сейчас, прокручивая колесико панорамного обзора, Сол получал удовольствие от земных картин и не торопился расстаться с ними. Оглядев берега приютившего его озера и

не обнаружив ничего, что могло бы потребовать действий с его стороны, он вывел на экран полюбившиеся ему цветы лилий и закрыл глаза.

С минуты на минуту на связь должен был выйти куратор экспедиции. Надо было доложить Локу о проделанной работе и получить у него разрешение на начало «умеренного принуждения» по программе «Свободное развитие». Контроль эфира по России ничего не дал. Это означало, что информация не дошла либо была заблокирована; такой вариант развития событий предполагался. Если и вторая попытка не даст результата — воздействия точно не избежать, это было его мнение.

Мягко зажужжал зуммер, на экране дальней связи появился Лок в неизменной черной водолазке и с неизменной улыбкой на узком лице. «Да, сравнение явно не в нашу пользу», — подумал Сол, переводя взгляд с серого гладкого черепа Лока на разноцветные лилии.

— Приветствую! — поздоровался Лок. — Выглядишь хорошо, значит, успел адаптироваться. Как дела?

— Без особенностей, по плану.

— Если я не ошибаюсь, ты на Земле ни разу не был. Как она тебе?

— Такой красивой планеты я еще не видел, — ответил Сол. — Меня поразила красота Земли, когда я изучал отчеты гуманитариев. Но когда видишь это собственными глазами — впечатления гораздо сильнее.

— Я тебе завидую, — с чувством сказал Лок. — Теперь о деле. Расскажи все, что считаешь нужным. О точке ввода информации, пожалуйста, подробнее.

Сол сцепил пальцы, собираясь с мыслями.

— Как ты знаешь, наши коллеги из гуманитарного подразделения проработали здесь около года. Они рекомендовали организовать точку ввода информации на территории Америки. Я с ними согласен. — Сол встал с кресла и засунул руки в карманы комбинезона. — Во-первых, как и с языка России, гуманитариями создан транслятор с языка Америки, — улыбнулся он.

Лок улыбнулся ему в ответ. Оба прекрасно знали, что без наличия трансляторов экспедиции подобно той, в которую был направлен Сол, Центром Освоения Пространства — сокращенно ЦОП — никогда не предпринимались.

— Информационное поле этой страны свободно, — продолжил аргументировать Сол. — На Земле язык Америки наиболее широко распространен. А для информационного проникновения в Россию нам может потребоваться самая широкая огласка наших действий.

— Выбор понятен. Теперь конкретно: где и почему.

— Выбор делал, исходя из того, что точка забора воды и точка ввода информации должны располагаться недалеко друг от друга. Это на севере Америки. Расположился на небольшом озере. Параметры воды не выходят за предельные значения, забирать удобно, местность малонаселенная.

— Что о вводе информации? — Лок постучал карандашом по столу, невольно подчеркивая важность вопроса.

— В качестве средства распространения информации использую газету. Газета известная, контроль эфира это подтверждает. Но это не главное. Главное, чтобы нашу информацию восприняли серьезно. Но об этом позже. Кстати, ввод через печатное издание — это рекомендованный гуманитариями способ. Для доставки информации использую почтовую систему.

Лок задумался, зажав лицо между ладонями, отчего оно стало еще уже.

— А как обстоят дела с прозрачностью костюма и транспорта? Гуманитарии в отчетах отмечают, что полной прозрачности не удавалось достичь во время сильного дождя. У тебя была возможность это проверить?

— Да, это так, но этого уже не поправить, — сказал Сол. — Буду предельно осторожен.

— Я тебе напоминаю принципиальное положение программы: не должно быть никаких прямых контактов, — впервые за время разговора улыбка исчезла с лица Лока. — Не сочти меня занудой, но ты допускал вольности на других планетах. Здесь этот номер не пройдет. Земля к этому совершенно не готова. И еще: не нагружай, пожалуйста, ненужной работой базовый корабль. Ты же знаешь...

Сол поднял руку, останавливая Лока.

— Стоп! Достаточно того, что сказал, — не выдержал он. — Ты, наверное, забыл, что это моя тридцать вторая экспедиция. Ты понимаешь, что это такое? Поэтому не надо перечислять мне прописные истины. Я прекрасно осведомлен о запрете контактов в рамках экспедиции.

— Не заводишь, — заволновался Лок.

— И какой ненужной работой я нагружал базовый корабль? Это же было сто лет назад. У тебя там перед глазами случайно не мой послужной список светится?

Лок потупил глаза, и Сол понял, что угадал.

— Давай с тем случаем покончим раз и навсегда. В моем рапорте все изложено. Я пропал из эфира, потому что отключил нательный пульт, у меня садилась батарея. Иначе могло быть хуже, складывалась экстремальная ситуация...

— Сол, остановись, пожалуйста, — начал упрашивать Лок.

— Подожди. И базовики ко мне не прилетали, они сразу вернулись, как только я вышел на связь.

— Я все это знаю. Я тебе просто напомнил.

Сол знал, что пытаться Лока бесполезно, ничего не добьешься. Оставалось поверить в случайность, ведь к той нештатной ситуации действительно никто и никогда не возвращался. Он сел в кресло и перевел взгляд на лилии, на Лока смотреть не хотелось.

Лок решил, что Сол успокоился, и продолжил.

— Что с первым вводом? — по-деловому спросил он, пытаясь вернуть разговор в спокойное русло.

— Не дал результата. Эфир не подтверждает распространение информации. Сегодня послал второе сообщение.

— По содержанию такое же?

— Предложил, если не считают нужным передавать информацию в Россию, отследить информацию о моих действиях в последующие дни.

— Передадут, как думаешь?

— Хотя бы поинтересовались последствиями, — скептически заметил Сол. — Гуманитарии в отчетах отмечают, что средства информации на Земле распространяют самые разные сведения, вплоть до ничтожных. А наша информация — это сенсация. Видимо, они ошиблись.

Сол замолчал, продолжая покачиваться в кресле. Лок задумался. Ему надо было решиться на принудительные действия, а это всегда давалось нелегко. Он начал рассуждать вслух, пытаясь привлечь Сола к принятию решения.

— Нам никто не запрещает послать столько сообщений, сколько мы считаем нужным. В

этом смысле мы никуда не торопимся. А ты, значит, считаешь, что продолжать это бессмысленно?

— Я ничего не считаю, а докладываю тебе обстановку, — сдерживая себя, сказал Сол. — И жду твоей команды. А *считают* гуманитарии, они здесь целый год проработали.

Не получив поддержки Сола, Лок тем не менее ушел от прямого ответа.

— Проверь эфир три дня. У них тоже ведь могут быть задержки. Мы считаем, что это сенсация, как ты говоришь, а для землян это, возможно, просто глупая шутка. Через три дня доложи результат. Я к тому времени проконсультируюсь в гуманитарном подразделении и затем приму решение.

Сол молчал. Все обсудили, говорить о чем-либо, кроме работы, не хотелось.

— Как у тебя отношения с Роном? — неожиданно спросил Лок.

— Ты имеешь в виду командира базового корабля? С оперативниками у меня всегда были прекрасные отношения, — ответил Сол, невольно намекая на их с Локом словесную перебранку. — С Роном я и раньше работал, но в других секторах Пространства.

— Не забывай держать его в курсе твоих действий. Прежде всего, информировуй о времени автономных выходов и связанных с ними перемещениях транспорта. Это в твоих же интересах. Я тебе просто напоминаю, — поспешил добавить Лок, предупреждая возможную реакцию Сола.

— А я тебе просто напоминаю, — не удержался Сол, — что тебе положено знать технические возможности и устройство транспорта не хуже меня, если не лучше.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Лок.

— Я имею в виду, что у меня транспорт из новой серии. Ты в курсе?

— Разумеется. Но документацию подробно еще не изучал, — сознался Лок. — Что ты хочешь сказать? Говори, времени мало.

— В новой серии в принципе исключена возможность неконтролируемых перемещений подопечных экспедиций. Пока система привязки к базовому кораблю не заработает в штатном режиме, невозможно включить ни один двигатель. Доступен только экстренный запуск. А при экстренном взлете, если ты помнишь, оперативникам поступает сигнал тревоги, и дальше оба экипажа действуют по обстоятельствам.

— Спасибо, Сол. Между прочим, с Роном в экипаже два оперативника. Его жена Сиу, мне кажется, что ты должен ее знать. И новый аэронавт, на днях прибыла, дай вспомнить. — Лок сделал вид, что задумался. — Лоа! Да, точно, Лоа.

Лок заметил, как Сол вытащил руки из карманов, сжал подлокотники кресла и подался вперед. Получив нужное ему подтверждение, Лок довольно улыбнулся и махнул Солу рукой.

— Вроде бы все обсудили. Удачи.

Экран погас, и только теперь Сол понял, зачем Лок просил его «не нагружать ненужной работой базовый корабль».

Димка родился в Белоруссии. Отец его в то время служил в артиллерийской части, мать преподавала в начальных классах средней школы. Потом Димка неоднократно переезжал с родителями, меняя военные городки и школы, пока не оказался в Козельске, где отец закончил службу ракетчиком в звании капитана.

Высшего образования у Димкиного отца не было, на высокие должности претендовать он не мог и к службе относился без рвения. И до этого частенько прикладываясь к бутылке, в конце службы он начал крепко выпивать и срываться на работе и дома. После увольнения в сорок лет устроился на работу в автошколу, где стал преподавать Правила дорожного движения и устройство автомобиля.

То, что его отец неудачник, Димка окончательно понял в десятом классе. Это случилось, когда школьный военрук пояснил ему однажды, что звание «капитан» относится к категории младших офицеров. Думать об отце как о младшем офицере было для Димки унижительно. И с этого момента у него появилась маниакальная цель взять у судьбы реванш за отца, за его низкое звание, за его водительские курсы, наконец. Он стал хорошо учиться, чем удивил всех, и после окончания школы объявил о намерении поступать в ракетную академию. Отец этому обрадовался, а мать огорчилась, помня бесконечные переезды семьи и неудавшуюся карьеру мужа, закончившуюся пьянством. Когда провожали Димку в Москву, мать, понимая, что ничего не может изменить, всплакнула на перроне. А подвыпивший отец, крепко пожимая Димке руку, шепнул ему на ухо: «Сынок, покажи им там всем, пидорам!» И Димка показал: в академию поступил, учился хорошо и закончил академию с красным дипломом.

Когда пришло время распределяться, к Димкиному крайнему удивлению, выяснилось, что наличие красной корочки не гарантирует хорошей должности. Курсантам, чьи родители имели связи и влияние, кадровая комиссия легко раздавала московские синекуры, коих в военном ведомстве была тьма-тьмуша. А ему, как заслужившему привилегии, предложили на выбор две дыры: либо ракетный полк в Мозыре, что в родной Белоруссии, либо городок Тейково, что в Ивановской области. Искренне надеясь, что красный диплом если не выравняет его с блатными товарищами, то по крайней мере защитит от подобных предложенных ему дыр, он потерял дар речи, когда услышал решение комиссии. Наивный, он и представить себе тогда не мог, сколько их было, блатных, в академии, расположенной в центре Москвы в шаге от Кремля. Вот, оказывается, для чего он пять лет грыз гранит науки, вместо того чтобы в свое удовольствие резаться в преферанс на пиво и кутить с легкодоступными девчонками. Нанесенная ему обида была ужасной, он долго потом не мог ее в себе изжить. Совершенно опустошенный после оглашения кадрового приговора, он вышел в коридор, чтобы использовать данные ему на раздумье в качестве бонуса пять минут. Во время этих призовых минут его судьбу простым житейским советом определил курсовой офицер: «Дима, езжай лучше в Тейково. Это же Ивановская губерния, ситцевый край. Там мужиков катастрофически не хватает, а баб с избытком. Напробуешься всяких вволю, а как надоест — выберешь себе самую-самую и женишься». Дмитрий так и сделал, в смысле поехал в Тейково и нашел там себе красавицу Веру сорока лет.

За полгода до встречи с Дмитрием Вера развелась с мужем. Ее взрослая дочь остро переживала одиночество матери; окончив школу, она уехала на учебу в Ленинград, к

бабушке. Вера осталась совсем одна.

Она работала буфетчицей в офицерском буфете. Дмитрий обратил на нее внимание при первой же встрече. После этого, заходя в буфет перекусить, с интересом наблюдал, как она ровно, без эмоций общается с посетителями, лишь слабой улыбкой откликается на их шутки, многих называет по имени, но ни о чем, кроме заказа, никого не спрашивает, будто окружающие не интересны ей вовсе. Казалось, что она всегда была в хорошем настроении, но немного замкнута. Она носила темные однотонные юбки и светлые цветные блузки. В ее одежде неизменно присутствовал накрахмаленный белый передник и кокошник с кружевными краями — дань требованиям начальства.

Белоснежный передник буфетчицы невольно напомнил Дмитрию неприятный сюрприз, преподнесенный ему одной московской знакомой, за которой он ухаживал целый месяц. Он щедро тратил скромное курсантское жалованье в расчете на ее отзывчивость, но ему так и не удалось встретиться с ней наедине в каком-нибудь укромном месте. Знакомая как-то пригласила его, ничего не объясняя, в театр на дневной спектакль, и он — с надеждой на эту встречу, счастливый и сверх меры наодеколоненный провинциал — примчался в театр в новом костюме и встретил ее там с маленькой дочкой; приподнятое настроение бесследно исчезло. Делать было нечего, в качестве заключительного аккорда их недолгих отношений пришлось посмотреть детский спектакль. Он два часа мучился от соседства чужих ему мамы с дочкой и от духоты на балконе театра, раздражаясь с каждой минутой все больше, и за это время, не располагаящее к рождению добрых чувств, хорошо запомнил актрису с косичками и бантами, игравшую капризную куклу в белом переднике и короткой юбке. Кукла была заводной, с угловатыми механическими движениями. Она часто наклонялась, широко расставляя ноги и демонстрируя залу кружевные панталоны. И вот теперь, глядя на Веру, Дмитрий обнаружил, что эта деталь ее одежды — передник — будоражит его воображение.

После этого случайного открытия он стал задерживаться в буфете дольше необходимого, когда все заказанное было уже выпито и съедено. Сидел без дела, общался с сослуживцами и украдкой поглядывал на Веру. Отмечал про себя, как она ловко открывает бутылки с водой, как, чуть наклонив голову набок, ждет, когда самовар наполнит чашку, как позволяет конфетам падать из зависшей над весами маленькой руки, добавляя карамель до нужного веса. Когда она улыбалась, в углах ее рта появлялись две маленькие, едва заметные складочки, похожие на круглые скобки в предложении. Ему это нравилось. Ему нравились ее вьющиеся светлые волос, ее снисходительные и чуть насмешливые глаза, несуетные движения рук. Она никогда не повышала голоса и, казалось, была невозмутима. Тогда он еще не знал, что ее невозмутимость и спокойствие были лишь внешним проявлением безразличия, поселившегося в Вериной душе.

Однажды засидевшись за чаем и, как обычно, поглядывая на Веру, он подумал, что ее *нет рядом*, что она где-то далеко, вне стен буфета — настолько она была отстранена от того, что здесь происходило, настолько все это ее не интересовало. А почувствовав ее отстраненность, сделал неприятное для себя открытие, что и он сам — лишь отдельный предмет фона, на котором протекала ее *настоящая*, скрытая от него и потому неизвестная ему жизнь. И с этого дня в душе его поселилось томительное беспокойство, как бывает при зарождении неведомой болезни и сопутствующей ей поначалу едва различимой, не испытанной ранее скрытой боли, когда причина ее непонятна, и от этой неопределенности не находишь себе места. Прошло время — и к беспокойству прибавилось странное ощущение, что Вера к нему несправедлива, будто она обещала вести себя по отношению к

нему как-то иначе, но не сдержала слова, и его надежда на ее благосклонность оказалась под угрозой. Он стал постоянно думать о ней, у него появилась навязчивая потребность быть отмеченным ею, выделенным из многолюдного фона, потребность попасть в ее *настоящую* жизнь, отвоевать там себе место, добиться хотя бы ее заинтересованного взгляда и обращенного лично к нему слова.

Как-то раз перед самым закрытием он оказался в буфете один. «Будешь еще что-нибудь?» — спросила Вера. «Нет, спасибо», — ответил он. Она подошла к его столу убрать посуду и вопросительно посмотрела на него. «Решил задержаться», — напряженно улыбнувшись, пояснил он. И от этой своей фразы, отрезавшей путь к отступлению, осмелел и поверил, что она не поднимет его на смех, разрешит остаться. Она посмотрела на него и не удивилась: «Если решил — задерживайся»; начала протирать столы, он не сводил с нее глаз. Она чувствовала его взгляд, его волнение, и от этого ей вдруг стало по-девичьи легко и весело. «Тебя как зовут, лейтенант?» — спросила она, расставляя стулья и едва не смеясь. «Дмитрий». В буфет заглянул опоздавший посетитель. Вера сказала ему, что закрылась, и предложила: «Дима, можешь пройти в подсобку. Не стоит мозолить всем глаза. Я скоро освобожусь». Он взял фуражку и ушел, а она закончила уборку зала, пересчитала деньги, сделала записи в своей приватной тетрадке и закрыла кассу. Потом сняла кокошник, посмотрела в зеркало на задней стенке буфета — в пролет между самоваром и стопкой тарелок, взбила волосы над ушами, улыбнулась сама себе и погасила свет.

Он с нетерпением ждал ее, сидя на продавленном диване и гадая, как у них все получится. «К вечеру ужасно гудят ноги, того и гляди отвалятся. Не возражаешь, если босоножки сниму? — появившись в дверях, спросила Вера и, не дожидаясь его согласия, сбросила с ног босоножки в углу под вешалкой и надела шлепанцы. — Спиртного в буфете нет. — Она улыбнулась ему: — Вообще, важные вещи надо делать на трезвую голову — согласен?» Вмиг оробев, он кивнул в ответ, сцепил руки на животе, затем вернул их на колени. Она заметила тревожную перемену в его лице. «Что ты так разволновался?» — «Я не разволновался», — сказал он и покраснел. «Какой пугливый лейтенант пошел, — она покачала головой, сдерживая смех. — Наверное, уже забыл, зачем пожаловал». Она хотела вывести его из состояния оцепенения, но эффект получился обратный: он совсем смутился, даже не смог ничего ответить, так и продолжал сидеть, глядя перед собой. Он не мог поверить, что она с ним так разговаривает. Она тоже растерялась, не знала, что и подумать на его счет. Наконец он решился сказать: «Зачем вы так? С другими — пожалуйста...» — «Других нет», — отрезала она, не давая ему закончить фразу, и внимательно посмотрела на его бледное лицо. Потом убрала с дивана фуражку, под села к нему, спросила мягко: «Дмитрий, ты влюбился в меня, да?» — «Вы мне нравитесь», — с трудом произнес он пересохшими от волнения губами. «Не сомневаюсь, иначе зачем бы ты остался, — Вера отстранилась от него. — А вообще я тебя обидела, прости, пожалуйста». — «Ничего страшного», — ответил он, боясь поднять на нее глаза.

Они замолчали. Вера смотрела на его профиль. Прямой нос, неровно подбритый висок, длинные ресницы, излишне сжатые от волнения губы. Ей стало жаль его, теплая волна участия поднялась у нее в груди, самой вдруг нестерпимо захотелось любви и ласки, в душе началось брожение неясных спутанных чувств. Почти не лукавя, неожиданно для себя произнесла: «Ты мне тоже нравишься». С трудом двинув кадыком вверх-вниз, он сглотнул слюну, часто заморгал девичьими ресницами. Она попыталась пригладить его непослушный чуб, он не сопротивлялся. Не спеша сняла с него галстук, расстегнула воротник рубашки,

поводила тыльной стороной ладони по щеке и едва слышно сказала: «Колючий». От нежных прикосновений ее гладкой руки Дмитрий неожиданно пришел в себя и чудесным образом осмелел. Она почувствовала это, зашептала: «Дима, у тебя все получится». Затем повернула его голову к себе, посмотрела в его затуманенные от страсти глаза, разомкнула влажные ждущие губы: «Поцелуй меня».

Они жадно целовались. Она расстегнула блузку. Он с неудержимой страстью ласкал ее красивую грудь и упругие соски. Поощряя, она гладила его по стриженному затылку. Потом попросила: «Раздень меня». — «Не надо», — шепотом ответил он. «Почему?» — удивилась она. Он помог ей встать и увлек за собой к столу. «Может быть, мне лучше раздеться?» — вновь спросила она. «Не надо», — нетерпеливо ответил он. «Передник хотя бы сниму». Он остановил ее: «Я хочу в переднике». Затем добавил срывающимся на хрип, сдавленным голосом: «Сними юбку». Она расстегнула молнию, позволив юбке упасть на пол, и отшвырнула ее ногой в сторону. В этот миг он почувствовал, что хотел бы взять ее силой, как не раз в мыслях своих он хотел насиловать ту — из прошлого — театральную дамочку с косичками и передником, взломать и растоптать ее капризную девственность.

Он уже не мог сдерживать себя и схватил Веру за бедра. Сколько это продолжалось, он не помнил; прикрыл глаза и сквозь прищур размыто видел перед собой лишь вызывающе белый бант из завязок передника...

Потом они с умиротворенными лицами отдыхали на диване. До него у нее давно не было мужчины; до нее у него давно не было женщины, а те несколько случаев, которые выпали на его долю в курсантские годы, не дали ему никакого любовного опыта. Она положила голову ему на плечо. Ей не хотелось его отпускать, с ним оказалось хорошо. Что же будет дальше? И надо ли, чтобы было дальше? Она гладила его руку, перебирала завитки волос, трогала его длинные сильные пальцы, а он ел овсяное печенье и запивал молоком из бутылки.

«Как ты угадала, что мне принести из буфета?» — спросил он. «Я видела, как ты смотрел на меня все это время, — улыбнувшись, ответила она, — и успела изучить, что ты чаще всего берешь. Откуда у тебя такая любовь?» — «Ты про что? Про какую любовь?» — спросил он и, обрадовавшись образовавшейся двусмысленности и подвернувшейся возможности пошутить, выпалил, не успев подумать: — И та и другая — с голодухи». Она отпустила его руку, убрала голову с его плеча. Тут только до него дошло, что он натворил. Он смутился и, не найдя ничего лучшего, попробовал продолжить шутку: «А у тебя откуда?» — «Оттуда же», — холодно ответила она. Наступила неприятная тишина. Не зная, как исправить положение, он принялся сбивчиво рассказывать, как после третьего курса был на войсковой стажировке, как там плохо кормили, как они мучились от этого, ели дрянные консервы. Потом случайно узнали об офицерском буфете, в котором всегда в продаже было печенье и иногда завозили молоко.

Она не слушала Дмитрия и не перебивала его. Ей неожиданно захотелось к матери в Ленинград, да так сильно, что заболело в груди. Захотелось увидеть дочь, обнять ее и расспросить обо всем на свете, любоваться ее веселым беззаботным лицом.

Димины откровения надоели, и она остановила его: «Я поняла, от смерти тебя спас офицерский буфет; достаточно подробностей, меня от армейской жизни давно тошнит, пора по домам».

Ее тон и слова сразили его так, будто лишили будущего. Он соскользнул с дивана на пол, обнял ее колени, начал исступленно целовать: «Верочка, прости меня, пожалуйста,

умоляю. Это я брякнул, не подумав. Ты мне очень нравишься, честное слово, очень...» Она долго смотрела в его карие влюбленные глаза; не поверить в его искренность было невозможно. Потрепала по волосам, подумала: «Совсем мальчишка, ему бы за дочерью моей ухаживать». Вслух сказала: «Если хочешь — проводи меня», — не догадываясь, что этим предложением сделала его счастливым.

Был конец сентября, деревья и кусты наполовину освободились от листвы, промозглый ветер продувал одежду и норовил сорвать с Дмитрия фуражку, а с Веры — берет. Он посмотрел на нее и улыбнулся: «Берет тебе очень идет. Ты похожа на журналистку». — «Не выдумывай, — отмахнулась Вера, рассмеявшись ему в ответ. — У тебя, наверное, много знакомых журналисток?» — «Ни одной!» — захохотал он.

В одиночестве, не спеша и беззаботно, разве что вынужденно придерживая головные уборы, они брели по узким улочкам, иногда останавливались, и Дмитрий нежно целовал Веру в щеки, в губы, в скобочки у рта и шептал: «Ты моя журналистка». Она не противилась этой игре, ей было хорошо.

На окраине военного городка Вера указала на третий этаж темно-серого дома: «Мы пришли, вон мои окна в мир». Она жила в панельном пятиэтажном доме с фасадом, расчерченным широкими полосами черного битума на правильные квадраты. Окна ее квартиры выходили во двор, щедро утыканный автомобильными покрывками-клумбами с облупившейся белой краской.

Не сговариваясь, они пошли к ней, будто это было давно решено. «Не шуми, — шепотом предупредила она в полутемном подъезде, — у нас в городке все спят очень чутко, надо же постоянно быть начеку. Ядерный щит родины, сам понимаешь». За ее миролюбивой усталой иронией угадывались такая отчаянная тоска и безысходность, что даже Дмитрий, все еще находившийся под впечатлением от счастливых минут прошедшего вечера и по молодости пока не научившийся тонко слышать других людей, почувствовал это. Когда она открывала дверь квартиры, он спросил: «Вера, скажи, тебе здесь что — очень плохо?» — «Очень, — не удивившись вопросу, ответила она, — безумно плохо». Она провела его в гостиную, заметила его тревожный взгляд и успокоила: «С тобой ничего такого не произойдет, не волнуйся». Потом улыбнулась: «Но сейчас мне гораздо лучше, и это благодаря встрече с тобой». Затем кивнула на диван: «Располагайся здесь, это самое удобное место».

Пока она что-то делала на кухне и в соседней комнате и, как ему показалось, даже с кем-то разговаривала, он рассматривал комнату. Все здесь напомнило ему гостиную родительской квартиры: тот же сервант, заставленный хрусталем, тот же платяной шкаф с торчащим из него и грозящим упасть на пол латунным ключом, та же люстра с плафонами в виде лилий и та же чайная роза в горшке на полу. Кажется, даже ковер на стене за его спиной был с тем же восточным узором. Разве что большой книжный шкаф, заполненный книгами, был исключением: у родителей тоже был книжный шкаф, но его, помимо немногих книг, занимали фотографии в рамках, цветы в горшках, многочисленные статуэтки и прочие мелкие безделушки.

Вскоре в гостиную вернулась Вера. Она едва справлялась с ношей и еще из коридора попросила Дмитрия: «Помоги скорее, а то уроню». Вместе они поставили на журнальный столик рюмки, коньяк, вазу с конфетами, большое блюдо с бутербродами и розетку с дольками лимона.

«Предлагаю продолжить вечер», — улыбнулась Вера. Он посмотрел на нее и замер в изумлении. На ней было длинное шерстяное платье болотного цвета с чуть расклешенными

рукавами три четверти, коричневые туфли на каблуке и серебряные украшения: сережки, массивное кольцо, широкие браслеты на обеих руках и крупный перстень — все с коричневыми камнями. Она была очень красива в этом платье. Едва придя в себя, Дмитрий сделал в направлении Веры круговое движение рукой: «А это... все... откуда?» — «Это все от моей мамы. Платье ее, а украшения ей перешли по наследству. Тебе нравится?» — «Очень! Ты стала совсем... другой, — он не смог подобрать нужные слова и смутился. — А кто твоя мама?» — «Сейчас пенсионерка, а была доцентом, филологом. Она коренная петербурженка. Что еще тебе рассказать?» Он пожал плечами. «Она ходила в этом платье?» — «Ты удивлен? — улыбнулась Вера и поправила его: — Но не ходила, а носила. Она любила носить длинные шерстяные платья и часто появлялась в них на лекциях. А еще она у меня засовывает носовые платки в рукава, на дух не переносит золота и с блокадных времен курит папиросы. И может, между прочим, кого угодно поставить на место крепким словом, если ситуация того заслуживает». — «Ты ее, наверно, очень любишь». — «Я ее обожаю, — с чувством ответила Вера и предложила: — Дима, давай выпьем за знакомство, а потом ты еще что-нибудь спросишь». Он наполнил рюмки и они выпили.

Вера пыталась расспросить его о родителях: где живут, чем занимаются. Он отвечал односложно, скованно — без всякого желания. Она почувствовала, что он стесняется своих родителей. Он, в свою очередь, засыпал ее своими вопросами. Вера отвечала без эмоций и без стеснения — и при этом отстраненно, забыв на время о Дмитрие, будто рассказывала сама себе, вспоминала свою жизнь, чтобы не забыть. Увлечлась, и постепенно ее рассказ потек сам собой. Она даже удивилась своей откровенности: никогда ни с кем так не делилась, а тут раскрылась первому попавшемуся мальчишке.

Отца она почти не помнила, единственная хорошо запомнившаяся деталь — его колючая борода; он умер во время блокады Ленинграда. Все золотые украшения мать отдала скупщикам за хлеб и с тех пор ненавидит золото. Серебряный комплект, что на ней, — единственное, что осталось из украшений, правда, самое любимое матерью. Они жили на Васильевском острове, в коммунальной квартире, которая вся когда-то принадлежала родителям матери. Вера вышла замуж за выпускника военного института, поехала с ним на Север, родила дочь. Потом перевелись сюда, как оказалось — на долгие годы. Впервые увидев этот городок, Вера поклялась себе сделать все, чтобы отсюда вырваться. А вырваться, любя мужа и не разрушая семью, можно было лишь обеспечив мужу карьеру. Этим она и занялась. Работы здесь никакой не было, она по специальности архитектор. Пошла в отдел кадров, самое лучшее место для продвижения мужа. Устроилась туда ценой унижений. Ненавидела себя за это, а теперь, когда муж бросил ее и вырвался отсюда — ненавидит вдвойне. Сразу после развода не уехала, решила, что десятый класс дочери лучше закончить здесь. После развода из кадров ее попросили, с трудом устроилась в буфет. Уехала бы отсюда в любое время, но три взрослые женщины в одной комнате — это очевидный перебор. Хотя, вероятно, вскоре решится и на это.

Дмитрий внимательно слушал, ему было интересно. Когда Вера закончила рассказ, щеки ее предательски поползли в стороны, вытягивая губы в струнку и предвещая слезы. Ей не хотелось показывать свою слабость, она торопливо предложила: «Теперь ты обо мне все знаешь, давай выпьем». Они выпили, но это не помогло: она неожиданно прикрыла рот ладонью, будто обожглась спиртным, и тихо заплакала, плечи ее заходили в такт молчаливым рыданиям. Он испугался, обнял ее, принялся неловко гладить по голове, успокаивать, а она все повторяла: «Сейчас пройдет, сейчас пройдет».

Почувствовав, что с хозяйкой творится что-то неладное, в дверях комнаты появилась кошка. Она подошла к дивану и запрыгнула Вере на колени. Вера погладила ее. «Это моя Маруся... мой валокордин... она многое понимает...» Потом вытерла глаза платком, платок, не складывая, засунула в рукав и улыбнулась, как смогла, глядя на озабоченного Дмитрия. «Что я могу для тебя сделать? — спросил он. — Ты только не плачь». — «Спасибо тебе, но ты мне не поможешь». — «Это почему же?» — «Ой, это так долго объяснять». — «А ты попробуй, пожалуйста».

Она заглянула в его встревоженные влюбленные глаза.

«Попробовать?.. Я жила в Филологическом переулке, недалеко от Невы. Мы часто гуляли с мамой по набережной. Любовались противоположным берегом. Медный всадник на Сенатской площади, чуть в глубине Исаакиевский собор, прямо напротив нас Адмиралтейство со шпилем, Зимний дворец, все как на ладони, неповторимая красота. Я любила глядеть на волны, ветер гнал их со стороны залива. Мама покупала мне мороженое или газированную воду. Сидели на скамейке где-нибудь в Румянцевском саду или у Академии художеств, и она рассказывала мне о Ленинграде. Кажется, она знала о нем все. После войны она иногда брала меня с собой в университет, с условием, что я буду делать уроки. В аудитории я пробиралась на последние ряды, сидела там тихо, слушала мамины лекции, ничего ни капельки не понимала и так ею гордилась, что у меня мурашки на коже выступали. Позже, будучи студенткой, каталась с друзьями по реке. Выходили в залив на лодках, загорали у Петропавловки, пропадали в Эрмитаже, весь пригород объездили, все дворцы. И после всего этого жизнь без Питера, безумное количество лет. Сапоги и погоны, погоны и сапоги. И кем я стала? Верочкой у буфетной стойки. Вот такая история падения».

Вера взяла кошку на руки, подошла к окну, раздвинула шторы, отдернула тюль, сказала, глядя на мечущиеся от ветра ветки тополей: «И после Питера — вид из этого окна. Вот я тебе все и рассказала». Затем повернулась к нему: «Теперь понимаешь меня?» Он кивнул. «А ты был когда-нибудь в Ленинграде?» — «Нет, не был». Она не ожидала такого ответа. «А зачем тогда я тебе все это рассказывала?» Он покраснел. «Извини. Питер для тебя — все равно что город-призрак, что-то вроде Зурбагана», — безнадежно заключила она. «Что ты имеешь в виду?» — спросил он. Она не стала ничего объяснять, отпустила кошку и под села к нему. «Я имею в виду, что мне придется тобою заняться. Будешь у меня читать книги. Будешь? У меня библиотека небольшая, но хорошая. Еще в спальне книжные полки есть».

...Он приходил к ней поздними вечерами, когда не было дежурства. В другое время они не общались, она запретила. «Мне-то все равно, а тебе надо блюсти моральный облик советского офицера, без этого карьеры не сделаешь. Не хватало еще тебе жизнь сломать». — «Так в общепитии все знают, что я куда-то ухожу». — «Но не знают, к кому. А куда-то — так здесь все куда-то ходят. Три дня — те к этим, затем четыре дня — эти к тем». Он понимал, о чем она говорит, эта сторона жизни военного городка с жестко регламентированным графиком дежурства была ему уже хорошо знакома.

Незаметно прошел год. Как-то по почину очередного рьяного коммуниста отправили молодых офицеров в соседний колхоз помочь с уборкой урожая. Там Дмитрий и встретил Ларку, увидел во дворе деревенского дома: наклонившись, она возилась в огороде, демонстрируя голые ноги в резиновых сапогах и попу в коротких штанишках. В деревню он приехал, чтобы набрать во фляги воды — вот и набрал! Ларка была одна, пригласила его в дом, вздумала угостить офицера печеными яблоками, наклонилась у печки, чтобы чугунок

достать. Но прежде надела белый передник, будто заранее знала про Дмитрия что-то эдакое. Там он ее и взял, прямо у печки, а яблок так и не попробовал, не до яблок было. Очнулись они, когда шофер-солдатик извелся ждать и начал сигналить на дороге. Позже Дмитрий узнал, что Ларка беременна. Но узнал не от нее, а от замполита полка, сама она его найти не смогла. Вариантов не было, сыграли свадьбу. Замполит, большой любитель выпить и поговорить, на свадьбе по собственному предложению сделался тамадой и произнес много слов по поводу чести и достоинства жениха, поступившего как подобает настоящему советскому офицеру.

А с Верой все как-то вовремя получилось, у нее как раз мать тяжело заболела; собралась она в неделю, все бросила и уехала. Он пришел провожать ее, подарил большой букет поздних астр. Они стояли на перроне и неотрывно смотрели друг на друга, будто хотели запомнить на всю жизнь. Она была внешне спокойна, а он нервничал, часто моргал, кусал губы. Она наклонилась к себе его голову и поцеловала в лоб. «Я тебя не виню. Все происходит естественным образом, мы должны были расстаться. Это не могло тянуться бесконечно. Поскорее забывай меня и будь счастлив». Положила руку ему на грудь, нажала ладошкой легонько, словно хотела оставить на память отпечаток, словно подала ему знак, что все кончено, и пошла к вагону. На ней было длинное шерстяное платье. В тамбуре обернулась, улыбнулась удивительным образом, махнула ему рукой.

...А он все не уходил, стоял у открытого окна, не мог поверить, что расстанется с ней навсегда. Она опустила в окно сиреневую астру бутоном вниз и игольчатыми лепестками гладила его лицо, щекотала нос, теребила непослушный чуб. Когда поезд тронулся, сказала прилипшему к стеклу Дмитрию: «А я тебя любила, Митя. Последний год только ты меня здесь и держал».

От невыносимой тоски у Дмитрия защемило в груди. Он едва справился с собой, чтобы не разрыдаться вслед уходящему поезду.

Нарукавный пульт после легкого щелчка замигал индикатором, на экране высветилось сообщение с маленькой фотографией. Это была Лоа. Сол ждал этого звонка.

— Привет, Сол! Можем поговорить?

— Привет, Лоа! Конечно, можем. Как тебя приняли коллеги? Есть работа?

— Приняли хорошо. Опытные оперативники, славные ребята. Начинаю к ним привыкать. И они ко мне. Работа? Лучше бы ее не было.

— Ну да, вы же у нас скорая помощь. Ты одна?

— Одна. Сиу и Рон уединились у себя, и мне стало грустно. Решила тебе позвонить.

— Так включай скорее дальнюю связь.

Лоа замахала с большого экрана рукой.

— Чем занимаешься? Я тебя не отвлекаю?

— Изучал электронную карту Земли, перечитывал отчеты гуманитариев. Мне предстоит работать с мелкими объектами, а это требует знания многих деталей.

— Интересно, наверное. А у нас одна дежурная скука. Следишь за вами, как за подопытными зверьками, чтобы вели себя хорошо, — пошутила Лоа, — вот и вся работа.

Они замолчали, глядя друг на друга и грустно улыбаясь.

— Сол, я очень соскучилась.

— Я тоже. Потерпи немного. Через три месяца вернемся на Верум и что-нибудь придумаем.

— Это ты через три, а я через четыре, забыл уже?

— Я буду тебя ждать, у меня два месяца реабилитации.

— А что ты можешь придумать? Ты же постоянно в полетах. Столько, сколько летаешь ты, не летает, кажется, никто. Ты собираешься когда-нибудь положить конец своим путешествиям? — осторожно спросила она.

— До тебя не собирался, но теперь задумался над этим.

— Это правда? — Лоа с недоверием всматривалась в лицо Сола, но он был серьезен. Лоа подумала, что, может быть, он действительно решится на этот шаг. Она обрадовалась этому и испугалась одновременно. — Сол, я знаю, как много значит для тебя твоя работа. И все равно я очень рада этому. Вот сейчас сказала и испугалась.

Сол вопросительно посмотрел на Лоа.

— Боюсь спугнуть удачу, — Лоа подперла подбородок кулачками, глаза ее заблестели. — Так сильно этого хочется. Заканчивай летную практику. Разумеется, вместе со мной.

Сол ничего не ответил. Он прекрасно знал, что Лоа хотела остаться вместе с ним на Верум и больше никогда не летать.

— Неужели тебе не надоело пить этот похожий на лекарство тонизирующий напиток? Сколько можно поглощать эти архиполезные питательные смеси? Ты съел всего этого тонны.

— Поверь мне, Лоа, дорогая, я думаю над этим.

— Знаешь, как тебя в ЦОПе зовут за глаза? — спросила Лоа.

— Интересно, как? — без интереса спросил он.

— Одинокий странник.

— Неплохо, — улыбнулся Сол. — Я думал услышать что-нибудь похуже. А такое определение мне даже нравится.

— Тебя все время посылают в одиночные экспедиции. Почему? Ужиться ни с кем не можешь?

— Я сам так захотел. Ты, вероятно, слышала о моих родителях. Было несколько версий. Одна из них — ошибка моего отца. Он был командиром.

— Извини, Сол. Я знаю.

— После этого я решил, что никогда не буду отвечать за чужие жизни — только за свою.

Солу не хотелось продолжать эту тему, и он постарался улыбнуться:

— Но теперь, несмотря на мое прозвище, я уже не одинок, потому что у меня есть моя любимая Лоа.

— А у меня есть ты... Послушай, странник. А почему в экспедиции не посылают оперативников? Я бы тебя защищала.

— Ты моя замечательная серебристая защитница.

Сол смотрел на Лоа и не мог насмотреться. Кожа Лоа на самом деле была бледно-серебристого цвета, присущего уроженцам холодных районов Верум. Трудно было поверить, что эта хрупкая красавица с миндалевидными зелеными глазами и пепельным ежиком на голове могла мгновенно оценить ситуацию и действовать быстро, точно и жестко.

— Конечно, нам с вами нельзя, вы же интеллектуалы, — Лоа сделала вид, что обиделась. — А кто такой оперативник? Знаешь, как про нас зло шутят? Оперативник — это аэронавт, который способен правильно нажать на кнопку «Пуск».

Сол вспомнил рекомендации по поводу точки ввода информации.

— Интеллектуалы у нас — это гуманитарии, а мы так... исполнители их кабинетных фантазий.

— А что тебе предстоит сделать? Опять какое-нибудь насилие во благо не ведомой никому планеты?

— Я сделаю все возможное, чтобы никто не пострадал.

Эта тема никогда не оставляла Сола равнодушным. В таких случаях он невольно, не отдавая себе в этом отчета, начинал защищаться, даже если в словах собеседника не было ни капли упрёка.

— Извини, Лоа, но ты сама завела этот разговор. Ты что, никогда не применяла оружие? Не хочешь же ты сказать, что от твоих пушек никогда не гибли инопланетяне?

— Мы спасали наши экспедиции.

— По-твоему, наши экспедиции сами инопланетяне в гости приглашают? А мне всегда казалось, что мы прилетаем к ним по собственному желанию, — с горькой иронией сказал Сол. — Так что ваши действия — это лишь следствие выполнения наших планов.

— Прошу тебя, Сол, не ерничай, эта непростая тема. Я тебя ни в коем случае не упрекаю и уж тем более ни в чем не виню. Просто ты потом переживаешь, а я волнуюсь за тебя. Вернешься из экспедиции, и будут тебя выводить из депрессии, пичкать философией необходимости. Из капсулы психологической разгрузки не будешь вылезать. Я же помню, какой ты был в центре реабилитации после полета.

— Примерно так и будет, ты же все знаешь. Давай я тебе лучше что-нибудь интересное о Земле расскажу.

— Расскажи, с удовольствием послушаю.

Сол задержался с ответом, собираясь с мыслями.

— Для Земли утверждены три программы: «Глобальное оружие», «Локальные конфликты» и «Свободное развитие». Изучив земную цивилизацию, гуманитарии решили, что свободное развитие будет сокращать почву для возникновения первых двух проблем. Так что я начну с умеренного принуждения.

— С чего именно?

— С пустяка. Они здесь, на Земле, перемещаются по дорогам на автомобилях. Я не помню, говорил тебе или нет, но мне предстоит работать в стране, которая называется *Россия*. На дорогах этой страны ежегодно гибнут десятки тысяч землян! Можешь себе это представить?

— Ты шутишь?

— В том-то и дело, что не шучу. У меня нет оснований не верить тому, что удалось выяснить гуманитариям. Они не в состоянии организовать безопасное движение. У них есть правила поведения на дорогах, но они их не соблюдают. В общем, я наведу у них на дорогах порядок.

— Сол, ты никогда не задумывался, правы мы или нет, вмешиваясь в чужую жизнь?

— Во время экспедиций я часто думаю об этом.

Они замолчали.

Затронутая тема время от времени обсуждалась в среде аэронавтов. Уклониться от нее было невозможно. Кто дал им право на экспансию собственного мировоззрения во все пределы Пространства? Достаточно ли того, что они руководствовались исключительно благими намерениями? И могут ли благие намерения оправдать силовые методы?

— Когда мы спасаем планеты от саморазрушения, от кровопролитных столкновений — это одно, — в раздумье сказал Сол. — А если мы им всего лишь подсказываем линию поведения, как в моем случае, например? И где гарантия, что они последуют нашему совету?

Лоа смотрела на Сола с нежностью и тревогой.

— Теперь я знаю, почему у тебя бывают такие грустные глаза. Я помню твои глаза, когда ты сидел на берегу пруда и кормил с рук рыжих птиц. Мне тогда показалось, что ты был где-то очень далеко. Наверное, на одной из своих планет. Ты и сейчас думаешь о какой-нибудь планете?

— Нет, Лоа, сейчас я думаю о нас с тобой.

Лоа вдруг приложила палец к губам и прислушалась.

— Сол, я отключаюсь. Не хочу неприятностей.

— Подожди, как отключаешься? Мы совсем не поговорили.

— Сол, мы рабочий канал занимаем. Нас с тобой точно дисквалифицируют. Что тогда будем делать?

— Будем путешествовать и никогда не разлучаться. Выберем себе домик у теплых озер и заживем. Детей у нас будет пятеро. Как ты на это смотришь?

— С восхищением. Отключаюсь. Извини, милый, — заторопилась она, посматривая себе за спину.

— В следующий раз ты у них выясни, надолго они уединяются или нет.

— Обязательно, — улыбнулась Лоа и исчезла с экрана.

Запланированное совещание прошло спокойно. Расположившись во главе стола зала заседаний, Фоунтейн сжато и доходчиво изложил свои соображения по поводу сложившейся ситуации. Ларкин, любитель поиграть в простого парня с демократическими замашками, сидел при этом, как обычно, вместе с редакторами отделов, безуспешно пытался смять ухо в комок и выводил каракули в блокноте. Можно было подумать, что этот круглоголовый господин в твидовом пиджаке, клетчатой рубашке *а-ля фермер* и мятых брюках оказался в этой компании прилично одетых джентльменов случайно — заглянул, проходя мимо. Ларкину всегда нравилось казаться простолюдином, но при условии, что все вокруг прекрасно знали, что он в действительности миллионер.

Редакторы отделов, которым босс по очереди предоставлял слово, будто сговорившись, разделяли мнение шефа редакции, оказывая ему поддержку. Ларкину это не нравилось, он их почти не слушал. Все необходимое для себя он узнал из доклада Фоунтейна и теперь размышлял, как поступить. Ему требовалось время для принятия решения, но откладывать решения он не любил. И главным фактором, заставившим его серьезно задуматься, явилось очевидное снижение активности рекламодателей вслед за стремительным падением тиража газеты. Как только решение в его голове созрело, он остановил очередного оратора, попросил его сесть и объявил окончательный вердикт: в первой половине газеты подвалы вернуть к прежнему формату. Затем коротко попрощался и с мрачным выражением лица покинул зал заседаний: соглашаться с чужим мнением ему удавалось лишь ценой серьезного ухудшения настроения.

В целом Фоунтейн остался доволен. Конечно, ему хотелось проучить босса и еще раз показать всем печальный результат его некомпетентности в надежде, что тот поумнеет и впредь будет более осмотрительным. Но он не успел этого сделать. Ему не удалось наглядно продемонстрировать Ларкину то, что сам же Ларкин и натворил. Мысленно он даже представлял себе, как это могло бы быть. Например, можно было обрадоваться его решению и даже поблагодарить, а затем в назидательном тоне сообщить, что формат газеты можно менять хоть каждый день, вот только что делать с уволенными журналистами? И далее объяснить, что на их счет не имеет смысла питать иллюзии: в его газету они точно не вернуться. А это означает, что восстановить закрытые рубрики в прежнем качестве вряд ли удастся. В связи с этим предложить ему быть готовым к продолжению падения тиража — и опять по его же вине.

Теша себя фантазиями и рассуждая о том, как можно было бы эффектно закончить совещание, Фоунтейн вернулся в свой кабинет и обнаружил на столе рыжий замшевый конверт. Предвкушая скорую расправу, он почувствовал радость, явно несоизмеримую с ее ничтожной причиной. Взяв конверт, осмотрел его и отметил, что последние три цифры индекса на штемпеле почтового отделения отправителя совпадают с цифрами номера его «Хонды». Конверт ничем не отличался от предыдущего. Фоунтейн вскрыл его и убедился, что ничего не изменилось: на его внутренней стороне были напечатаны два текста — на английском и на русском языках. Он с удовольствием разрезал письмо ножницами на четыре части, сложил их в стопку и плавно опустил в мусорную корзину, что было сродни ласке, которую мучители порой дарят своим будущим жертвам. При этом он испытал такое же чувство, какое испытывают люди, которым удалось наконец спустя время отомстить

старому обидчику.

Сол включил систему привязки к базовому кораблю, аэронавты в шутку называли ее «пуповиной». Зеленый индикатор замигал и вскоре успокоился, информируя, что связь успешно установлена и с этого момента базовики будут вести его транспорт.

«Интересно, кто будет сегодня моим диспетчером?» — подумал Сол. Наличие пуповины не предполагало общения между экипажами, пуповина играла лишь пассивную роль слежения за подконтрольными экспедициями, но Солу все равно хотелось, чтобы диспетчером была Лоа. Он почувствовал острое желание видеть и слышать ее и закрыл глаза. Какими-то неведомыми путями к нему пробился запах ее кожи и волос, нахлынули воспоминания тех двух коротких недель, проведенных вместе...

После первого дня знакомства в центре реабилитации пилотов они уже не разлучались. По вечерам, обнявшись, сидели на берегу озера и не верили своему счастью. Потом очень тяжело расставались, словно влюбленные подростки, которым разлука кажется концом света. «Впереди почти четыре месяца, — думал он, — а что дальше?» Тридцать две экспедиции, сто лет полетов, годы, проведенные за пультом управления. И на это ушла половина жизни... Солу хотелось отвязаться от этих непростых мыслей. Он заставил себя представить их с Лоа дом на берегу озера. Дом будет одноэтажным и обязательно разноцветным. Этим, конечно, никого не удивишь, по случаю бедности природной цветовой гаммы все выкрашивают свои жилища яркими красками, этой традиции много лет. Но у них с Лоа самый разноцветный дом и много любимого Лоа цвета — оранжевого и желтого. Они сидят на диване в гостиной, он обнимает ее, она улыбается, она счастлива. А рядом с ними на ковре их дети, мальчики и девочки. Кругом разбросаны игрушки, на столе много сладостей...

Работать в таком состоянии было недопустимо — категорически.

Он прошел в комнату отдыха и умылся холодной водой. Это помогло прийти в норму. Вернулся в кабину управления, включил двигатель. Корабль, медленно ускоряясь, пошел вверх. Сол еще раз проверил привязку к электронной карте Земли. Затем припал к обзорному монитору. Под ним лежало вытянутое с юга на север небольшое озеро с изрезанными берегами и двумя крошечными островами, заросшими густой травой. Один из них он про себя называл уже своим домом. Справа от озера тянулась прямая, как луч, автострада. Место он выбрал безлюдное, до ближайших городков на севере и на юге около пятнадцати километров. Погода стояла безоблачная, и населенные пункты просматривались как на ладони.

Глядя на экран, он в который уже раз отметил красоту Земли, поделенной на многоугольные поля, как лоскутное одеяло. Он приблизил южный городок, затем сфокусировался на почтовом отделении у дороги, в почтовый ящик которого опускал письма. Все как обычно, без изменений. Пристегнувшись ремнями к креслу, Сол выбрал на карте точку назначения, перевел систему управления в автоматический режим и запустил маршевые двигатели. Достигнув расчетной высоты, транспорт лег на заданный курс и через десять минут завис над Москвой.

Над городом стояла густая облачность. Для системы слежения она оказалась непреодолимым препятствием. Солу пришлось опуститься очень низко, чего он, следуя инструкции, обычно старался избегать. Ему предстояло научить систему слежения

распознавать автомобили с мигалками. Он выбрал один из центральных проспектов и приблизил на экране поток машин. Ждать долго не пришлось, по встречной полосе неслась черная машина с синими фонарями. Сол дотронулся до ее изображения указателем. Система слежения ответила коротким сигналом, начало было положено. Через некоторое время он указал на машину с неработающими маяками, едущую в общем потоке. Третья машина шла в группе из трех автомобилей; Сол приблизил кортеж и указал на нее. После этого перевел систему в автоматический режим обучения, и она, применяя сложный алгоритм проверки подобия, сама стала выводить на экран подходящие объекты, а он только отмечал правильно распознанные. Пройдясь по нескольким проспектам, на шестом десятке машин система слежения перестала ошибаться. Сол посчитал, что этого достаточно, в любом случае последнее слово будет за ним, и сохранил поисковый образ под именем «Мигалка».

Закончив запланированную на этот день работу, Сол некоторое время — уже не в первый раз, но по-прежнему с интересом — разглядывал лежащий под ним город. Его особенно удивляло не поддающееся объяснению хаотическое движение огромного количества землян и машин. Он не понимал, как можно жить в такой тесноте, тратя бесценное время на перемещение.

Можно было возвращаться домой, на остров. Сол поднялся на безопасную высоту, но улетать не торопился, размышлял над стоящей перед ним задачей. Надо было избежать гибели землян — но как? Сейчас его занимала только эта проблема. Изучив организацию движения на дорогах, он понял, что легко может нанести ущерб не только водителю, но и другим машинам и людям. В отчетах гуманитариев об этом ничего не было сказано. Они подошли к проблеме слишком упрощенно. И теперь он был вынужден самостоятельно искать приемлемый способ.

А что, если объяснить задачу оперативникам? Эта неожиданно пришедшая мысль понравилась ему. В конце концов, лучших знатоков вооружения, чем оперативники, все равно не найти. «Заодно можно будет пообщаться с Лоа, — обрадовался он, — пусть даже на служебную тему».

С нарукавного пульта он включил систему связи с базовым кораблем, набрал код Лоа. Она ответила почти сразу:

— Привет, Сол! Как дела?

Сол удивился ее серьезному тону.

— Привет, Лоа! Мне нужен твой совет как специалиста по вооружению.

— Ты собираешься применить вооружение? — с тревогой в голосе спросила она.

Рон и Сиу повернули головы в ее сторону и затем переглянулись.

— Включи громкую связь, — приказал Рон.

Лоа включила громкую связь, и голос Сола разнесся по всем отсекам базового корабля.

— Лоа, дорогая, я только что пообедал. В животе у меня булькает любимый всеми аэронавтами тонизирующий напиток. Я сижу за пультом навигации, вытянул ноги и совершенно расслабился. Транспорт стоит без движения, и все его системы в норме. Стрелять в данный момент ни в кого не собираюсь, честное слово.

Сиу выразительно посмотрела на мужа, Рон в ответ приложил палец к губам.

Лоа растерялась. Для общения на служебную тему с оперативником, с которым пилота экспедиции связывают только рабочие отношения, Сол выбрал совсем неподходящий тон. Надо было как-то его поправить. Соображая, как дать ему знать, что они не одни в эфире, она перебила его:

— Подожди, Сол, вот что... Тебе привет от Рона и Сиу. Они заинтересовались нашим разговором и готовы помочь.

— Сиу, перейди на дальнюю связь, — приказал Рон. — Проще будет общаться. Заодно познакомишься с Солом.

Затем добавил с улыбкой:

— Как я понял, Лоа этого уже не требуется.

Сол и Сиу с экранов замахали друг другу. «Привет! Рад познакомиться». — «Привет! Я тоже рада».

После обмена приветствиями Сол понял, почему Лоа так сухо с ним разговаривала, но было поздно: он уже успел доложить экипажу базового корабля о булькающем в животе напитке. Сразу настроиться на рабочий лад было трудно, поэтому он попробовал для начала пошутить:

— Начну с главного: как вам тонизирующий напиток?

Ему в тон поспешила ответить Лоа. Она понимала, что карты все равно придется приоткрыть, так что лучше опередить события, иначе последуют расспросы, а этого ей совсем не хотелось.

— Сол, ты забыл, что оперативники — народ серьезный. Если бы я не была знакома с твоим юмором, которым ты веселил всех в центре реабилитации, я бы решила, что ты подтруниваешь над нами.

— Прошу прощения. Тогда сразу о деле, — сказал Сол и подумал, что Лоа, конечно, молодец, ловко выкрутилась. — Начну издалека. Кто-нибудь из вас бывал в музее транспортных средств?

— Я был, но давно, — сказал Рон.

— Вспомни, Рон, музейные экспонаты. Когда-то мы ездили на машинах, у которых были колеса. Колеса вращались, и машина ехала. Припоминаешь?

Тот кивнул в ответ.

— Так вот, земляне ездят по дорогам примерно на таких же. Моя задача заключается в том, чтобы уничтожать машины определенного типа.

— И все? — удивилась Сиу и пошутила: — Ты до сих пор не научился этого делать?

Ссориться с новой знакомой не хотелось, и Сол вынужден был сдерживаться.

— Сиу, не перебивай меня, пожалуйста. Сложность заключается в том, что машину надо вывести из строя так, чтобы не причинить вреда землянам, находящимся внутри.

— Значит, надо вывести из строя агрегат, который приводит машину в движение, — сказала Лоа.

— На первый взгляд логично, — сказал Сол, — если бы не местные особенности. Во-первых, непредсказуемое поведение землян. Неизвестно, как отреагирует водитель на подобную нештатную ситуацию. Он может растеряться и нанести вред другим. Кроме этого, непонятно, как поведет себя сама машина.

Сиу подняла руку.

— Получается, что земляне не пострадают лишь в одном случае: если двигатель будет поврежден в тот момент, когда машина стоит на месте.

— Сиу права, это единственная возможность, — поддержала коллегу Лоа.

— И что это нам дает? — скептически спросил Рон. — Если я правильно понимаю, Сол не собирается просить их остановиться и выйти из машины, перед тем как повредить двигатель.

— Если все согласны, что это единственная возможность, — продолжила Сиу, — стоит подумать над тем, как заставить машину остановиться в штатном режиме.

— Прежде чем начнем думать, одно существенное уточнение, — сказал Сол. — В штатном режиме машину может остановить только ее водитель.

— Как подтолкнуть его к принятию такого решения? — начала размышлять Лоа. — Когда водитель останавливается? В конце маршрута, например.

— Нет, это отпадает, — возразил Сол, — я должен повредить машину на дороге во время движения.

— Когда машина сломалась или когда водитель сам решил остановиться, потому что увидел что-то или кого-то. Или ему стало плохо, — продолжала размышлять Лоа.

— Или ему стало плохо, — Сиу снова подняла руку, привлекая внимание. — Лоа, ты умница. Если водителю станет плохо, он же обязательно остановит машину и выйдет из нее, так ведь?

— Что ты придумала? — нетерпеливо спросил Рон.

— Кажется, я нашла решение задачи, — сказала Сиу. — Коллеги, у нас с вами есть специальные химические заряды для отпугивания животных. Эти шарики разрываются и образуют плохо пахнущее облако, от которого звери убегают. Так давайте направим такой заряд внутрь машины. Водитель будет вынужден остановиться и выйти из нее.

— Все хорошо, кроме того, что эти заряды не способны пробить сколько-нибудь твердый материал, — пояснил Сол. — Для этого они не предназначены. Мы же выстреливаем ими в воздух, а не в животных.

— Прожги дыру лазером и направь в нее заряд химии, — подсказала Сиу. — Но, разумеется, не пневматической пушкой, используй в качестве носителя световое излучение. Оно доставит заряд прямо в подготовленную тобой дыру. Два выстрела в одну точку с интервалом в миллисекунду — и дело сделано. Водитель этой гадостью дышать не будет, выскочит из машины. После этого делай с машиной что хочешь.

Рон и Лоа переглянулись, возражений ни у кого не было. Сол тоже молчал. Лоа захлопала в ладоши:

— Видишь, Сол, оперативники могут не только уничтожать. Сиу тебе это сейчас продемонстрировала.

— Спасибо вашему дружному экипажу, — с удовлетворением сказал Сол; мучившая его проблема, кажется, нашла свое разрешение. — Сиу, рад был с тобой познакомиться.

Он на прощание помахал им рукой и завершил сеанс.

«Теперь можно и домой. Но по двигателю стрелять я не буду. Мало ли на каком топливе он работает. Может произойти взрыв. Мощности взрыва я даже предположить не могу, — думал он, указывая навигатору конечную точку маршрута. — Главное, что я наконец знаю, как без насилия остановить машину».

Транспорт Сола набрал высоту и устремился в Северную Дакоту на остров с зеленой травой.

После переезда в элитный поселок заговорили о подборе прислуги. На семейном совете решили из местных не брать, только из «своих», проверенных. А поскольку у Дмитрия Владимировича по причине кочевой жизни родителей «своих» не было, решили остановиться на Ларкиных — ивановских, он категорически на этом настаивал, объясняя, что местным придется много платить. Ларка его объяснениям не поверила и сначала сопротивлялась: «Надоел мне этот ивановский говорок до чертиков. Еще тут нам его не хватало. Не можем нормальных, что ли, найти?» Дмитрий Владимирович подсмеивался над Ларкиным высокомерием, за годы благополучной жизни нескрываемый снобизм стал ее постоянной манерой поведения. «Так вы сами-то откуда родом будете, Лариса Васильевна? Не из тех ли краев-то?» — окол он и расставлял ударения в точности так, как это делала Ларкина родня. «Вы, козельские, помолчали бы», — огрызалась она.

У Ларки действительно прорывались порой родные интонации, причем в самый неподходящий момент — в светских компаниях, на официальных приемах, когда Ларка, выпив лишнего, начинала что-нибудь живо обсуждать. В такие минуты, если присутствовали высокопоставленные лица и встреча была для него важной, Дмитрий Владимирович злился, сверлил взглядом жену и старался как-то подать ей знак. А ее это только веселило, она становилась неуправляемой, специально безобразничала и ненавидела мужа.

Время от времени подобные случаи заканчивались дома дикими сценами. В машине, в присутствии водителя, они молчали, но, оставшись наедине, давали себе волю высказаться. «Не кури в спальне, сколько можно просить об одном и том же», — начинал он с безобидного замечания. Она не отвечала, демонстративно раздевалась перед ним, набрасывала халат и садилась перед зеркалом снимать макияж. «Ты что, не слышала, что я сказал?» — повторял он, начиная выходить из себя. «А что еще мне нельзя делать? На вечеринках ты запрещаешь мне говорить. Тебе за меня неловко, так ведь? Курить, оказывается, тоже плохо». Она ехидно улыбалась и специально махала сигаретой перед его носом. «Да говори сколько хочешь. Только следи за своей речью и меньше пей, — говорил он, стараясь не повышать голоса. — Зачем ты лезешь в темы, в которых все равно ничего не понимаешь?» — «Дай мне выпить, тогда я тебе объясню... бестолковому», — смеялась она ему в лицо. — «Хватит с тебя, — вырывал он у нее бутылку. — Тебе же один пес — импрессионизм, экспрессионизм, ты же в этом ничего не смыслишь». — «Это ты ничего ни в чем не смыслишь, понятно тебе?! — переходила она на крик. — И никогда ничем не интересуешься. Ты когда последний раз книжку в руках держал?» — «Так я, по крайней мере, не лезу со своим мнением, если чего-то не знаю, — еле сдерживаясь, отвечал он. — Можешь, наконец, уяснить, что твои взгляды на искусство никого не интересуют. Ты своим говорком выставляешь нас в идиотском свете». — «Говорок ему не тот, скажи пожалуйста! А когда трахаешь меня, говорок у меня тот, что надо? — заливалась она истерическим смехом. — И перед кем это я выгляжу не в том свете? Перед такими же надутыми важностью рожками, как у тебя?» Из-за ее издевательского смеха и презрительного отношения он выходил из себя, срывался на откровенную грубость: «Запомни, молчание в твоём случае не золото, молчание в твоём случае — платина». — «Это поэтому ты у нас самый что ни на есть правильный молчун? — ее глаза загорались неукротимой злобой. — Оно и понятно: когда начальству задницу лижешь, болтать языком неудобно». — «Что ты

сказала, тварь?» — «То, что слышал, козел козельский!»

«Козел козельский» — это было ее фирменное, выстраданное еще в пору его службы в Тейкове. После «козельского козла» он ей первый раз и дал пощечину. Этим она давно уже и с удовольствием ставила точку во всех их отвратительных ссорах. После такого оскорбления он хватал ее, швырял на кровать, шлепал по щекам, чтобы она замолчала. Она увертывалась, визжала, царапалась. Потом плакала и хохотала, переходила на отвратительную матерщину. Слушать это было невыносимо, и он уходил спать в кабинет.

Проходила неделя, а то и больше, прежде чем они начинали вместе завтракать и как-то общаться — без приветствий, отводя глаза в сторону, постепенно восстанавливая незримо связывающие их нити. «Тебе кофе в большую?» — «Да, спасибо». — «Творог будешь?» — «Положи. А себе почему?» — «Не хочется».

Он уже скучал по ее телу, украдкой скользил взглядом по ее шелковому халату. Содержимое халата едва обозначалось, не проявлялось до конца, лишь угадывалось. Его дурманил ее шарм. «Ты у меня восхитительно заманчива», — говорил он ей в лучшие времена их отношений. Она умела со вкусом одеваться, а ему дано было это оценить. Он иногда задумывался: откуда это у деревенской девчонки? Может ли чутье на стиль и моду быть врожденным? Ему льстило, что у его жены такие способности. Она и его одевала по высшему разряду с тех пор, как он стал зарабатывать большие деньги.

После двух-трех дней с тихими завтраками и обезличенными дежурными фразами он приходил к ней в спальню. Она знала, что он придет, томилась, ждала его. Это были сумасшедшие ночи примирения и выпущенных на волю необузданных страстей. Иногда им обоим казалось, что только ради этих ночей стоило затевать подобные ссоры, понося друг друга последними словами. Как только он закрывал за собою дверь, между ними устанавливалось невидимое поле безумного тяготения. «Сейчас ты у меня за все ответишь, я тебе сейчас покажу, гадина такая», — произносил он угрозы, на ходу стаскивая с себя одежду и устремляясь к ней в постель. «Покажи, покажи, раздави свою гадину», — теряла она рассудок в предвкушении расправы. Она позволяла ему все. И даже белый передник, затерявшийся у нее среди белья, в такие ночи надевался, завязывался дразнящим двойным бантом, своей кукольной девственностью сводящим его с ума, и после мелко вздрагивал оборками от непрекращающейся любви. Утром она не хотела его отпускать, все стояла, прижавшись к нему. Обняв ее, он зарывался пальцами в растрепанные волосы и покрывал поцелуями ее голову.

В итоге Ларка согласилась на ивановских. Когда навещала мать, среди многочисленной деревенской родни и знакомых нашла для уборки дома Галку; ужасно мучаясь от общения с земляками, с трудом выдержала на родине неделю; любопытные гости, на радость матери, каждый день приходили в ее новый кирпичный дом с мансардой, водопроводом и теплыми полами, приносили с собой пироги и самогон и имели лишь одно желание: поглазеть на соседскую дочку, «вращающуюся в самом высшем свете».

Галка с благодарностью и без раздумий согласилась убирать дом, поскольку в вымирающем районе, где она жила, никакой работы не было. Вдобавок в родной деревне ее давно уже ничто не держало. Ее пьяного отца, уснувшего на дороге, задавили трактором его же собственные друзья, не заметив в густом утреннем тумане, когда она была еще подростком. После смерти отца мать замуж не вышла, а в конце жизни долго болела и не так давно умерла. Доставшийся Галке в наследство родительский дом, уже тридцать лет как

лишенный мужской руки, покосился и в скором времени обещал завалиться набок. Так что предложение богатой землячки вмиг сделало ее счастливой.

Жила Галка одна. Семей обзавестись ей не удалось, поскольку мужики ей в жизни, как по уговору, попадались никудышные, все как один пьющие. Несмотря на ее удивительное терпение и неприхотливость, подолгу она их при себе не держала, потому как «мочи более не было их терпеть». Бабой она была доброй и ласковой, излишне доверчивой, так что расставаться с ней они не торопились — кто же от добра побежит. Приходилось ей терять время на объяснения, вместо того чтобы попросту выгнать очередного сожителя взащей. «Вот я тебе про то и толкую, что не ладится у нас с тобой *ничего-то*», — говорила она растерявшемуся от надвигающейся беды мужичонке. Или в крайнем случае доходила — так ей казалось — совсем до откровенного срама: «Так уразумей-то головой своей дурьей, ну не спится мне с тобой *как следует-то*». От таких нечетких формулировок мужички только излишне распалились, выказывали искреннее недоумение и сыпали жалкими уточняющими вопросами, стараясь любыми способами зацепиться за ее теплый и чистый крестьянский дом, задержаться при ее душистом и ладном теле. Ей бы сказать как есть об истинной причине, но она их пьянством не попрекала, щадила их самолюбие, считая, что не полюдски это — ставить в вину мужику, что он «самогон кушает», тем более что и сама-то себе не представляла, как мужик может жить без самогона. Иногда доставались ей экземпляры и другого свойства, сволочные и хитрые. Насытившись вкусными наваристыми щами и Галкиным отзывчивым телом, эти сами неожиданно исчезали, прихватив с собой последние Галкины деньги из фарфоровой шкатулки, стоящей достопримечательностью на самом видном месте в серванте.

Мать страшно переживала за Галку. Сначала ругала ее, позже советы давала, загодя диагнозы ставила ее избранникам, а после рукой махнула и подвела черту: «Пустые затеи твои-то. Видно, отвернулся от тебя, дочка, твой девичий бог». А когда заболела, взмолилась: «Доченька, не води боле никого. Не нужны они тебе вовсе-то. Дай умереть спокойно». Галка мать послушалась и поставила на мужиках крест.

В общем, к своим сорока годам замужем она так и не побывала и детей не заимела. Успела поработать и скотницей, и продавщицей в автолавке, и уборщицей, и учетчицей. За простодушие и безотказность звалась в деревне хорошими людьми Галинкой, а злыми бабскими языками за глаза — «чокнутой дурочкой». Как и в девичестве, продолжала она носить косички и косынки, была миловидной и на редкость застенчивой, несмотря на прожитую грубую и откровенную в общении деревенскую жизнь. Отличалась она аккуратностью и большим трудолюбием, а для содержания дома в порядке ничего другого от нее и не требовалось. Когда она первый раз появилась в подмосковном коттедже, окруженном замысловатыми дорожками в цветах, увидела искусственный пруд с разноцветными рыбами и огромный черный джип, блестящий на солнце никелированными трубами, радости ее не было предела. Позже познакомилась она с посудомоечной машиной и моющим пылесосом и поняла окончательно, что полюбит этот дом как свой собственный и будет с удовольствием драить его с утра до вечера.

Дмитрий Владимирович давно уже не обращал никакого внимания на людей, не входящих в круг его интересов. Разумеется, и прислугу в доме он не замечал, если в том не было нужды, и никогда не взглянул бы на Галку, если бы не белые передники, которые она носила. Как только ее передник первый раз попался ему на глаза, он обратил внимание и на нее саму и после этого, когда порой заставлял ее за уборкой, изредка поглядывал на ее

склоненную над пылесосом фигуру. В такие моменты видение полукруглой тряпицы с оборками навевало ему воспоминания о прошлых связях с дамами, но никаких планов в отношении домработницы он не строил — и в мыслях этого не допускал.

Однажды, когда Ларки не было дома, он поднимался на второй этаж в бильярдную и впереди себя лестничным маршем выше увидел голые Галкины ноги в спортивных тапочках и коротких белых носках. Она тоже шла наверх, чуть косолапя и виляя задом, отчего край ее легкой юбки раскачивался из стороны в сторону. Он провожал взглядом ее красивой формы икры, пока она не исчезла в дверном проеме. Поднявшись на этаж, успел заметить, что домработница юркнула в гладильную комнату в конце коридора. Почувствовав непреодолимое желание, решил ему не противиться; после этого остановить его было уже невозможно.

Когда он вслед за Галкой появился в комнате, она стояла у гладильной доски. Услышав шаги, повернулась к нему и вздрогнула от испуга. «Ты меня боишься, что ли?» — через силу улыбнувшись, спросил он. Она посмотрела в его напряженное лицо, в пронизывающие насквозь карие глаза и, помедлив, с трудом произнесла: «Что вы... Дмитрий Владимирович... вы же не кусаетесь». — «Вот именно», — сказал он. Она оробела и, не зная, как лучше поступить, опустила голову. Потом, несмелой рукой указав на бельевой шкаф, попыталась отвести от себя грозящую напасть: «Может быть, вам надо что-нибудь поменять?» — «Ты что, ничего не понимаешь?» — с раздражением удивился он. Ему не хотелось никакого разговора, ему нужна была лишь ее догадливая и безропотная покорность. Она совсем сникла и жалобно смотрела на него. Ее взгляд как у скулящей собачонки мог отбить всякое желание, надо было торопиться. Он подошел к ней, плотно взял за талию и мягко сказал: «Тебе понравится...»

Перед тем как расстаться, строго предупредил ее: «Все это только между нами». — «Я же не дура, Дмитрий Владимирович», — тихо ответила Галка и промокнула платком глаза. — «Вот и замечательно, что не дура, — он провел холеными пальцами по ее щеке, по волосам, тронул ногтем покрасневший нос, поднял за подбородок голову. — И зачем слезы? Тебе было плохо?» Она замотала головой. «Вот видишь. А будешь дурой — вернешься к себе в деревню навоз месить. Ты же этого не хочешь?» Она опять замотала головой, комкая в руках мокрый платок. Убедившись, что домработница все понимает и правильно реагирует на его слова, он собрался было уйти, но очень кстати — с приятным ощущением искупления вины, но больше возврата долга, когда не терпится поскорее произнести «теперь мы в расчете», — вспомнил про «леденец», как называла Ларка зарплату прислуги. «Между прочим, — натянуто улыбнулся он, — Лариса Васильевна хочет тебе зарплату немного поднять. Я возражать не буду». — «Ой, спасибо вам, Дмитрий Владимирович», — с чувством поблагодарила Галка и прижала к груди кулачки. Этот порыв благодарности и эти смиренные бледные кулачки неожиданно привели его в состояние отвратительного душевного смятения. После этого он уже не мог видеть домработницу, захотелось немедленно бежать из душевной комнаты. Он почувствовал, что она хочет что-то сказать, и нетерпеливо спросил: «Ну, что еще?» Она указала ему на стенку за гладильной доской: «Доска в стенку упирается, на стене след может остаться». Он продолжительно посмотрел ей в глаза. Ничего не понимая, она в ответ преданно смотрела на него и не отводила взгляда. «Придумаем что-нибудь», — сказал он и вырвался, наконец, из комнаты.

В бильярдной настезь открыл окно, ему не хватало воздуха. Для начала, как обычно, выпил коньяку, закусил лепестком семги, затем подошел к столу, но в мастерстве

упражнялся недолго. Профессионально положил пару шаров — и «своего», и «чужого», но понял, что больше играть не хочет. Потом стоял у окна и задумчиво смотрел на яблоневый сад. Сад был пока еще без листвы, но в кронах самых дальних деревьев благодаря расстоянию уже угадывалась окутавшая их прозрачная салатная дымка. Потом наблюдал за садовником, как тот, не вставая и перетаскивая под собой низкую скамейку, перебирается от куста к кусту и обрезает засохшие ветки крыжовника, рыхлит землю.

Он налил себе еще рюмку. Выпил и вспомнил спившегося к концу жизни отца, сумасшедший, счастливый блеск в его глазах, когда отец впервые увидел его в генеральской форме, — они с Ларкой в очередной отпуск приехали тогда навестить стариков. Он хорошо помнил, как отца больше всего поразило даже не китель с золотыми погонами, а черная «Волга», которую ему выделил военком после встречи на вокзале. Отец все подходил к окну посмотреть на «Волгу» и потрясал кулаком непонятно кому: «Мать, ты не поверишь, лично военком машину дал! Лично!» И хитро поглядывал на Ларку, улыбаясь щербатым ртом: «Как теперь жить будешь, генеральша? На полную катушку?» Ларка через силу улыбалась ему в ответ и мечтала поскорее вернуться в гостиницу, ночевать у родителей мужа она наотрез отказалась. Водитель принес коробку с деликатесами. Мать накрыла на стол, отец захмелел после трех рюмок и прослезился. Потом они укладывали его, совсем опьяневшего, спать, а он все потрясал ссохшимся кулачком и бормотал: «Как ты им дал, сынок! А? Как ты им всем дал!»

Ему необычайно везло. Он восходил к вершине власти стремительно, будто кто-то всесильный и снисходительно-благосклонный тащил его вверх. Он только успевал оказываться в нужное время в нужном месте с выражением преданности на лице. Огромная страна погрузилась на самое дно, словно уставший от бестолковой команды океанский лайнер, раскололась на части, а его с верхней палубы вместе с постояльцами кают класса «люкс» затянуло в образовавшийся воздушный пузырь и благополучно вынесло на поверхность, смешало с пеною морскою. И оказались они надо всеми.

Он машинально продолжал натирать кий мелком и никак не мог успокоиться. Не давал покоя взгляд детских глаз домработницы, ее прижатые к груди в знак благодарности руки, обезоруживающая запредельная покорность. Стало опять нехорошо, как в гладильной комнате. Он переждал это отвратительное состояние, глубоко вдыхая прохладный апрельский воздух. Придя в себя, швырнул кий на стол и спустился в кабинет. Заперся там и напился. Про себя решил, что к домработнице больше не подойдет.

Но прошло время, и она сама к нему пришла. Постучалась в бильярдную, заглянула в дверь: «Можно, Дмитрий Владимирович?» «Чего тебе?» — не отрываясь от игры, спросил он. Она зашла, прищепила пальцами складки юбки по бокам, как провинившаяся маленькая девочка, и тихо произнесла, глядя влюбленными глазами на разлегшуюся на зеленом сукне фигуру: «Дмитрий Владимирович, я там, в гладильной комнате, все придумала. Никакого следа-то не должно остаться, вот». Тут же испугалась своей смелости и совершенно смутилась, щеки у нее покраснели. Он оторопел от такого поворота событий. Отложив кий в сторону, выпрямился, посмотрел на нее так, будто впервые видел, не понимая, что ему со всем этим теперь делать. Собравшись с мыслями, сначала решил строго отчитать ее и после выгнать из бильярдной; надо было раз и навсегда положить конец этой странной никчемной связи, сулящей лишь одни неприятности. Но в ее глазах он увидел столько доверия и привязанности, от нее исходило такое искреннее стремление ему навстречу, что он не смог обойтись с ней подобным образом, почувствовал, что отказ даже в мягкой форме будет

сродни жестокому предательству. Невозможно было не откликнуться на ее ожидания. В это время ответное ее незащитной открытости чувство, замешанное на жалости и приязни, родилось в его душе. «Иди, я сейчас приду», — только и смог сказать он. Ее поведение было для него удивительным и необъяснимым, но не вызвало раздражения или неудовольствия. Она ушла, а он открыл бар и налил в стакан коньяка.

В гладильной комнате она встретила его застенчивой улыбкой. А он, вновь увидев ее, понял, что не сможет поступить с ней запросто, механически, будто с куклой в переднике. Теперь только по-настоящему и рассмотрел он ее лицо: вокруг носа россыпь бледных веснушек, высокий чистый лоб, припухлые губы, в мочках ушей два красных камешка, волосы зачесаны назад и заплетены в две толстые косички. И бесконечно доверчивые глаза, лучше бы в них не смотреть.

«Дмитрий Владимирович, все будет хорошо», — видя его замешательство, успокоила она. Когда-то он уже слышал подобные интонации. «Дима, у тебя все получится». Верочка, конечно же Верочка... Он очнулся от мимолетного воспоминания. Галинка ждала, глядя на него счастливыми глазами. «Откуда ты взялась на мою голову?» — подумал он и вслух произнес: «А где же твой передник?» — «Я ведь уборку уже закончила». — «Мне нравится, когда ты в переднике». — «Так я тогда сбегая, надену». — «Не надо, в следующий раз».

Он так и не смог сблизиться с Галинкой, не решился. Остался хозяином, генералом, работодателем, государственным человеком, но мужиком, которого любит женщина, так и не стал, тепла отдавать не захотел, остался в границах формальностей. Она сама находила его в большом доме, когда была возможность. Ничего никогда не просила и не надоедала. Стучалась в дверь, заглядывала и, если он кивал ей, уходила к себе и ждала. Если же говорил, что занят, то в этот день она больше не приходила. Это стало частью ее работы, ее долгом, который она сама себе придумала и без которого уже не могла обходиться. А он следовал за ней по заведенной привычке, получал свое — и легко расставался до следующего раза. Но она все равно была счастлива, он стал для нее главным человеком в жизни, сильным, богатым и при этом — самым близким. Оказалось, что ей этого достаточно, более чем достаточно. Перед сном она доставала из фибрового чемоданчика образок с изображением иконы святого Димитрия Донского, ставила перед собой на тумбочку и молилась за здоровье своего Дмитрия Владимировича. Затем, блаженная, засыпала.

Но на один шаг его все-таки хватило: на сорок пять он подарил ей золотое кольцо с маленьким бриллиантом. О дне рождения случайно узнал от жены. Галинка засветилась радостью при виде кольца, долго благодарила — не могла остановиться. Потом спросила о камне: «А это что, Дмитрий Владимирович?» — «Это бриллиант», — ответил он. «Ой, а как же я про него скажу-то? И как мне его носить-то? Это же стоит огромных денег!» — «А кто тебя будет спрашивать?» — «Да кто-нибудь, мало ли». — «Так и скажи, что купила себе на день рождения. И что это не бриллиант, а хрусталь. Запомнишь? Горный хрусталь». — «Конечно, запомню. Вы не думайте, у меня дома и вазочка хрустальная была, и стопки водочные». — «Вот и хорошо. Носи и ничего не бойся». На глазах у Галинки навернулись слезы, она схватила его руку и прижала к щеке.

Вернувшись к месту стоянки, Сол набрал в бак реактора воды. Затем дал команду на посадку, и система навигации опустила транспорт на прежнее место. С помощью обзорного монитора осмотрел местность вокруг. Стояла теплая безветренная погода. По дороге проносились редкие машины. Цветов вдоль берега уже не было видно, они спрятались в воду до утра. В сумерках заросли камышей и кустарников казались одной спутанной массой, опоясавшей озеро. Возшедшая луна слабо освещала поля пшеницы и поверхность воды. Ее желтоватый круг медленно пробирался сквозь вытянутые пепельные облака, растянувшиеся по всему небу.

Сол привык к завораживающей картине земных вечеров. Любуясь видами на экране, почувствовал, что устал и хочет спать. Он уже втянулся в земной ритм смены дня и ночи и второй день подряд ложился, когда на острове наступала ночь. Перед тем как сон окончательно сморил его, успел подумать, что скоро будет жить по местному времени, как настоящий житель этой планеты.

Ранним утром его разбудило неприятное попискивание, сопровождаемое миганием фонарей в помещениях транспорта. Он припал к обзорному монитору и увидел объект, вызвавший тревогу: пробивая предрассветную мглу светом фар, к острову вдоль берега озера, противоположного дороге, приближался автомобиль. Сол увеличил изображение и увидел в машине двух землян. Он включил двигатель экстренного подъема и оставил его в нейтральном положении. Затем оделся и продолжил наблюдение; опасности обнаружения транспорта не было, поэтому ничего не предпринимал.

Около небольшой бухты машина остановилась, и из нее вышли люди. Водитель выглядел старше своего напарника. Он начал махать руками и делать приседания. После каждого приседания смешно потряхивал ногами, будто пытался что-то с них сбросить. Его молодой компаньон подошел к берегу, зачерпнул воды и умылся. Затем вернулся к машине, снял тент с багажника, открыл борт и стал разгружать содержимое багажника на землю. Чуть позже к нему присоединился водитель.

Земляне работали дружно, и вскоре багажник опустел. Сол с интересом наблюдал за ними. Ему захотелось узнать, о чем они говорят и что собираются здесь делать. Заодно появилась возможность проверить детище гуманитариев — транслятор. Сводки новостей, которые он ежедневно отбирал из эфира, транслятор переводил хорошо. Теперь предстояло протестировать его на живой речи. Сол включил систему прослушивания, ориентировал микрофоны в сторону подъехавшей машины, выбрал английский язык, надел наушники и продолжил наблюдение.

Тем временем земляне вынули из чехла свернутый в рулон непонятный предмет и положили его на землю. Предметом оказалась надувная лодка, что подтвердил транслятор. С переводом он справлялся неважно, воспроизводя не связную речь, а лишь отдельные слова, иногда короткие фразы. Но этого было достаточно, чтобы Сол понимал, что происходит на берегу.

Земляне достали из машины какой-то прибор, включили его, и лодка стала надуваться, медленно поднимаясь над землей. Сол услышал ровный рокот и догадался, что это шум работающего насоса. Водитель кивнул напарнику на переднее колесо машины и сказал, что его надо будет подкачать. Сол заинтересовался этим и максимально увеличил изображение.

Было видно, что колесо сплющено. Сол подумал, что, может быть, достаточно будет повредить колеса и тогда машина не сможет ехать. Он внимательно разглядывал черный протектор и размышлял, как это лучше сделать.

Пока он размышлял, видя на экране лишь колесо и упустив из виду обстановку в целом, люди на берегу занимались своими делами. О чем-то постоянно переговариваясь, они спустили лодку на воду. Затем водитель с помощью напарника перетащил в нее часть вещей. После этого они закрепили на лодке мотор. А Сол по-прежнему мысленно планировал атаку на автомобиль.

На экране появился молодой землянин, подсоединил шланг к спущенному колесу и начал его накачивать. Сол догадался, что оно сделано из эластичного материала и наполняется воздухом. В этот момент до него донеслось слово «остров» и появился странный гул. Он снял наушники. Теперь гул проникал через вентиляционные отверстия транспорта. Пытаясь понять, что происходит, и рассчитывая увидеть второго землянина, Сол отодвинул картинку на экране, но не обнаружил его. Тогда он отодвинул изображение еще дальше и теперь только увидел сидящего в лодке водителя. Оставляя за собой аккуратные волны, лодка неслась по направлению к острову.

Сол бросился к пульту навигации, пристегнулся и нажал кнопку экстренного подъема. Транспорт выбросил из сопел мощную воздушную струю, и через несколько секунд, набрав заданную высоту, остановился. Сол связался с базовым кораблем.

— Что случилось? — спросил Рон.

— Вблизи неожиданно появились земляне. Пришлось экстренно подниматься.

— Сколько их?

— Двое. Что собираются делать — не знаю. Продолжу наблюдение, сообщу позже.

— Включи пуповину.

Сол включил систему привязки к базовому кораблю и с высоты стал наблюдать за происходящим на острове.

Когда на водителя обрушилась воздушная волна, он находился на полпути к острову. Удар был настолько сильным, что водитель едва не свалился в воду. Бейсболку его сдуло в озеро. Но это было только начало. После этого его окатила набежавшая метровая волна. Лодку не перевернуло лишь потому, что она была груженная и шла навстречу фронту волны. Водитель испугался и повернул лодку назад к стоянке.

— Барри, ты видел, что случилось?! — кричал водителю молодой человек. — Меня чуть не сбило с ног. Что это было?

Барри подплыл к берегу и с помощью приятеля выбрался из лодки. Он был мокрый, напуганный и злой. Ко лбу у него прилипли волосы, мокрая тенниска обтянула тело, в сапогах хлюпала вода. Он еще не отошел от перенесенного потрясения и, в отличие от приятеля, не был расположен к оживленной беседе.

— Представляешь, Мэтт, я не только видел, что случилось, но и ощутил это на своей шкуре, — доставая из рюкзака полотенце и вытирая мокрые волосы и лицо, ответил Барри.

Мэтт засмеялся:

— Извини, я сразу не сообразил.

— Я в курсе, что ты соображаешь с трудом. Тем более чтобы *сразу*. Это вообще не про тебя, — Барри взглянул на ухмыляющегося Мэтта. — Отделался легким испугом и теперь ржешь. Надо было тебя первым на остров послать.

Мэтт по-прежнему довольно улыбался. Тогда Барри попытался ударить его кулаком в

живот, но Мэтт вовремя отскочил, так как ожидал чего-нибудь в этом роде.

— За что? — продолжал он смеяться. — Я за природные катаклизмы ответственности не несу.

— Слишком сильно радуешься.

— Не заводись... Что это было? Как будто ударная волна как при взрыве. Озеро до сих пор не успокоилось. Камыши вмиг полегли.

— Кончай болтать. Достань лучше фляжку из бардачка, а я пока в кроссовки переобуюсь.

Сев на складной стул, Барри переобулся в кроссовки, вылил из сапог воду и сменил мокрую тенниску на рубашку. Затем взял из рук Мэтта плоскую фляжку и сделал несколько больших глотков.

— Что-то не припомню, чтобы когда-нибудь начинал рыбалку со скотча, — сказал он, возвращая Мэтту виски.

— Возможно, это знак и у нас будет сумасшедший клев, — продолжал веселиться Мэтт. — Как думаешь?

— Скоро узнаем, — зло ответил Барри.

Они разгрузили лодку и перевернули ее. Ожидая, когда стечет вода, рассуждали по поводу случившегося. Сошлись на том, что это был неожиданно налетевший ураган. Перебравшись на остров, обнаружили сильно примятую траву в виде большого следа и множество камышей со сломанными стеблями. След в центре острова имел овальную форму и был внушительных размеров. Они обошли его вокруг. Барри все снимал на телефон. Он обратил внимание, что внутри следа в нескольких местах, имеющих форму неровного круга, трава была расплющена и вдавлена в землю.

— Видишь, какие вмятины? Это значит, что нагрузка в этих местах была самой большой. Эти вмятины остались от опор, — со знанием дела пояснил он.

Мэтт хотел промолчать, но не удержался:

— От каких опор, Барри?

— У стола есть ножки, а у космического корабля есть опоры, на которых он стоит.

Мэтт довольно улыбнулся в ответ.

— Внутри следа не заходи, — сказал Барри после осмотра, — возможно, здесь был НЛО. Надо будет сообщить об этом.

— А с чего ты решил, что он летательный?

— Потому что если бы он не мог летать, то он бы на этом месте остался. А раз его нет, значит, он улетел.

— Логично, — ухмыльнулся Мэтт и решил позабавиться: — А почему мы его не видели перед тем, как он улетел, предварительно окатив тебя водой?

Но Барри не так-то легко было загнать в тупик.

— Потому что он невидимка. Про стелсы^[1] слышал?

— Ты хочешь сказать, что его не видно, как наши военные самолеты? — спросил Мэтт, едва сдерживая смех.

Чтобы не выдать себя, он отвернулся от Барри и занялся разборкой рыболовных снастей.

— Именно так. Только самолеты не видят радары, а этот не видим нашими глазами.

— Но тогда он, может быть, и не улетал вовсе, а находится сейчас здесь, перед нашим носом, — продолжал издеваться Мэтт. — И «не видим нашими глазами». Ты так, кажется, сказал?

Наступила тишина. Мэтт вынужден был повернуться к Барри, и тот пристально посмотрел ему в глаза. Мэтт с трудом выдержал это испытание; на всякий случай он максимально напряг пресс и, как можно естественнее, с обидой спросил:

— Что опять не так?

Руки у Барри были заняты — он распутывал узел спального мешка, и это спасло Мэтта от еще одной попытки удара в живот.

Туман почти рассеялся, и ловля на утренней зорьке, на которую рассчитывали рыбаки, оказалась под угрозой. Приятели, не мешкая, приступили к своим обязанностям, которые были давно распределены у них за годы совместных рыбалок: на одной стороне острова Мэтт готовил подкормку для рыбы, а на другой Барри забросил несколько донок и теперь занимался удочками.

Мэтт, сидя на корточках и катая шары из смеси глины с хлебом, исподтишка наблюдал за приятелем и дождался-таки того, чего ожидал: Барри только что взял еще не расчехленную удочку, подошел к краю следа и боязливо проткнул ею воздух прямо перед собой. После, осмелев, стал пронзать удочкой невидимого противника, целясь в разные стороны, как фехтовальщик. Наконец успокоился и вернулся к берегу. Мэтту пришлось целую минуту сидеть с зажатым ртом, с трудом сдерживая раздражающий его хохот.

Когда все было готово, они уселись перед удочками на складные стулья и Мэтт, предвкушая веселый разговор, с деланным безразличием спросил:

— Так ты действительно собираешься сообщить об НЛО или пошутил?

— Собираюсь. Думаю, куда лучше позвонить. Наверное, лучше в газету, быстрее приедут.

— Вообще-то быстрее всех приехала бы полиция из Кандо, — заметил Мэтт.

— А при чем здесь полиция? — раздраженно спросил Барри.

— А при чем здесь газета? — в тон ему спросил Мэтт. — Или ты думаешь, что в примятой траве газетчики разбираются лучше?

Барри ничего не ответил и продолжал сосредоточенно смотреть на поплавок. Но Мэтт не собирался оставлять его в покое.

— Ты не боишься, что тебя поднимут на смех?

Барри оторвался от поплавка и посмотрел на компаньона.

— Если ты объяснишь мне, что здесь произошло, я обещаю достать со дна озера свою бейсболку и съесть ее у тебя на глазах.

— Я с удовольствием взглянул бы на Барри, жующего пластмассовый козырек, — тихо засмеялся Мэтт, помня о рыбе, чутко реагирующей на малейший шум. — За последние сто лет, кажется, только ленивый еще не встречался с НЛО, но до сих пор никто так и не смог отщипнуть от них хотя бы маленький кусочек.

Но Барри был непоколебим.

— Ты не умничай, а лучше ответь, кто здесь вытоптал правильный овал?

— Природа... — начал было Мэтт и вдруг приложил палец к губам и едва слышно произнес: — Барри, у тебя.

Барри замер, вперившись в поплавок. Наступила напряженная тишина. Для двух заядлых рыбаков ничего более, кроме спрятавшейся под водой рыбы, уже не существовало, не то что НЛО — вся Вселенная отошла на второй план. Сначала поплавок у Барри мелко вздрагивал потом его повело в сторону и потащило на глубину. В этот момент Барри ловко подсек невидимую рыбу и начал выбирать леску. Вскоре из воды показалась голова сазана. Барри

потасил его к берегу, Мэтт подхватил сазана сачком и они с Барри ударили друг друга по рукам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После первой удачи приятели сосредоточились на ловле, и их терпение было вознаграждено: они поймали много рыбы. Барри по привычке сделал снимок самой большой из них, предварительно распластав ее на траве и положив на нее «эталон длины»: это была плоская фирменная коробка, в которой он держал крючки. Дома у Барри хранился альбом с подобными фотографиями, помеченными датами уловов; это были немые свидетели его мастерства. Глядя на фотографию и держа в руках коробку для крючков, никто из гостей Барри уже не мог усомниться в истинных размерах пойманного экземпляра.

К десяти часам клев совсем прекратился. Рыбаки поставили палатку, спрятались в ней от солнца, перекусили на скорую руку и растянулись на надувных матрасах. Они знали, что до вечера клева все равно не будет.

Барри набрал справочную и узнал телефон редакции газеты «Трибуна» в столице штата Бисмарке. Затем принялся туда звонить.

Не решаясь отказаться от его новости сразу, без объяснения причины, в редакции Барри перебрасывали от сотрудника к сотруднику, давая ему понять, что его информация никого не интересует. Но Барри не собирался сдаваться и в итоге наткнулся на какого-то до-тошного журналиста, который согласился выслушать его до конца. Обрадовавшись, Барри начал свой подробный рассказ. Мэтт лежал с закрытыми глазами и с удовольствием слушал, ему было весело. А Барри явно злился, по несколько раз объясняя одно и то же; судя по разговору, на том конце ему не особенно доверяли. Это стало очевидно, когда журналист начал выяснять у Барри, чем он занимается, где живет и сколько ему лет. Барри так разнервничался, что выскочил из палатки и, энергично жестикулируя, принялся ходить вдоль берега. Он кричал в телефон, что он фермер и живет на окраине Кандо, и спрашивал, какое это все имеет отношение к делу. Когда он вернулся в палатку, лицо его пылало от возбуждения, с языка срывались ругательства.

— Он должен быть уверен, что я не умалишенный. Дерьмо! Не могу ли я сделать снимки и отослать ему на почту. Дерьмо!

— Так я не понял, они приедут или нет? — уточнил молчавший все это время Мэтт.

— А ты разве не слышал, как я объяснял, как до нас добраться?

— Мало ли, все-таки до Бисмарка далеко.

— И не *они*, а он один, какой-то Роберт Данн. Да куда они денутся! — вдруг воскликнул Барри. — Им сенсации как воздух нужны.

— Это точно, — согласился Мэтт и осторожно добавил: — Тебе, похоже, они тоже нужны.

Барри зло посмотрел на Мэтта.

— Ты ведь из-за этого в газету позвонил, — пояснил тот.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же мог позвонить в офис окружного шерифа, например. Правильно? Копы ведь отвечают за порядок. А тут явный беспорядок, трава примята.

Барри заиграл желваками.

— Слушай, твоей печени сегодня невероятно везет. Ты знаешь, что я не бью лежачих.

— Извини, опять я что-то не то сказал, — улыбнулся Мэтт, отвернулся от Барри и вскоре уснул.

Возбужденный после общения с журналистом, Барри долго ворочался с боку на бок, но через некоторое время и он задремал. Ему снилось, что он стоит перед телекамерами в окружении журналистов, сующих ему в лицо разноцветные наконечники микрофонов, он дает интервью сразу нескольким центральным телеканалам.

Около четырех часов рыбаков разбудил автомобильный клаксон. Они выбрались из палатки и увидели на берегу озера рядом со своим «Бьюиком» темно-синий «Форд». Около «Форда» стоял человек и махал им рукой. Мэтт потянулся, зевнул и этим ограничил свою активность, решив, что не он эту кашу заварил — не ему и беспокоиться. Но Барри и не нуждался в его помощи. Предвкушая общение с журналистом, он сел в лодку и вскоре привез на остров шуплого молодого человека лет двадцати пяти, в очках, с висящими на шее двумя фотоаппаратами и диктофоном.

У журналиста был болезненный вид и синие круги под глазами. Он, как кузнечик, легко спрыгнул с лодки на землю, отчего очки у него соскользнули на кончик носа, сунул подошедшему Мэтту узкую ладошку и представился заученной скороговоркой:

— Роберт Данн из «Трибуны».

Далее без задержки выпалил:

— А где след?

— Барри вам разве не сказал? След волной смыло. Вы, к сожалению, поздно приехали. Искренне сочувствую, — ответил Мэтт и беспомощно развел руками, показывая, что сожалеет о случившемся.

Данн с недоумением и растерянностью посмотрел на него, затем вернул съехавшие очки на переносицу и в ожидании объяснений обернулся к Барри, вытаскивавшему лодку на берег.

— Не волнуйся, Роберт, сейчас покажу тебе след, — успокоил его Барри, а Мэтту бросил: — Можешь заткнуться хотя бы на время?

Данн с укором посмотрел на Мэтта. Тот улыбнулся в ответ, снова развел руками, теперь уже как бы извиняясь, и пояснил:

— Без юмора на рыбалке никак нельзя, рыба уважать перестанет.

Данн только улыбнулся. Втроем они прошли к примятой траве. Увидев след, журналист пришел в возбуждение и торопливо заговорил, объясняя, что ему надо:

— Я сейчас буду фотографировать, а вы, Барри, не могли бы идти рядом со мной и рассказывать, что здесь произошло? Я понимаю, не очень удобно на ходу. Но поймите, у меня нет ни одной лишней минуты. И попрошу вас, не упускайте никакие детали.

— Можете не сомневаться, он не упустит, — встрял Мэтт, предварительно отойдя от Барри на безопасное расстояние.

Данн включил диктофон и начал без остановки щелкать фотоаппаратом, обходя след вокруг. Барри плелся за ним, пересказывая события раннего утра. Мэтт двигался чуть поодаль от них в том же направлении и от рассказа приятеля и вида процессии следопытов получал истинное удовольствие. Иногда Барри делал паузы и обращал внимание журналиста на места расположения опор НЛО и на сломанные стебли камышей. Данн живо реагировал на это и делал дополнительные снимки.

Завершив обход, они сели на походные стулья, и Барри еще какое-то время продолжал свой рассказ. Когда он закончил, Данн спросил:

— Вы часто здесь бываете?

— Раз пять за лето. Все от погоды зависит.

— А когда были последний раз?

— Две недели назад.

— Кроме вас, кто еще мог здесь останавливаться? Может быть, туристы?

— Какие туристы? — удивился Барри. — Ты разве не видишь, что туристам здесь нечего делать? — он вдруг вспыхнул. — И вообще, при чем здесь туристы?! Я тебе рассказываю, что меня едва не сбросило в воду непонятно откуда взявшейся волной, а ты мне — про туристов. Мэтт на берегу был, так и он на ногах едва устоял.

Неожиданно Мэтт пришел Барри на выручку в своей излюбленной, дурашливой и одновременно язвительной, манере:

— Да, уважаемый сэр, Барри прав, туристы тут ни при чем. Я не представляю себе, сколько туристов должно одновременно, прошу прощения, пернуть, чтобы на таком расстоянии едва не сбить человека с ног. Между прочим, о силе воздушной волны говорят сломанные камыши, если, конечно, вы в этом разбираетесь.

Спасаясь от скабрзностей Мэтта, Данн поспешил выключить диктофон. Затем снял очки, вытер лицо платком, водрузил очки на место и заговорил примирительным тоном:

— Я с вами согласен, вы были свидетелями аномального явления. Но согласитесь и вы со мной, что пока не удалось обнаружить ничего, что объединило бы в одну логическую цепочку след на острове и волну, под которую вы угодили. Возможно, что эти вещи никак не связаны. Волна могла зародиться и над островом, и над озером или даже вне озера. Вот поэтому я и пытаюсь с вашей помощью объяснить возникновение примятой травы вне связи с воздушной волной. Давайте рассуждать гипотетически: могли ведь на остров высадиться некие люди, построить некое сооружение на опорах и жить там некоторое время? Потом его разобрать и увезти. А позже приехали вы, попали под шквальный ветер, затем приплыли на остров, обнаружили след и теперь ищете связь между следом и волной, хотя, возможно, этой связи не существует.

Данн посмотрел на рыбаков, те явно заскучали от его занудства. Но он не собирался продолжать, в голове у него занозой саднила только одна мысль: как можно быстрее передать материал в редакцию, чтобы он успел попасть в утренний выпуск.

— Барри, спасибо вам за подробный рассказ. Помогите мне, пожалуйста, измерить габариты следа.

Данн вынул из кармана рулетку и направился к центру острова. «Основательно подготовился», — отметил про себя Мэтт. Барри последовал за журналистом. Вдвоем они измерили длину и ширину следа, диаметр вмятин, и Данн записал размеры в блокнот. Наблюдая за ними, Мэтт подумал, что газета выжмет из этого случая все по максимуму и что надо будет завтра купить утренний выпуск и для интереса сравнить газетную писанину с действительностью.

— И последняя просьба, — сказал Данн, приводя один из фотоаппаратов в готовность. — Можно я вас сфотографирую?

Барри с радостью согласился, а Мэтт наотрез отказался. Данна это озадачило.

— Вы чего-то боитесь? — спросил он Мэтта.

— О чем вы? Я просто не собираюсь участвовать в обсуждении идей, рожденных в чьей-то воспаленной голове. Пусть смеются над кем-нибудь другим.

— Но я не прошу вас участвовать в обсуждении чужих гипотез, — добродушно улыбнулся Данн. — Я всего лишь хочу, чтобы ваша фотография как свидетеля события попала на страницы нашей газеты. Обещаю вам, что в ваши уста не будет вложено ничего, что вы не говорили. Тем более что вы, собственно, ничего и не говорили.

Данн выжидал время, почувствовав, что оно требуется и колеблющемуся Мэтту. Это было принципиально важно — заполучить фотографии обоих свидетелей, а не одного. Мэтт действительно раздумывал, ему показалось, что стоящий перед ним сублильный журналист в очках и с жидкой косичкой на затылке совсем даже неплохой парень и что можно, пожалуй, и сфотографироваться. Но тут встрял Барри и все испортил:

— Мэтт, что ты выпендриваешься? Фотографируемся, и дело с концом. Видишь, Роберт торопится. И нам пора делом заниматься. Или ты решил мне последнюю рыбалку перед уборочной испортить?

— Знаешь что, Барри, снимайся где угодно, хоть в порнушке, а за себя я сам решу, — огрызнулся Мэтт.

Данн понял, что из-за этого вездесущего Барри не видать ему групповой фотографии. Но вида не подал, хотя удача теперь висела на волоске. Надо было спасти положение, и интуиция подсказала ему правильную тему и первый ход.

— А вечером разве рыбу ловят? — с удивлением спросил он. — Она же только рано утром клюет.

Рыбаки довольно заулыбались. Мэтт панибратски хлопнул Данна по плечу.

— Роб, приезжай к нам на рыбалку, мы тебя всему научим.

Но Данну было мало неожиданно легко достигнутого перелома в настроении рыбаков, и для полной уверенности он продолжил начатую тему.

— Так вы мне не ответили. Может быть, это ваша рыбацкая тайна, конечно, не знаю, — с обидой в голосе сказал он, посматривая на рыбаков. — Но все-таки вечером рыба клюет или нет?

Те с удовольствием стали давать ему пояснения:

— Да клюет, клюет... В жару плохо клюет, когда солнце палит... В дождь ее не дождешься... В ветреную погоду может вести себя непредсказуемо...

— Уговорили, так и быть, надо будет к вам приехать. Первый мой улов обмоем за мой счет. О'кей?.. Ну что, фотографируемся? Только давайте дружно, без раскачки. Если я опоздаю, меня из газеты точно уволят, — добавил Данн.

Рыбаки покорно встали рядом. Данн сделал несколько снимков. Потом посмотрел на часы.

— Спасибо, вы мне очень помогли. Кстати, Мэтт, а чем вы занимаетесь?

Но Мэтт не успел ответить, вместо него встрял неугомонный Барри:

— Он автослесарь, у него мастерская. Роберт, я вот что хотел тебя спросить. Как ты считаешь, это след от космического корабля?

— А где именно мастерская? — не реагируя на вопрос Барри, спросил Данн.

— В Кандо, мы оба в Кандо живем, — уточнил за приятеля Барри и вернулся к главному вопросу: — Так это космический корабль?

— Разумеется, — дело было сделано, и Данн готов был согласиться с чем угодно. — Жаль, что вы его не видели. Пока, Мэтт!

Мэтт на прощание кивнул Данну, ему уже нравился этот парень.

— А он мог быть невидимым? — не унимался Барри, желая подтвердить свою версию.

— Конечно мог, — снова согласился Данн и, спасаясь от назойливого Барри, быстро пошел к лодке.

Но тот еще помучил его вопросами, пока отвозил на берег и прощался. Когда он вернулся, они вместе с Мэттом начали перебазироваться на другую сторону острова, где с

утра была подкормлена рыба. А Данн тем временем копировал на ноутбук фотографии и записи с диктофона и параллельно набирал заметку для газеты.

Телефон запел голосом Кинга «Страсть ушла, детка»^[2]. Это звонил редактор отдела новостей Уорнер. Здороваясь с ним, Данн продолжал набирать текст.

— Роб, когда перегонишь материал? — нетерпеливо спросил Уорнер. — У тебя на все пятнадцать минут. Если нет времени — сокращай, мы тут разберемся. Главное — застолбить тему первыми, сам знаешь.

— Не волнуйся, я успеваю.

— Имеет смысл занять всю колонку хроники? Несколько дней продержимся?

— Занимай всю площадь. Удастся ли потом прогнать сериал на эту тему, у меня уверенности нет. Это зависит от того, что смогут накопать специалисты НАСА^[3]. Я не сомневаюсь, что они здесь появятся.

— О'кей, жду.

Вскоре Данн отправил материал в газету.

Становилось прохладно. Последнее время он часто простужался. Чтобы не рисковать, надел куртку. Затем завел «Форд», на прощание посигналил рыбакам, на полную громкость включил блюзовые композиции и отправился в обратный путь. Он давно уже не слушал ничего, кроме блюза. Особенно ему нравились черные исполнители. Ему казалось, что только им удастся проникнуться печальной искренностью прожитого времени и ненавязчиво поделиться ею. Ему казалось, что лишь это неспешное проговаривание простых рифмованных фраз в череде бесконечных импровизированных пассажей неспешной же, порой откровенно спотыкающейся музыки притормаживает время и продлевает жизнь.

Через час он был уже далеко от озера и острова. Возбужденный треком Лаки Питерсона «Когда стынет кровь»^[4] и дурманящими ароматами нагретой за день зелени и земли, безжалостно гнал «Форд» по пустой трассе среди полей ячменя и подсолнечника. Уставшее за день солнце начало стремительно падать где-то позади машины, и его подернутый маревом ядовито-красный круг поселился в зеркале заднего вида. Наперекор грусти блюзмена и печальной картине расставания со светилом у Данна неожиданно поднялось настроение, ему захотелось подвезти по дороге домой какую-нибудь девушку и о чем-нибудь с ней поговорить. И ему повезло: он встретил ее около заправочной станции, она голосовала, размахивая сумкой, — веселая, беззаботная. Оказалось, что им по пути. Они познакомились и принялись наперебой болтать обо всем на свете. А когда наговорились вволю, уловили вдруг в вечернем воздухе токи обоюдного притяжения и, не сказав друг другу ни слова, лишь обменявшись озорными взглядами, съехали с дороги, зарылись в гущу подсолнечника и начали целоваться под стрекот готовящихся ко сну цикад и кузнечиков. Солнечные цветы^[5], со всех сторон обступившие машину и в надвигающихся сумерках исполосовавшие ее длинными узкими тенями, с пониманием кивали им с двухметровой высоты отяжелевшими за лето головами. Цветам оставалось жить совсем недолго: месяца через два они должны были пойти под нож неутомимых и бездушных комбайнов.

Весь день Сол провел в небе над озером. Он наблюдал, как люди высадились на остров и ловили рыбу и, не теряя их из виду, продумывал план повреждения автомобилей. Колеса, как он понял, следя за действиями рыбаков, были выполнены из эластичного материала и надувались воздухом. Он пришел к выводу, что со спущенными колесами машина ехать не сможет, а значит, будет достаточно их прожечь.

Зависнув над озером, Сол рассчитывал, что сможет вернуться на прежнее место, — до тех пор пока к озеру не подъехала вторая машина. Приехавший человек перебрался на остров, и все вместе они рассматривали оставленный транспортом след. По их действиям Сол понял, что они детально изучают место стоянки, а это значит, что островом заинтересовались и что придется искать новое место. Жалко было покидать ставший родным остров, но нельзя было рисковать.

Он вывел на экран электронную карту севера Америки и, облетев значительную территорию, заинтересовался небольшим безлюдным озером с единственным островом. Сначала он посадил транспорт на воду и выполнил ее химический анализ, а затем, убедившись в ее пригодности, наполнил баки и перебазировался на новый остров. Место оказалось очень похожим на предыдущее, только вместо пшеничных полей вокруг озера стеной стоял осиновый лес.

Зафиксировав координаты корабля и настроив программу автоматической посадки, Сол вылетел на поиск нового почтового офиса и в небольшом городке на границе с Канадой обнаружил почту; отметив ее расположение на карте, вернулся на новую стоянку.

День можно было завершать. Оставалось лишь связаться с Локом и обсудить план дальнейших действий.

Сол включил дальнюю связь. На экране появился Лок. Он рассказал о том, что по поводу молчания эфира думают сотрудники гуманитарного подразделения: они считали, что переданные письма не восприняты всерьез и дальнейшая их отправка бессмысленна. Гуманитарии предлагали начать с повреждения одной машины, рассчитывая на достаточный резонанс в средствах информации. Если этого не произойдет — приступить к полномасштабному воздействию.

Сол информировал Лока о вынужденной смене стоянки. Объяснив причину, предположил, что если информация о следе на острове распространится достаточно широко, это возможно заставить газету всерьез воспринять его письма. Рассказал, что нашел мирный способ атаки на машины землян. Узнав, что земляне при этом не пострадают, Лок похвалил Сола. В заключение разговора, прошедшего на этот раз спокойно, они решили, что первую атаку Сол проведет на следующий день.

Сол уснул не сразу: в его голове долго прокручивался алгоритм атаки на машины. Завтра надо было научить систему вооружений автоматически выполнять все действия, но предварительно предстояло отработать алгоритм в режиме имитации. Сол никак не мог отвязаться от этой темы, пока не начал думать о Лоа. И сон, наконец, перенес его туда, где они были с Лоа лишь вдвоем.

Ранним утром, когда только начало рассветать и звезды были все еще хорошо видны на едва бледнеющем небе, Сол покинул остров. Над Москвой его встретило безоблачное небо, видимость была превосходной. Время утренних пробок заканчивалось, и движение машин на

дорогах постепенно приходило в относительную норму.

Зависнув над городом, Сол перешел к пульту систем вооружений и запустил программу обучения. В качестве объекта для атаки выбрал образ машины с мигалкой. Затем отметил на машине точки для ударов, указал программе очередность и средства их нанесения и мощность. Подготовив шаблон атаки под названием «Остановить мигалку», проверил его работоспособность в режиме имитации.

Когда все было готово, он опустил ниже и приблизил изображение на экране монитора. Внизу кипела жизнь огромного города. По улицам двигались машины и шли земляне. Их было очень много. Одни земляне заходили в дома, другие выходили из домов. Снующие повсюду машины иногда останавливались, из них выходили люди, другие же садились в машины. Это безудержное движение поражало Сола. Он не понимал смысла массового перемещения между домами машин и людей. Он не понимал, зачем нужно такое огромное количество домов, натканных в ограниченном пространстве. Создать такую плотность жилья, чтобы потом мучиться, часами объезжая эти тысячи домов в поисках тысяча первого или десять тысяч второго дома? Ему казалось, что внизу, под ним, происходит что-то неестественное.

Размышляя, Сол вспомнил историю Верум. Когда-то очень давно воздушный транспорт не был основным способом передвижения. Жизнь неузнаваемо изменилась с изобретением водородного реактора. После того как удалось сделать реакторы компактными, они вытеснили все другие способы получения энергии. Затем ученые создали двигатели для воздушных судов личного пользования. К таким судам впоследствии приклеилось название «летучки». Их производство было поставлено на поток, и с тех пор любой верумчанин мог за несколько минут добраться до любой точки планеты. А диспетчерские функции обслуживания полетов «летучек» взяла на себя глобальная система навигации.

Сол вернулся к изображению на экране, расположил транспорт над широким проспектом и запустил систему идентификации. Через минуту система распознала подходящий объект и вывела его на экран: по встречной полосе проспекта неслась черная машина с мигающим фонарем-рогом на крыше. Встречные машины заранее уходили в сторону, освобождая ей дорогу. Сол максимально приблизил объект, забрал его в канал слежения и активизировал шаблон «Остановить мигалку». Система красными точками отметила на машине места нанесения ударов. Сол решил провести первую атаку в ручном режиме. Сначала он прожег дыру в ветровом стекле и послал в нее химический заряд для отпугивания животных. Через несколько секунд машина остановилась, и из нее выскочили водитель и пассажир. Когда они открыли, как думал Сол, агрегатный отсек машины, он выпустил лазерный луч сначала с левого борта, потом с правого и прожег оба колеса.

Суэта, которая после этого поднялась, означала, что машина не может ехать и значит, цель достигнута. Позже к автомобилю подъехало еще несколько машин. Люди принялись рассматривать повреждения и фотографировать их. Потом они разбрелись по округе и что-то искали. Наблюдая за ними, Сол был уверен, что теперь его действия обязательно получат должный резонанс в средствах информации и его письма будут обнародованы.

Когда машины разъехались, он вернулся на остров. Здесь уже рассвело, но головки лилий все еще прятались под водой в ожидании солнечных лучей. Он немного отдохнул, а потом засел за прослушивание эфира и компьютерной паутины. Но проведенные за этим занятием многие часы ничего не дали, будто на проспекте в Москве не произошло ничего из ряда вон выходящего, будто событие было ординарным и земляне нашли ему подходящее

разумное объяснение. Сол даже расстроился от такого невнимания к его действиям. Ему оставалось, прослушивая эфир, выждать еще два дня, а затем начать массовую атаку на нарушителей дорожного движения.

Дмитрий Владимирович чмокнул Ларку в щеку и начальствующей походкой направился к BMW с синим рогом-мигалкой на крыше.

— Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, — поздоровался водитель, открывая перед ним заднюю дверь автомобиля.

Он не ответил на приветствие, положил портфель в машину, китель повесил на плечики, расположился по центру заднего сиденья и с упреком спросил:

— Времени видишь сколько?

— Не волнуйтесь, товарищ генерал, наверстаем.

Водитель нажал на кнопку пульта, и ворота медленно поплыли в сторону. В расширяющемся проеме на противоположной стороне аллеи одна за другой начали появляться пушистые канадские ели Коники.

— А заранее открыть не мог?

— Извините, товарищ генерал, вы же запретили заранее открывать ворота.

— Заранее — это значит заранее! Видишь, к машине иду. Трудно сообразить, что можно уже открывать?

Дмитрий Владимирович нервным движением сдвинул манжет рубашки и взглянул на часы; сегодня он выступал одним из докладчиков на Совете безопасности и хотел появиться на совещании загодя. Потом посмотрел в окно на жену. Разговаривая по телефону, Ларка устроилась в кресле-качалке, закинула ногу на ногу и запахнула халат. Горничная принесла ей коктейль.

«Живет в свое удовольствие, — позавидовал он. — А тут протирай штаны на заседаниях, воду в ступе толки со всеми вместе и делай вид, что понимаешь всю важность... Хотя бы с сыном чаще общалась. За сына еще думай. Сидит в правлении банка и уверен, что так будет вечно, что он там кому-то нужен. Не дай бог, что со мной случиться... Что же делать с этими утренними коктейлями?..»

В голове роились невеселые мысли. Вчера он допоздна задержался в гостях и теперь не чувствовал себя отдохнувшим; к паршивому настроению прибавилось какое-то неприятное давление в груди. Подобные ощущения он испытывал уже не в первый раз, это тревожило его. Ему вдруг захотелось плюнуть на все, остаться дома и прилечь в саду на зеленую траву под яблоней. Лежать в тени, глядеть в голубое небо и мечтать, как в детстве.

Воспоминания унесли его в Козельск, на берег Жиздры, где они с мальчишками из его двора любили купаться. Обычно они ходили к железнодорожному мосту. Там можно было нырять с берега или перебраться на остров под мостом, растянуться на зеленой траве и наблюдать, как над головой с грохотом проносятся поезда. Лежать и рассказывать, кем будешь, когда вырастешь, расписывать все прелести сделанного тобою выбора и связанного с ним будущего. Казалось, что длинный товарняк с черными нефтяными цистернами никогда не кончится, как и жизнь. Кто-нибудь обязательно пугал, что товарняк может сорваться с моста прямо им на голову, что так бывает. От страха замирало сердце, но с острова никто не уходил, все воспитывали в себе смелость. Став старше, играли в «братство», так это у них называлось. Становились вокруг огромной опоры моста, брались за руки и ждали поезда. Как только поезд выезжал на мост, прижимались мокрыми телами к бетонной опоре и прикладывали к ней уши. Опора под проносившимся составом гудела, жестоко била им в уши

стуком колес, оглушала, их неокрепшие тела охватывала дрожь. От этого таинства обязательного посвящения в «свои» кожа покрывалась мурашками, зубы клацали от неожиданного холода. Но ни у кого не было сомнения в важности происходящего. Пальцы от волнения и страха крепче сжимали руки друзей, и лишь мысль о том, что ты не один, давала силы вынести испытание...

Машина плавно катилась по широким аллеям поселка, под колесами приятно потрескивал гравий. Здесь не принято было гонять, все вели себя в высшей степени солидно, даже молодежь на своих кабриолетах. На выезде охранник поднял шлагбаум и отдал честь. Дмитрий Владимирович кивнул в ответ. Дальше идеальную дорогу обступил сосновый бор с медно-желтыми, будто подпаленными солнцем, стволами сосен, с негустым подлеском из можжевельных кустов и низкорослой рябины. Перед поворотом на загородное шоссе ему из полицейской будки козырнул лейтенант, и он снова кивнул.

С тех пор как он приобрел в Испании виллу на берегу моря, тотальный контроль начал его раздражать. Вилла была предметом его гордости. Она располагалась на высоком скалистом берегу, имела террасу над морем, бассейн и зажатый меж скал маленький песчаный пляж. «Обложили со всех сторон, — думал он, минуя полицейский пост. — Все стучат, каждый по своему ведомству. А цель одна-единственная: придушить компроматом, когда понадобится. Скорее бы в отпуск, три денька осталось. Попью сухого хереса, покупаюсь в море, съездим куда-нибудь. Ларка, кажется, в Фигерас хотела, в музей Дали, что ли...»

От мыслей об отдыхе стало немного легче.

Машина вынырнула из бора на шоссе и понеслась в город, легко обходя попутные автомобили, но в скором времени уперлась в хвост пробки. По встречной полосе обойти ее было невозможно, мешали разделительные ограждения.

— Врубай свое пугало, — приказал он водителю.

Машины уступать дорогу не спешили. Он нервничал и думал о том, что народ в стране сволочной, что все обязаны ему уступать, что нет никакого законопослушания и что с таким народом надо разговаривать только батогами.

Водитель у него был первоклассный, выжимал из дорожной обстановки все, что можно, едва не подталкивая в зад впередиидущие машины. Но это мало помогало. Они тащились со всеми минут двадцать, пока не оказались в черте города, на проспекте, где можно было развернуться во всю ширь элитного статуса хозяина машины. Выехали на встречную полосу и помчались.

Он посмотрел на часы и успокоился, достал из портфеля листы доклада, очки и приготовился к чтению. В область движение было слабым, встречные машины успевали перестраиваться из крайнего левого ряда. Оценив ситуацию, скомандовал:

— Придави!

— Да куда уж, товарищ генерал, сто шестьдесят идем, — несмело заметил водитель.

— Я сказал — придави, значит, придави. Что с тобой сегодня, вольнолюбивый дух закрался? Так я быстро исправлю, — пригрозил он.

Машина уже не ехала, она летела, мигая и противно покрякивая.

Они потом не смогли точно объяснить, что произошло, был ли какой-нибудь необычный звук или удар; может быть, они что-то пропустили из-за орущей крякалки и сумасшедшей скорости. Салон машины вдруг наполнился сизой дымкой, и они почувствовали отвратительный сладковатый запах. Оба одновременно начали кашлять.

Водитель остановил машину и включил аварийную сигнализацию. Продолжая кашлять, они выскочили из салона.

— Твою мать, что у тебя горит?

— Ничего у меня не горит, товарищ генерал, — уверенно ответил водитель.

— Смотри под капотом, умник!

Водитель собрался поднять капот, Дмитрий Владимирович встал рядом. И в этот момент они услышали два последовавших один за другим негромких хлопка, а затем свистящий звук выбивающегося наружу воздуха. Запахло горелой резиной. Машина начала оседать и вскоре стояла на ободьях передних колес.

— Твою дивизию! — выругался Дмитрий Владимирович. — Разбирайся, выясняй, в чем дело.

Пока он кричал в телефон дежурному полковнику, чтобы срочно прислали новую машину и эвакуатор, водитель осматривал одно из пробитых колес. В верхней части протектора он увидел небольшую оплавленную по краям дыру. Но удивлению его не было предела, когда точно такую же дыру он обнаружил и на другом колесе.

— Товарищ генерал, вы посмотрите! — возбужденно воскликнул водитель, приглашая начальника взглянуть на повреждения. — Колеса как будто чем-то прожгли.

Дмитрий Владимирович осмотрел колеса, зачем-то сунул в дыру палец и пришел в полное недоумение.

— И дыры в верхней части протектора, будто их жгли сверху.

Он встал с корточек и посмотрел вверх и вперед, потом в стороны от машины. Но над ним простиралось безоблачное голубое небо, а вперед и назад тянулись километры проспекта.

— Товарищ генерал! — вдруг закричал водитель, указывая рукой на нижнюю часть ветрового стекла рядом с резиной уплотнителя. — И здесь дыра!

В стекле действительно была маленькая дыра с оплавленными краями; вокруг нее не образовалось, как это обычно происходит, ни одной бегущей от нее трещины.

Дмитрий Владимирович огляделся вокруг, будто искал спрятавшегося в кустах снайпера. Мимо проносились машины; с одной стороны дороги в отдалении тянулся старый яблоневый сад с ровными рядами деревьев; с другой располагался хорошо просматриваемый парк с редкими гуляющими парочками. Ничего подозрительного не обнаружив и посуровев, приказал:

— В машину не садись. Ничего не трогай и к машине никого не подпускай.

— Так точно! — козырнул водитель.

Затем он позвонил начальнику Управления собственной безопасности, коротко информировал его и приказал немедленно прислать бригаду оперативников и криминалистов.

— Только сопляков мне не надо, понял меня? Самых опытных, — потребовал он.

В это время рядом с ними притормозила машина ДПС. Из нее с трудом выбрался грузный капитан с потным лицом и молодой лейтенант. Капитану достаточно было одного взгляда на номер машины, чтобы понять, какого ранга чиновник стоит перед ним. Он отдал Дмитрию Владимировичу честь, представился и спросил:

— Чем могу вам помочь?

Дмитрий Владимирович оглядел капитана, соображая, надо ли воспользоваться его помощью.

— Капитан, машина повреждена. Причина неизвестна. Попрошу никого к машине не подпускать до прибытия моих людей и включить маяки. Это мой водитель, он останется с вами. Своим ничего не сообщайте. Маневр понятен?

— Так точно, товарищ генерал! — козырнул капитан.

Полицейские включили маяки. Через минуту за Дмитрием Владимировичем пришла машина. Он уехал, а водитель остался дожидаться оперативной бригады. Позже подъехал эвакуатор.

Полицейские были недовольны, что ими так бесцеремонно распорядились. Смачно матерясь, они решили осмотреть генеральскую машину. Водитель в это время наматывал вокруг нее круги, гадая, кто же мог так прожечь дыры.

Так что все-таки произошло? — поинтересовался у него капитан. — Вы же были свидетелем.

— Если бы знал — сказал, — ответил водитель. — Можете сами посмотреть, только ни до чего не дотрагивайтесь.

— Да не будем, — успокоили его полицейские и принялись разглядывать повреждения. К ним присоединился шофер эвакуатора.

После осмотра машины все четверо закурили и стали выдвигать фантастические предположения — одно нелепее другого.

Вскоре подъехал фургон службы безопасности. Руководитель бригады отправил гаишников восвояси, настоятельно посоветовав забыть все, чему они оказались свидетелями. Потом начались расспросы водителя. Тот подробно рассказал, что произошло.

Сделав несколько фотографий, криминалисты занялись машиной. А оперативники разбрелись по обеим сторонам дороги в расчете что-нибудь найти. В парке они пристали с расспросами к чете пенсионеров. Но те, хотя и сидели на скамейке лицом к проспекту, ничего ответить не смогли. Покрутившись на месте аварии, ни к какой версии бригада так и не пришла; все находились в абсолютном недоумении. Руководитель доложил о результатах работы начальнику управления и в ответ получил от него изрядную порцию матерщины, после разговора покрылся красными пятнами и приказал грузить BMW на эвакуатор.

По дороге назад офицеры бригады молчали; все понимали, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Один из них вдруг высказал странную идею.

— Неплохо было бы навести справки в штабе ПВО округа, — предложил он.

— С какой целью? — спросили его коллеги.

— Узнать, не было ли у них в это время каких-либо необычных нарушений воздушного пространства.

Офицеры лишь улыбнулись ему в ответ, и он замолчал.

...Как только заседание Совета Безопасности закончилось, Дмитрий Владимирович отправился в свою цитадель и вызвал к себе начальника управления. Тот подробно доложил, что было сделано в связи с аварией.

— И это все? — сурово спросил Дмитрий Владимирович. — Зачем ты так подробно рассказывал мне сейчас про экспертизы? Чтобы затушевать тот очевидный факт, что вы, по-русски говоря, обосрались и у вас нет ни одной дельной версии в голове? Это была не авария, это было спланированное нападение. И объектом нападения, как ты понимаешь, был я. А кто у нас отвечает за безопасность? Ты!

Начальник управления молчал, говорить было опасно. В другое время Дмитрий

Владимирович не ограничился бы простой констатацией некомпетентности подчиненного — и тот выскочил бы из кабинета едва живой. Но в данном случае его сдерживало собственное абсолютное непонимание того, каким образом были сделаны ювелирно точные повреждения машины, тем более что в потусторонние силы он верить не привык.

— Тему закрываем, — после раздумий подвел он итог. — Никуда никакой информации. Понятно? Ничего не было. Всех своих предупреди.

Начальник управления стоял по стойке смирно, прижав руки к лампасам, кивал головой и на каждую фразу начальника главка чеканил одно и то же: «Так точно!»

— Я надеюсь, с гаишниками побеседовали перед расставанием?

— Так точно, товарищ генерал-полковник.

— Свободны.

Отпустив начальника управления, Дмитрий Владимирович снова вспомнил, что его ожидает отпуск и маленький уютный пляж. Перелистывая ежедневник и отмечая плановые мероприятия следующего месяца, он невольно думал о том, что через несколько дней берег Каталонии встретит их с Ларкой морем и солнцем и можно будет по-настоящему расслабиться и отдохнуть.

«Ларка, наверное, уже начала готовить чемоданы, — он никак не мог сосредоточиться на работе. — Интересно, она не забыла распорядиться по поводу местной поварихи?»

Фоунтейн начал рабочий день с просмотра утреннего выпуска — как обычно. Полистав газету, он остановился на разделе хроники, которым никогда особенно не интересовался. Но сегодня его взгляд невольно задержался на предпоследней странице, поскольку всю отведенную под хронику площадь занимала единственная заметка под интригующим заголовком «След в округе Таунер оставил НЛО?». Заметка содержала фотографии, что для хроники было редкостью. На одной двое мужчин, похожих на туристов, стояли на фоне заросшего камышами берега какого-то водоема. Второй снимок примятой травы дополняли стрелки-указатели с пояснениями.

Фоунтейн прочитал заметку и задумался. Мужчины оказались не туристами, а рыбаками. Барри — фермер из Кандо, Мэтт — хозяин небольшой автомастерской — оттуда же. «Не похоже, чтобы эти парни занимались сочинительством», — подумал Фоунтейн и вспомнил рыжий конверт и содержащийся в нем бредовый текст, отчего почувствовал легкое волнение. Не отдавая себе отчета, для чего это делает, он вывел на экран компьютера карту штата и в северо-восточной его части нашел озеро Маза с островом, о котором шла речь в заметке. Озеро находилось на границе трех округов — Бенсон, Таунер и Рамси, на одинаковом расстоянии от городков Кандо и Черчс Ферри.

Фоунтейн вернулся к заметке, прочитал описание следа еще раз и представил себе, как волна неожиданно окатывает рыбака в лодке, а второго едва не сбивает с ног. Его раздумья нарушил стук в дверь. Это Джоан принесла кофе. Он поздоровался, поблагодарил ее и в этот момент понял, что именно не дает ему покоя: почтовый индекс на рыжем конверте и номер собственной «Хонды». Джоан была уже в дверях, когда он остановил ее излишне резким в тишине кабинета восклицанием:

— Джоан! Подождите, пожалуйста.

Джоан вздрогнула и повернулась к Фоунтейну.

— Что случилось?

— Извините, не хотел вас напугать. Не могли бы вы срочно подготовить список почтовых индексов по трем округам штата?

Джоан внимательно посмотрела на шефа. Его возбужденное состояние было необъяснимым и потому странным.

— По каким именно округам? — уточнила она.

— Бенсон, Таунер и Рамси.

После ухода Джоан Фоунтейн заволновался. Он принялся выводить в блокноте число 325 и с нетерпением ждал возвращения секретаря, машинально прикладываясь к чашке с кофе. Когда на листе не осталось свободного места, Джоан вернулась и положила ему на стол список почтовых индексов. Он даже забыл ее поблагодарить — сразу уткнулся в лист бумаги и заскользил пальцем по колонке чисел. Но она не преминула напомнить ему о вежливости:

— Это то, что вам было нужно, сэр?

— Что? — рассеянно переспросил он. — А... да, спасибо.

Он продолжил движение по списку и замер на числе 58325. Это был почтовый индекс городка Черчс Ферри в округе Рамси.

Какое-то время Фоунтейн сидел неподвижно, разглядывая августовские числа

настольного календаря. Затем закрыл глаза и пытался представить себе инопланетян. Потом думал о том, как с их появлением может измениться жизнь на Земле. Кожа у Фоунтейна покрылась мурашками, ему стало зябко. Под окном с включенной сиреной проехала машина «Скорой помощи». Он очнулся, допил остывший кофе, и некоторое время собирался с мыслями. Затем позвонил Уорнеру.

— В чем дело, господин Уорнер? — спросил он нарочито недовольным тоном. — Твои пинкертонсы накопили материал про НЛО, а ты молчишь, словно такие пустяки случаются у тебя каждый день.

— Я хотел преподнести тебе сюрприз, — начал оправдываться Уорнер, не уловив истинного настроения шефа. — Небольшой намек на сенсацию в серой безмятежности, так сказать, наших газетных будней.

— Старина, ты сентиментален сегодня. Спасибо, сюрприз тебе удался. А кто был детективом?

— Роберт Данн.

— Пришли его, пожалуйста, ко мне, я хочу расспросить его подробнее. Может, вашу хронику пора переселять на первую страницу, а вы все топчетесь на задворках, — пошутил Фоунтейн, прежде чем положить трубку.

Ждать Данна долго не пришлось: узнав о причине вызова от Уорнера, он в предвкушении общения с главным редактором примчался мигом.

— Спасибо за работу, — поблагодарил Данна Фоунтейн, жестом предлагая ему присесть. — Прекрасная заметка. У меня к тебе лишь несколько вопросов. Во-первых, что ты можешь сказать о рыбаках?

— А что вас интересует?

— Знаешь, есть такой сорт людей, которые, чтобы прославиться или просто подурачиться, любят поводить нашего брата за нос. А мы, газетный народец, падкий на сенсации, легко очаровываемся их выдуманными историями.

— Нет, сэр, в данном случае это не так. Обыкновенные рыбаки. Барри склонен верить в невероятные сценарии. Мэтт, наоборот, очень скептически относится к подобным вещам. По этому поводу они даже ссорились друг с другом.

— Хорошо, будем считать, что рыбаки ничего не сочиняют. А как ты думаешь, что явилось причиной образования воздушной волны?

— Все зависит от того, где она зародилась. Если над островом, тогда можно предположить, что там был объект, который инициировал волну и оставил след после своей стоянки. Но вот проблема: рыбаки его не видели. С их слов, вчера утром стоял туман. Но даже если так, как можно не увидеть на безлесном острове предмет длиной около двадцати метров? Тем более как можно было не увидеть взлет этой махины?

— Не заметить такую махину действительно сложно. Давай посмотрим фотографии, — предложил Фоунтейн.

Он уступил Данну место в кресле у монитора. Тот вывел на экран каталог вчерашних фотографий, и они начали их просматривать. Когда они увеличили фотографию одного из сломанных камышей, Данн вдруг воскликнул:

— Я кое-что заметил! Если не возражаете, давайте посмотрим снимки камышей еще раз.

Они начали выводить на экран сломанные камыши, максимально увеличивая каждую фотографию.

— Посмотрите, — переходя от снимка к снимку, комментировал Данн, — головка камыша свисает по ту сторону стебля. И здесь тоже. И у этого камыша то же самое, — Данн вдруг встал с кресла, будто собирался произнести речь. — Я уверен, что центр образования волны находился на острове в том месте, где расположен след.

Фоунтейн посмотрел на Данна, ожидая объяснений. Тот продолжил:

— Важно знать, из какого положения по отношению к следу я фотографировал. Оказавшись на острове, я первым делом пошел в обход следа. Барри шел за мной и рассказывал, что произошло. А я в это время записывал его рассказ на диктофон и щелкал без остановки. Иногда Барри подсказывал, что снимать. Он останавливал меня и предлагал сфотографировать то вмятину, то сломанный камыш.

Фоунтейн начал догадываться, куда клонит Данн.

— А как ты снимал камыши? Они ведь растут вдоль берега. Ты подходил к ним?

— Нет, у меня не было времени. Я поворачивался лицом к озеру, приближал сломанный стебель и фотографировал. И при этом стоял спиной к следу.

— И головки были свешены в противоположную от тебя сторону! — придя в не меньшее возбуждение, чем его молодой коллега, воскликнул Фоунтейн.

Данн как истинный корреспондент-хроникер, находящийся в состоянии новостной лихорадки, уже не мог сдерживать переполнявшие его эмоции. Он заговорил торопливо, захлебываясь словами.

— Посмотрите на любой сломанный камыш. Его головка висит, возможно с небольшим отклонением, за стеблем в сторону от фотографа. Так сломать камыш может только воздушная волна, идущая от фотографа к камышу. А что значит от фотографа к камышу? Я же при этом стоял спиной к следу...

Фоунтейн не выдержал и перебил Данна:

— Это означает, что волна шла от следа к камышу, то есть зародилась над следом.

После их разговора на повышенных тонах стало очень тихо, лишь шумел кондиционер, нагнетая в кабинет прохладный воздух и колебля листья-ракетки разлапистого цветка. Они молчали, глядя друг на друга радостными глазами людей, только что разгадавших вековую тайну.

Позвонила Джоан и напомнила Фоунтейну, что через час у него плановое совещание редакторов отделов.

— Оповестите, пожалуйста, всех, что совещание отменяется. И еще, Джоан, дорогая, — сказал Фоунтейн, но тут же осекся и смутился от своего невольного вырвавшегося обращения. — Принесите нам с Робертом, пожалуйста, кофе.

Джоан удивилась словам шефа, но ничего не сказала.

— Теперь займемся вмятинами, — предложил Фоунтейн. — Может быть, мы что-то упустили.

Они снова припали к монитору.

— Обрати внимание на эту вмятину, она не имеет форму круга, — заметил Фоунтейн. — Ее абрис — это цепочка соединенных между собой дуг разной длины. Посмотри, заканчивается одна дуга — начинается другая, заканчивается одна — начинается другая, — и он провел концом ручки по каждой из дуг.

— Напоминает контур стилизованной ромашки, — сказал Данн. — Только лепестки этой ромашки имеют разный размер.

— Зачем нужна опора с таким контуром в основании? Какой в этом смысл?

И тут Данна вновь осенило. Глаза его загорелись лихорадочным блеском, он вскочил, вдавил очки в переносицу и срывающимся от волнения голосом спросил Фоунтейна:

— Сэр, у вас есть что-нибудь круглое, чем можно оставить след на бумаге?

Фоунтейну показалось, что если сейчас же не дать Данну того, что он просит, его хватит удар. Он достал из стола печать и протянул Данну. Находясь в невероятном возбуждении, Данн вытащил лист бумаги из лотка принтера, поставил на него печать и громко продекларировал:

— Это я прилетел на остров первый раз! — Он шлепнул печатью еще раз, сместив ее относительно первого оттиска, и радостно воскликнул: — А это я прилетел на остров во второй раз!

Потом он поставил еще несколько печатей вокруг первого оттиска с небольшим сдвигом от него, сопровождая каждый оттиск комментарием: «Третий раз, четвертый...», затем обвел фломастером край получившейся фигуры и протянул лист Фоунтейну:

— Посмотрите, окружность этого якобы круга состоит из нескольких соединенных дуг. И вот как эта окружность образовалась.

Данн был в ударе и походил на ученого в момент озарения. Фоунтейн смотрел на него с неподдельным интересом.

— У моего корабля опоры без волнистых краев, — продолжал Данн. — У него цилиндрические опоры правильной формы и прекрасная система навигации. Но я тем не менее не могу каждый раз при приземлении попадать абсолютно точно в прежний, так сказать, *оттиск печати*, я каждый раз немного промахиваюсь относительно центра *первого оттиска*. Причем, заметьте, случайным образом. И в итоге получается вот такая картина! — торжественно заключил Данн, указав рукой сначала на экран монитора, затем на лист бумаги.

Он замолчал и рухнул на стул, устав от пережитого эмоционального всплеска.

— Невероятно, — только и смог произнести Фоунтейн; он был восхищен точностью найденной аналогии с печатями и простотой объяснений Данна.

Джоан принесла кофе.

Обращение «дорогая» не выходило у нее из головы. Она не могла понять, что произошло с шефом, и снова и снова возвращалась к этой теме.

«Это обычная оговорка или что-то другое? — размышляла она. — А что могло быть другое? За год, пока он возглавляет редакцию, он ни разу не удосужился поговорить со мной о чем-нибудь, кроме работы. Только постоянно смущает своим оценивающим взглядом. Его ни разу не хватило даже на комплимент. Но сегодня все было очень странно. Зачем ему срочно понадобились почтовые индексы? И потом, Данн. За все время работы в редакции он, кажется, первый раз сидит в этом кабинете. С чего вдруг? Он же пишет заметки в раздел хроники, для чего он мог понадобиться шефу?»

Она обратила внимание на возбужденные лица коллег. «Чем они тут занимались?» — подумала она и, съедаемая любопытством, вышла из кабинета.

После ухода Джоан они пили кофе, каждый думал о своем. Фоунтейн думал о том, что Данн удивительный парень и что в его гипотезе есть какая-то уязвимая деталь. А Данн думал о том, что главный редактор совсем даже не глупый малый, и о том, что произойдет, если НЛО будет найден.

Фоунтейну, наконец, удалось ухватить то, что его смущало в объяснениях Данна.

— Роберт, вот что меня сбивает с толку: а зачем твоему кораблю надо каждый раз

стараться попасть в прежний след?

— Вы не поверите, я как раз думал об этом, — засмеялся Данн. — Действительно, разве это так важно? Самое короткое объяснение звучит так: потому что НЛО приземляется в автоматическом режиме.

— Короткое и непонятное, — пошутил Фоунтейн.

— Вот смотрите. Вы прилетели на чужую планету. Где вам приземлиться? Совсем не праздный вопрос, если учесть, что вы не знаете местности. Где болото, где слабый грунт или еще что-нибудь в этом роде. Вам надо найти прочное ровное место. Вы же не хотите провалиться вместе с кораблем в тартарары? Наконец место вами найдено. Вы с осторожностью приземлились в ручном режиме. Все получилось штатно, как говорят специалисты. Спрашивается, зачем вам снова терять время на поиски, если уже найдено опробованное место? Тем более что думать при этом не приходится. Один раз зафиксировали координаты места посадки — и все. Дальше за вас думает бортовая система навигации. А приземлиться в ту же точку для корабля такого класса — детская задачка.

«Какая светлая голова у этого парня», — подумал Фоунтейн и спросил:

— Что, кроме снимков, выложено на нашем сайте?

— Мой полный комментарий. В газете он сильно сокращен. Но наших с вами открытий там нет, — улыбнулся Данн.

— И хорошо... Давай возвратимся к тому, с чего начали: почему рыбаки не видели корабль?

— Принимая наши с вами гипотезы как строго доказанные, я могу лишь заключить, что НЛО невидим человеческим глазом, — сказал Данн. — Невероятно, но в продолжение нашей логики другого разумного объяснения я не нахожу... Но это кажется невероятным лишь потому, что мы исходим из тех технических возможностей, которыми обладаем сами. Насколько инопланетяне опередили нас в развитии, мы и представить себе не можем.

— Это так, но матерым материалистам не понравится, что объект никто не видел. Им дай обязательно на зуб попробовать, как золотую монету на средневековом базаре. А не видел — значит не было.

— Ну, тогда пусть они потрудятся объяснить установленные факты, — парировал Данн.

— Не возражаю, — засмеялся Фоунтейн. — Роберт, у меня к тебе просьба. Все, что нам с тобой удалось выяснить, обязательно будет опубликовано с твоим непосредственным участием. Но пока пусть наши с тобой догадки побудут какое-то время лишь в наших головах. О'кей?

Данн кивнул и собрался уходить, но в дверях остановился.

— Еще одна мысль, если позволите. Я могу легко доказать, что корабль приземлялся на остров как минимум столько раз, сколько дуг расположено в контуре вмятины. Больше может быть, меньше — нет.

— Я тебе верю, — улыбнулся Фоунтейн. — Скажи, а зачем ты пошел в газету? У тебя же были хорошие перспективы в научной работе.

От вопроса шефа Данн сразу сник, глаза его потускнели. Фоунтейн заметил перемену в его лице, но не понял, с чем это связано.

— Видите ли, сэр, после университета я обнаружил, что хочу общаться с людьми, мне это больше подходит. Я меньше устаю, когда работаю на воздухе, в разъездах, чем за компьютерным столом. Плюс фотография, конечно. Я со школы ее увлекаюсь, тоже сыграло свою роль.

Когда Данн ушел, Фоунтейн позвонил Джоан и попросил ее выяснить, по каким дням вывозят бумажный мусор из редакции. Джоан ответила, что и так знает — рано утром по понедельникам. После этой еще одной необычной просьбы шефа она решила, что в редакции и лично с Фоунтейном действительно происходит что-то странное, и даже подумала, не поделиться ли ей с кем-нибудь своими наблюдениями.

После разговора с Джоан Фоунтейн успокоился, потому что письма он просматривал в понедельник и во вторник, а сегодня четверг, и это значит, что они пока еще находятся в редакции. Потом он вспомнил, что некто Сол обещал начать свои действия через три дня, то есть сегодня, и позвонил Лоренсу.

— Стив, ты помнишь письмо, которое я показал тебе в начале недели?

— В котором пришелец обещал научить русских правильно ездить по дорогам? Разумеется, помню.

— Пробегись, пожалуйста, по главным новостным сайтам, прежде всего по русским, и выясни, не привел ли он свою угрозу в исполнение.

Фоунтейн не сомневался, что услышит от Лоренса пропитанные иронией вопросы по поводу его просьбы, и был очень удивлен, когда их не последовало.

— О'кей, что-то будет — сразу позвоню.

Поколебавшись секунду, Лоренс спросил:

— А ты читал в утренней хронике заметку про рыбаков?

— Читал.

— Очень любопытная заметка. Рекомендую еще комментарий Данна на нашем сайте, — посоветовал Лоренс и добавил: — Неплохо было бы узнать, в каком почтовом отделении наш пришелец опустил свое письмо. Как ты думаешь?

Фоунтейн понял, что Лоренс мыслит в том же направлении, что и он сам, и пытается нащупать связь между событиями. «Как всем интересна эта тема, — подумал он, — есть во Вселенной разумные существа, кроме нас, или нет. Какое может начаться брожение в умах, если их существование подтвердится, даже трудно себе представить». Но ему не хотелось обсуждать с Лоренсом эту тему и тем более делиться своими открытиями. Поэтому он ограничился шуткой, напомнившей коллеге о его скептическом фыркanye в прошедший понедельник.

— Стив, твоя логика мне понятна. Смелые фантазии — это замечательно, но чувство меры в фантазиях — еще лучше. Жду твоего звонка.

Фоунтейн положил трубку. Только теперь, выяснив все, что было возможно выяснить, он решил позвонить Ларкину, но опоздал: босс его опередил.

Ларкин начал, как всегда, недовольным тоном:

— Почему заметка об НЛО затерялась у вас на последних страницах?

Насколько было известно Фоунтейну, Ларкин просматривал собственную газету, что называется, по диагонали. И то, что его вдругхватило даже на местную хронику, удивило Фоунтейна.

— Материал об НЛО был получен вчера вечером и помещен в газету в экстренном порядке. На изменение макета выпуска уже не было времени.

— Как вы умеете вывернуться. Что собираетесь предпринять дальше?

— Прошу прощения, но мне не надо ни из чего *выворачиваться*.

— Вы не ответили на мой вопрос. У вас сенсационный материал, а вы до сих пор не знаете, как им распорядиться. Может быть, вы и телевизор не смотрите?

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился Фоунтейн.

— То, что по новостному каналу штата в утреннем обзоре прессы вашу заметку успели процитировать и прокомментировать вдоль и поперек. И может так получиться, что в скором времени все забудут, кто первым откопал сенсацию.

— Именно поэтому мне надо с вами встретиться.

— Я недалеко от вас, скоро буду, — сказал Ларкин и отключился.

Потом позвонил Лоренс и сообщил, что у него нет новостей.

Когда через пятнадцать минут в кабинет вошел Ларкин, Фоунтейн перечитывал комментарий Данна. Провалившись в кресло, босс вытащил полы пиджака из-под массивного зада и выпалил:

— У меня мало времени. Что у вас?

— В понедельник в редакцию пришло письмо. Автор представился посланцем с другой планеты и потребовал передать русским, *в Россию*, — уточнил Фоунтейн, — что будет уничтожать автомобили, едущие по встречной полосе с мигающими фонарями на крыше, как на полицейских машинах. Позавчера...

Но Ларкин не дал Фоунтейну договорить.

— И для выслушивания бреда какого-то умалишенного вы вытащили меня в редакцию? — возмутился он и откинулся на спинку кресла.

— Я не закончил, — спокойно продолжил Фоунтейн. — Позавчера пришло второе письмо. Я не стал его читать и выбросил. Но заметил, что три последние цифры почтового индекса отправителя совпадают с цифрами номера моей «Хонды». Это число 325.

Ларкин принялся сминать ухо в комок. Для свободной руки ему не хватало блокнота и ручки, но Фоунтейн и не думал приходить ему на помощь.

— Остров, на котором оставил след НЛО, находится на озере на северо-востоке штата. Сегодня я выяснил, что почтовый индекс Черчс Ферри — 58325. Это значит, что оба письма поступили из почтового отделения этого городка. От него до озера меньше десяти миль.

Ларкин оставил ухо в покое.

— Не хотите ли вы сказать, что этот инопланетянин ходит пешком до Черчс Ферри и бросает там письма?

Фоунтейн решил поиздеваться над боссом.

— Нет, я хочу сказать, что наматывать лишние мили никому не интересно, даже

инопланетянам. А почтовый офис в Черчс Ферри — ближайший к острову. Во-вторых, почему же он один ходит? Может быть, их несколько в экипаже. И, кроме того, в аббревиатуре НЛО средняя буква «Л» означает «летательный». Принимая это во внимание, можно предположить, что они добираются по воздуху, а не ногами. И вообще, мы даже не знаем, есть ли у них ноги.

— Я понял. Только почему их до сих пор никто не видел?

— Наверное, потому, что они старательно избегают контактов с людьми.

Реакции со стороны босса не последовало, и Фоунтейн продолжил:

— Заметку пересказывать не буду, раз вы говорите, что читали ее.

— Вы хотите сказать, что у вас есть еще что-то кроме заметки и писем? — встрепенулся

Ларкин.

— Заметка содержит лишь предположения. Вчера вечером не было времени для подробного анализа. Но сегодня в спокойной обстановке мы тщательно изучили фотографии...

— Кто это «мы»? — перебил Ларкин. — Кого вы подключили к этой работе?

— Автора заметки Роберта Данна... Так вот, анализ фотографий показал, что эпицентр зарождения воздушной волны находился над следом, оставленным НЛО. Более того, формы вмятин от опор НЛО говорят о том, что он неоднократно приземлялся на остров. Остров был его местом стоянки. Данн очень наглядно доказал это.

Ларкин скорчил брезгливую гримасу:

— Он что для вас — непререкаемый авторитет, этот Данн? Почему вы так легко приняли его версию?

— Потому что у него превосходное образование и светлая голова. Он окончил Массачусетский технологический институт, в его рассуждениях нет изъяна.

— Мы все что-нибудь да окончили, — пробурчал Ларкин.

«Ты точно окончил *что-нибудь*», — подумал Фоунтейн, а вслух сказал:

— Если вы не в курсе, то с удовольствием сообщая вам, что Массачусетский институт — это не «что-нибудь», а мировая кузница нобелевских лауреатов.

Ларкин недовольно хмыкнул, но промолчал.

— Я предлагаю в вечернем выпуске поместить развернутый материал об НЛО, — сказал Фоунтейн.

— А письма вы собираетесь опубликовать в следующем году? — съязвил Ларкин. — Кстати, покажите мне их.

— Письма надо прежде разыскать, они находятся в бумажном мусоре. Что касается публикации — это тот вопрос, из-за которого я попросил вас приехать. Мы, конечно, можем их напечатать, никого предварительно не уведомив. Вместе с информацией об острове это, безусловно, станет двойной сенсацией. Но письма содержат угрозу в адрес другого государства. Поэтому мне кажется, что будет лучше, если сначала мы поставим в известность ФБР, иначе у нас могут возникнуть неприятности.

Из сказанного главным редактором Ларкину понравилась лишь фраза про двойную сенсацию. Он понимал, что материал, которым располагает редакция, — огромная удача для газеты. И ему не хотелось отдавать лавры первой публикации кому бы то ни было, пусть даже и ФБР.

— Кто, кроме вас, знает о письмах? — спросил он.

— Первое письмо я показал Лоренсу. Он помог мне перевести текст.

— Почему же вы не предприняли никаких шагов к публикации?! — неожиданно с негодованием воскликнул Ларкин.

«Сейчас ты у меня получишь», — ухмыльнулся Фоунтейн и зажурчал вкрадчивым голосом:

— Вы, по-видимому, забыли, что наш разговор я начал с сообщения о письме. И вы с ходу, заметьте — с ходу, назвали письмо бредом, а его автора — умалишенным. Припоминаете? А спустя пятнадцать минут вы упрекаете меня в том, что я не напечатал бред этого идиота. Странно, не правда ли?.. Именно поэтому, предвидя вашу реакцию на упомянутый бред, я ничего не предпринял.

Фоунтейн глядел на Ларкина, любуясь отразившимся на его лице результатом тяжелого мыслительного процесса. Череп Ларкина налился кровью. Он что-то заподозрил в словах Фоунтейна, но не мог определить, что именно.

— Я вижу, вы хотите меня как-то поддеть. Или что-то в этом духе. Или мне показалось? — спросил он.

— Ничуть, — непонятно на какой вопрос ответил Фоунтейн.

Ларкин насупил брови.

— Я объяснил вам, — продолжил довольный Фоунтейн, — почему меня в понедельник, как и вас сегодня, не заинтересовало это письмо.

Ларкин недовольно засопел и снова начал сминать ухо в комок. Фоунтейн ожидал вердикта начальника, размышляя, решится ли тот на публикацию писем.

Наконец Ларкин ни на что не решился.

— Поступим так. Я схожу на ланч и подумаю. А вы за это время найдите письма. И срочно готовьте для вечернего выпуска публикацию об НЛО на первой странице. Прочее можете сдвинуть по своему усмотрению.

— А что по поводу писем? — напомнил Фоунтейн.

— Пока оставьте письма в покое. Я вернусь, тогда решим, как с ними поступить. Вы найдите их, но не распространяйтесь... Что молчите, у вас есть другие предложения?

Фоунтейну совсем не хотелось копаться в мусоре.

— Если вы позвоните в ФБР, оттуда приедут джентльмены и быстро найдут эти письма. Что-то мне подсказывает, что вы так и поступите. В итоге окажется, что я таскал каштаны из огня.

— Что за каштаны? — недовольно спросил Ларкин, но интуитивно сумел понять суть: — Боитесь перетрудиться?

— Не готов выполнять работу за государственных служащих.

— Сегодня особый случай, — Ларкин встал с кресла и одернул пиджак. — Подскажите, что мне взять в «Рэдиссоне»? Кажется, вы навещаетесь туда на ланч?

— На обед, — поправил его Фоунтейн и сухо порекомендовал: — Ничего лучше говяжьего стейка с кровью в «Рэдиссоне» вы не найдете.

— Жаль, — сказал Ларкин и вышел из кабинета.

Фоунтейн вызвал к себе Уорнера и Данна.

Сначала он рассказал Уорнеру об их с Данном открытиях и догадках. После этого втроем они обсудили формат статьи. Решили, что статью напишет Данн, а Уорнер, как ему и положено по должности, возьмет на себя редактирование.

Отпустив коллег, Фоунтейн попросил Джоан зайти к нему.

— Скажите, пожалуйста, вы знаете, куда уборщицы выносят бумажный мусор из наших корзин? — спросил он, когда Джоан вошла в кабинет, держа наготове блокнот и ручку.

Джоан, уже не первый раз за этот день, с удивлением посмотрела на Фоунтейна. От нее не укрылось возбужденное состояние шефа, в котором он пребывал сегодня с самого утра. В таком состоянии она никогда его раньше не видела. Странности начались с понедельника, когда он приехал ни свет ни заря и полил цветы. Во вторник он тоже был целый день сам не свой в связи с совещанием, на котором присутствовал босс. «Похоже, эти странности продолжаются до сих пор», — подумала Джоан и спросила:

— Вы выбросили что-то важное?

— Да. И это *что-то* надо найти. Проводите меня, пожалуйста, в помещение, в котором собирают мусор. Или я сам смогу его найти?

— Мне проще вас проводить, чем объяснить, как пройти. А собственно говоря...

Джоан замолчала. Фоунтейн понял, что она ждет объяснений. Он колебался: ввести Джоан в курс дела или нет? В итоге решил, что без объяснений ему все равно не обойтись.

— Вы читали заметку Данна в утреннем выпуске? — спросил он.

— Разумеется. О ней только и говорят на всех этажах. Даже телевидение заинтересовалось.

— Так вот, мы с вами сейчас направимся на поиски писем, связанных, как мне кажется, с этим самым НЛО.

Улыбнувшись про себя, Джоан лишь кивнула в ответ. Они спустились в полуподвальное помещение. Вдоль стен теснились пластмассовые баки для мусора. Отдельно от них стоял черный полиэтиленовый мешок с надписью «Только для писчей бумаги».

— Вот то, что вам было нужно, — сказала Джоан и заспешила обратно. — Надеюсь, дорогу назад вы найдете самостоятельно.

— Если вы подождете минуту, я покажу вам нечто очень любопытное. Потом поднимемся вместе.

— Вы хотите сказать, что управитесь за минуту? — с сомнением спросила Джоан.

— Я не собираюсь разглядывать каждый лист бумаги, — ответил Фоунтейн. — Сейчас вы сами все увидите, немного терпения.

Он подошел к мешку, повалил его на пол, а затем, взявшись за дно, протащил мешок по полу, в результате чего образовалась продолговатая куча. Джоан с удивлением наблюдала за действиями шефа. А Фоунтейн тем временем разворошил ногой ту часть кучи, которая находилась в нижней части мешка, и без труда нашел рыжие письма.

— Возможно, эти письма написали нам инопланетяне.

Джоан показалось, что у Фоунтейна трясутся руки: край рыжего письма мелко дрожал.

— Вы действительно верите во все это? — спросила она.

— Джоан, советую вам прочитать сегодня первую страницу вечернего выпуска.

Вероятно, эти письма будут там опубликованы. Думаю, что вы не пожалеете.

— Я постараюсь выкроить для этого время, — скрыв улыбку, ответила она. — Идемте же, наконец, я уже скучаю по своему рабочему месту, мне неприятно здесь находиться.

А Фоунтейну, наоборот, хотелось задержаться наедине с женщиной, которую он разглядывал тысячу раз в мечтах и наяву.

— Пойдите, я хотел вас попросить об одном пустяке, — он протянул ей обрезки второго письма. — Не могли бы вы склеить эти куски?

Их пальцы соприкоснулись, и глаза встретились. Фоунтейн почувствовал вдруг острое желание поцеловать Джоан, прямо сейчас, здесь, в этой совсем несимпатичной, плохо освещенной комнате без окон. В растерянности от своих чувств он даже отступил на шаг назад.

— Что-то еще? — спросила Джоан, видя его замешательство.

— Я хочу пригласить вас на ужин, — неожиданно для самого себя произнес он. — Вы не откажитесь поужинать со мной?

Теперь уже Джоан пришла в замешательство.

— Вы это серьезно? Или эта плохая шутка родилась в вашей голове только что, в связи с интимной обстановкой этого подвала? — через силу улыбнулась она.

— Это не шутка, я давно хотел пригласить вас.

— И что же вам так долго мешало сделать это? — спросила Джоан.

— Как вам сказать... Наверное, у каждого человека с возрастом накапливаются шаблоны поведения, которые потом трудно преодолеть, даже если они мешают жить. Но мне не хотелось бы говорить об этом. Вы сочтете это причудой.

— Лучшего места для оглашения вашего предложения вы, конечно же, найти не могли, — не удержалась от иронии Джоан и направилась к выходу; Фоунтейн поспешил за ней.

В лифте они ехали молча. По коридору шли рядом и оба думали о том, что только что произошло. Перед тем как свернуть к себе в кабинет, Фоунтейн спросил Джоан:

— Вы что-нибудь ответите мне?

— Дайте мне подумать, — попросила она.

В кабинете Фоунтейна застал звонок босса. Ларкин преподнес ему двойной сюрприз. Во-первых, он распорядился напечатать письма. Второй сюрприз оказался для Фоунтейна еще более неожиданным: Ларкин сообщил, что не собирается возвращаться в редакцию и знакомиться с письмами.

Нежелание босса взглянуть на письма озадачило Фоунтейна: отсутствие у Ларкина любопытства показалось ему поразительным. Все, что так сильно занимало и волновало его и коллег в связи со следом на острове, все их открытия, догадки и предположения для Ларкина ничего не значили. Информация интересовала его лишь как товар, который можно выгодно продать.

Фоунтейн придумывал название будущей статье Данна и размышлял над странным поведением босса, когда Джоан принесла ему письмо.

— Сожалею, но эти обрезки не приклеиваются на бумагу, — сказала она. — Клей к этой замше не хочет приставать.

Она ждала, что он на это скажет, а он не мог оторвать от нее взгляда. Ей очень шел шелковый брючный костюм и лакированные туфли на высокой шпильке.

— Ничего страшного, мы прочтем письмо и так.

Она положила обрезки на стол. Он продолжал смотреть на нее, всем своим видом показывая, что ждет ответа.

— Что же вы молчите? Приглашайте меня на ужин, — не выдержав затянувшейся паузы, сказала она. — В подвале вы были смелее.

— Приглашаю вас на ужин, — обрадовался Фонтейн.

— Спасибо. Но не сегодня. Сегодня я занята.

— Я выберу другой день, — просиял счастливый Фонтейн.

Пока Фоунтейн совещался с Данном, а позже беседовал с Ларкиным, пока он искал письма, разбирался в своих чувствах к Джоан и давал указания по поводу будущей статьи, руководство НАСА и парни из ФБР энергично действовали в связи с заметкой Данна и новостями на ТВ.

В НАСА решили самостоятельно изучить след, не полагаясь на чье-либо мнение. Их представитель позвонил шерифу округа Таунер и попросил предоставить в распоряжение сотрудников Агентства лодку на озере Маза. Позже, узнав прогноз погоды, предвещавший в Северной Дакоте ливни с грозами, в Агентстве заторопились; из центра ГОДДАРД в аэропорт Кандо срочно вылетели специалисты.

Джентльмены ФБР своей традиционной манере не изменили, начав расследование не с предметов, а с очевидцев события. Когда они разыскали Барри в поле, тот сидел за рулем комбайна. Несмотря на занятость важным делом, мысли об острове не покидали его. Он был уверен, что кто-нибудь должен обязательно объявиться и расспросить его о вчерашнем событии. Поэтому не удивился, когда увидел сигналивший ему автомобиль. Из машины показался мужчина и подал знак, чтобы он подошел. «Началось!» — обрадовался Барри и походкой человека с будущим направился к дороге.

В машине два неприятно серьезных господина заставили его отвечать на конкретные вопросы по существу. Состоявшийся разговор разочаровал Барри: ему не удалось поделиться своей версией произошедшего — его мнение приезжих не интересовало. Но переживал он напрасно, поскольку в тот момент к нему и к Мэтту на всех парах мчались три бригады из конкурирующих телеканалов. Задание у них было одно и то же: найти рыбаков, добраться с ними до острова и сделать оттуда репортаж.

Выпотрошив Барри, агенты ФБР направились к Мэтту. Подъехав к автомастерской и увидев в яме под машиной парня в замасленной спецовке, они обрадовались, но преждевременно: это был помощник Мэтта. Он сообщил, что Мэтт по просьбе шерифа час назад уехал на озеро, взяв с собой лодку и мотор. Шериф действительно звонил Мэтту и просил привезти лодку; Барри он не стал беспокоить, полагая, что тот очень занят: в Северной Дакоте повсеместно началась уборка пшеницы, созревшей в этом году необычно рано.

Покинув мастерскую, улыбочивые господа приехали на озеро и застали там мирно дремлющего Мэтта. Лодка была надута, мотор установлен. Мэтту оставалось только дожидаться гостей из НАСА. Увидев подъехавшую машину и вышедших из нее людей, он сообразил, что они из другого ведомства. Один из агентов представился и показал жетон. Потом спросил, может ли он задать Мэтту несколько вопросов.

— Спрашивайте, — недовольным голосом разрешил Мэтт.

Час назад, пересилив себя, он согласился помочь шерифу; такая покладистость объяснялась отчасти тем, что Данн в своей заметке ничего не придумал и не исказил. И вот теперь Мэтт оказался на допросе у джентльменов в штатском.

Прослушав историю вчерашнего дня во второй раз и выяснив, кого Мэтт здесь ожидает, офицеры ФБР попросили перевезти их на остров.

— Еще раз повторяю: я приехал сюда по просьбе шерифа, — сказал Мэтт. — Я обещал ему перевезти людей из космического агентства. Они должны скоро появиться, и после

разбирайтесь с ними сами. Мне плевать, кто из вас первыми увидит примятую траву, но неприятности мне не нужны. Я и так сделал глупость, согласившись приехать.

Офицеры не стали настаивать, а Мэтт пожалел, что рядом с ним нет его словоохотливого Барри. Вскоре приехала патрульная машина капрала. Сотрудники НАСА сразу стали проситься на остров, и Мэтт перевез всех — офицеров тоже.

Увидев след, представители НАСА пришли в заметное возбуждение и приступили к работе. Они пронумеровали все вмятины, тщательно измерили размеры следа и занесли данные в журнал. Разобравшись с размерами, принялись фотографировать все подряд; не забыли сделать панорамные снимки острова и берега озера. После этого взяли пробы грунта и воды, затем достали непонятные приборы и занялись непонятными для Мэтта измерениями. Покончив со следом, позвонили своему начальству и попросили с вертолета выполнить аэрофотосъемку острова. К Мэтту с вопросами не приставали. Лишь спросили, читал ли он утреннюю заметку и может ли что-нибудь добавить. Мэтт ответил, что читал, но добавить ему нечего.

Все это время агенты ФБР негромко переговаривались между собой; перед расставанием они попросили сотрудников НАСА держать их в курсе дела.

Мэтт уезжал последним, но далеко отъехать от озера не успел: позвонил Барри и попросил подготовить ему лодку для тележурналистов. Пришлось вернуться и снова надуть лодку и навешивать мотор.

Барри подъехал в сопровождении машин телекомпаний.

— Извини, задержал тебя, — сказал он, пожимая Мэтту руку. — Уговорили, вытащили прямо из комбайна. Они очень торопятся, — кивнул он в сторону выбирающихся из машин журналистов.

— У тебя же уборочная началась? — удивился Мэтт.

— Понимаешь, Мэтт, такое бывает раз в жизни, — заметно волнуясь, сказал Барри.

— Понимаю, — Мэтт не стал портить приятелю настроение едкими замечаниями. — Осторожно с лодкой, аппаратуру не утопи. Она у них бешеных денег стоит.

Они попрощались. Один из журналистов узнал в Мэтте второго рыбака. Но Мэтт — под визг покрышек — так быстро рванул с места, что не оставил телевизионщикам никаких шансов на общение.

После осмотра острова госслужащие вернулись в свои ведомства и доложили начальству результаты. В ФБР информация дошла до среднего уровня чиновничьей иерархии и там задержалась: было принято решение подождать, что скажет НАСА. В это же время специалисты центра ГОДДАРД^[6] внимательно изучили собранный материал, но ни к каким выводам прийти не смогли; результаты анализа проб ничего не дали; удалось лишь установить, что НЛО весил около двадцати пяти тонн и имел правильную форму вытянутого овала. Но что делать с полученными знаниями, не знал никто. Созвонившись, оба ведомства, ФБР и НАСА, договорились, что за островом надо установить наблюдение. Этим и ограничились.

Чуть позже центральные каналы ТВ вышли в эфир с репортажами с места события. В репортажах было все: и крупные планы Барри, и его подробный вдохновенный рассказ, и картинки следа во всех ракурсах, и панорамные виды озера и острова, и мнения легко найденных по случаю солидных экспертов, и детальный пересказ заметки Данна. Все было сенсационно и притягивало телезрителей к экранам. Но добавить что-то новое к уже известным фактам ТВ не смогло, хотя очень старалось.

Телевизионные репортажи способствовали оживлению в среде уфологов, в течение многих лет неприятного затишья не находящих себе предмета для приложения страстей. Но их массового паломничества на остров не случилось: их непомерное любопытство было полностью удовлетворено средствами массовой информации.

Во всей этой истории не хватало одного — отгадки загадки. На ее поиск, вначале, как всегда, дружно, ринулось интернет-сообщество. Припало к экранам и начало трепаться с жадностью многолетних сидельцев одиночных камер. Пovyпячивалось мыслями на многочисленных форумах и в социальных сетях, потыкалось на сайтах в растиражированные фотографии, сделанные Данном. Чуть позже помечтало о том, что «если бы», и вскоре успокоилось. Для полного забвения темы достаточно было подождать дня три. Но скорому забвению этой истории не суждено было случиться.

Когда вечерний выпуск газеты увидел свет, Данн с разрешения Фоунтейна выложил статью об НЛО на сайт «Трибуны». Название статьи «След на острове» подошло бы детективному роману, какие берут в поездки, чтобы убить время. Команда Фоунтейна специально придумала такой примитивный заголовок, чтобы сыграть на контрасте с сенсационным содержанием и недвусмысленно указать на детективный характер сюжета. Как выяснилось позже, журналисты не ошиблись.

Нельзя сказать, что сайт «Трибуны» входил в первую десятку наиболее посещаемых площадок интернета. Но дорога на информационный Олимп никому не заказана, и газете «Трибуна» предстояло оказаться на самой его вершине. Сенсационный материал стал доступным любому желающему, и массовое чтение началось, охватывая сначала сотни тысяч, а затем миллионы любопытных.

Стал ли шериф округа Таунер первым за пределами редакции газеты читателем статьи Данна — неизвестно. Известно только, что некоторая суэта в громоздком механизме управления государством началась именно с него.

В тот день шериф, как обычно, скучал от безделья, вызванного исключительной добропорядочностью граждан: поднадзорный шерифу округ в смысле законопослушания считался тишайшим. Последний раз граждане округа допустили прискорбный случай нарушения закона года три назад. Тогда распоясавшийся тинейджер угнал со стоянки супермаркета чужой велосипед, чтобы «немного покататься».

Когда к нему в кабинет заглянул капрал, шериф по его горящему взору легко догадался, что есть новости. Он жестом разрешил капралу войти и в молчании выслушал доклад о поездке на озеро. После этого капрал был отпущен, а сам шериф погрузился в размышления. Рассказ подчиненного заинтересовал его до такой степени, что он прекратил наблюдение за перемещениями мухи по оконному стеклу, разыскал утренний выпуск «Трибуны» и прочитал заметку об острове и следе на нем. Заметка ему понравилась. Он крепко задумался на тему инопланетян, и это помогло ему скоротать время до обеда.

За обедом он с аппетитом употребил хорошо продуманный набор продуктов, что были положены в бумажный пакет его заботливой женой. Запив съеденное минеральной водой, он собрался было подремать, но в этот момент здравая мысль о том, что у истории со следом может быть продолжение, всколыхнула его. Облако дремоты, начавшее было обволакивать его сознание, вмиг улетучилось, и настойчивый бриз любопытства направил его к отдельно стоящему компьютерному столу. Разместившись у монитора, шериф потянулся, стряхивая остатки наметившегося было сонного блаженства, и, как обычно перед началом важного дела, прошелся ладонью по колючему ежику волос — ото лба к затылку.

Набранный им в браузере поисковый контекст оказался удачным и первой же ссылкой привел его на сайт «Трибуны». «Продолжение истории» располагалось на главной странице сайта. Это была статья Роберта Данна. Он прочитал ее, не отрываясь, несколько раз, с каждым разом все жаднее и въедливее. Посетители, мешавшие увлекшемуся полицейскому начальнику скрипом двери и попытками донести до него цель визита, отправлялись из кабинета восвояси энергичным взмахом руки — без разговоров. Наконец в увлекательном тексте не осталось белых пятен. Шериф не понял лишь двух вещей: объяснений Данна по поводу минимального количества приземлений НЛО и зачем русские ездят по встречной полосе. Предположение Данна, что объект невидим человеческим глазом, шериф принял на удивление легко.

Покончив с изучением статьи, он принялся тереть глаза: надо было направить мыслительный процесс в нужном направлении. Будучи человеком государственным и ответственным, он понимал: надо что-то делать, и немедленно. Тем более что аномальное явление было зафиксировано не где-нибудь, а на подконтрольной ему территории, и к тому же не один раз. Но что делать — он не знал, и это его сильно беспокоило. Поразмышляв над тем, что бы он мог как страж порядка предпринять, и не найдя для себя подходящего занятия, шериф расстроился и сдался. Совсем не хотелось выпускать инициативу из своих рук, но пришлось.

Сначала он позвонил в полицейское управление штата. Если не считать, как выразился дежурный офицер, «телевизионных сплетен», там были не в курсе событий. Шериф сообщил дежурному о статье, попробовал донести до него мысль о ее исключительной важности и этим ограничился, понимая, что дежурному проще самому прочитать статью, чем

выслушивать его длинный сбивчивый пересказ.

Остались два ведомства, с которыми его капрал обещал поддерживать связь.

Звонить в ФБР шериф не собирался. Он считал, что эти парни делают то же самое, что и полицейские, только ходят в партикулярном платье и напускают на себя таинственности, всем своим видом показывая, кто главнее. Это не нравилось шерифу.

В НАСА он попал на сотрудника, побывавшего на острове и не так давно вернувшегося к себе в Мэриленд. Шериф представился и начал разговор без лишних слов, так как утром этого дня они уже общались и сотрудник просил предоставить в их распоряжение лодку.

— Вы читали статью в «Трибуне»? — с чувством превосходства первооткрывателя спросил он.

— Разумеется, читал, — удивился вопросу сотрудник. — А в чем, собственно, дело?

Его спокойный тон озадачил шерифа. Тем не менее он даже смог пошутить:

— Дело, собственно, в том, что НЛО не часто навещают наши края... А если серьезно то мне пришла в голову мысль, что за островом неплохо было бы установить наблюдение. Тем более что... какие-то непонятные угрозы.

— Угрозы? — продолжил удивляться сотрудник. — Какие угрозы? О чем вы говорите? Мы пока даже не знаем, что это за объект. До сих пор он себя никак не проявил, если не считать напуганных рыбаков. А наблюдение за островом мы действительно планируем установить. Возможно, нам понадобится ваша помощь. Спасибо за звонок. Держите и дальше нас, пожалуйста, в курсе всего, что у вас там происходит вокруг острова.

Представитель НАСА хотел было на этом и закончить разговор, отвлекающий его от более важных дел, но шериф не дал ему этого сделать.

— Подождите, подождите, — заторопился он. — Я согласен, угрозы какие-то несерьезные, нелепые. Но мне кажется, что наблюдение надо установить не только за островом, но и за почтовым офисом. Или у вас другое мнение?

В телефонном разговоре наступила неприятная пауза. Ученому НАСА после двойного перелета и естественной усталости трудно было скрыть раздражение. Но он справился с собой и вежливо поинтересовался:

— О каком почтовом офисе идет речь?

— Как о каком? Об офисе в Черчс Ферри!

— И что же случилось у вас в Черчс Ферри? — теряя терпение, спросил специалист НАСА.

Теперь паузу держал шериф. Он начал злиться и ответил очень медленно:

— В Черчс Ферри... инопланетяне... опустили два письма... в почтовом офисе.

В статье авторство писем экипажу НЛО не приписывалось, хотя такая возможность не исключалась. Но в отличие от Данна шериф нисколько не сомневался, что письма написали пришельцы.

На том конце телефонной линии нарочито молчали. Не дождавшись реакции собеседника, шериф выругался про себя и продолжил еще медленнее, чем прежде:

— И оба... письма... содержат... угрозы... в адрес... русских.

Упоминание русских вдобавок к почтовому офису добило сотрудника НАСА окончательно. Он решил, что кто-то из них двоих сошел с ума. Он давно бы уже бросил трубку, если бы с ним разговаривал не шериф. Но это был шериф! Сотрудник узнал его по голосу. Он, наконец, сообразил, что следует задать вопрос как-то иначе, в противном случае этому телефонному бреду не будет конца.

— Откуда вы все это узнали? Про русских, про почту.

— Из статьи, откуда же еще!

— Извините, но заметка, если вы ее читали, в чем я уже сомневаюсь, не содержит ничего подобного. Там речь идет исключительно об острове и следе.

И тут вдруг, посередине собственной речи, на специалиста НАСА снизошло прозрение.

— Постойте! — воскликнул он. — Ваша статья, ну, та, на которую вы сейчас ссылаетесь, напечатана утром?

— Нет, утром была заметка. А я говорю о большой статье на сайте газеты.

— Подождите, не отключайтесь! — заторопился пришедший в состояние возбуждения ученый из НАСА.

Он бросился к монитору и уже через минуту разглядывал заголовок «След на острове» и кричал шерифу:

— Извините! Я ее не читал! Мы друг друга не поняли! Держите меня в курсе событий Извините еще раз!

Закончив бурный разговор, шериф успокоился и снова заскучал — пуще прежнего. «Может быть, самому взглянуть на остров?» — подумал он и посмотрел в окно. За окном теплый солнечный день медленно сменялся прохладным вечером. Небо начали затягивать низкие тучи, становилось пасмурно. Знакомая муха куда-то подевалась. Он вспомнил, что ближе к вечеру обещали небольшой дождь, а на завтра — ливни с грозами, и решил воздержаться от поездки на озеро. Можно было спокойно прочитать статью еще раз и вволю поразмышлять, тем более что у него остались неразрешенные вопросы. Он сварил себе кофе, добавил сливок и опустил в кружку шарик заменителя сахара. Затем удобно расположился за компьютерным столом и приступил к смакованию напитка и завораживающих подробностей газетной статьи; он уже понял, что главное в этом деле — не торопиться: фантазии на тему возможного появления инопланетян доставляли ему истинное удовольствие. В конце концов, он сделал все, что было в его компетенции, и имел право отдохнуть.

После нервного общения с шерифом сотрудник НАСА прочел статью. От чтения у него на душе остался неприятный саднящий осадок. Он почувствовал, как у него запылало лицо, будто он прилюдно попал в неловкую ситуацию. Какой-то журналист из какой-то газеты, вероятнее всего не имеющий не то что приличного — *никакого* инженерного образования, смог логично и доказательно объяснить и положение сломанных камышей, и форму оставленных следов. Даже сделал из этого правильные выводы. Особенно поразила ученого гениальная простота, с которой при помощи наглядной схемы объяснялось, как с каждым приземлением НЛО менялся абрис вмятин. А специалисты НАСА, сколько ни ломали головы по поводу кривизны контура опор, так ни к какому разумному объяснению не пришли. И на расположение головок сломанных камышей не обратили внимания, так что даже не смогли доказать, что эпицентр зарождения воздушной волны находился над следом.

Некоторое время спустя, когда бумажный вариант вечернего выпуска «Трибуны» увидел свет, редакцию газеты навестили агенты ФБР. Они забрали замшевые письма и полчаса непрерывно мучили Фоунтейна одним и тем же вопросом: «Есть ли у вас что-нибудь еще?» — и одной и той же угрозой: «Не заставляйте нас делать обыск в редакции». Все эти тридцать минут Фоунтейн вспоминал Ларкина нехорошими словами. Не удовлетворившись отрицательным ответом, данным множество раз, агенты обязали Фоунтейна сообщать им обо всех необычных почтовых поступлениях и ничего более по этой теме без разрешения не

публиковать. Перед уходом намекнули на «неприятности в случае чего» и скрылись так же незаметно, как и появились в здании редакции.

Вечером того же дня после прочтения статьи Данна президент США назначил на утро экстренное совещание, пригласив в Белый дом госсекретаря, директора НАСА, директора ФБР и министра обороны.

На совещании он выслушал соображения присутствовавших по поводу объявившегося на территории страны НЛО. Мнения разделились. Министр обороны и директор ФБР настаивали на его немедленном уничтожении. Госсекретарь и директор НАСА предлагали до выявления новых, требующих вмешательства фактов ограничиться лишь наблюдением и фиксацией всего, что связано с НЛО. Все сошлись во мнении, что надо организовать наблюдение за островом и за почтовым офисом. Потом ждали, что скажет президент. Но президент не успел определиться с собственным мнением.

— Давайте начнем с бесспорного утверждения, что мы с вами ничего не знаем о намерениях экипажа НЛО, — предложил он. — Воздушная волна на острове, я согласен с выводом статьи, была результатом экстренного подъема корабля. Обратите внимание, корабль взлетел лишь тогда, когда к острову стала приближаться моторная лодка. А ведь он мог покинуть остров гораздо раньше, заметив приближающийся к озеру автомобиль. Но экипаж не сделал этого. Почему? Не видел машину? В это трудно поверить. Ответ, мне кажется, прост: экипаж корабля был уверен в том, что их корабль невидим. Они, очевидно, опоздали со взлетом. Мне даже кажется, что их подвело обычное, иногда присущее нам с вами, нежелание покидать насиженное место, — пошутил президент.

Участники совещания никак не реагировали на слова президента, понимая, что он рассуждает вслух, стараясь нащупать правильное решение.

— Вы предлагаете его уничтожить, — обратился президент к директору ФБР и министру обороны. — А не боитесь ответного удара, от которого мы не в состоянии будем защититься? Каким оружием обладают пришельцы? Как вы понимаете, вопрос риторический. «НЛО нарушил наше воздушное пространство», — гневно говорите вы. Это вопиющее безобразие! — нарочито возмущенно воскликнул президент. — Нарушение границы должно быть обязательно наказано. Но это если рассуждать формально. А если разбавить эти рассуждения небольшим количеством юмора?

Президент улыбнулся и оглядел присутствующих, словно предлагая им немного расслабиться.

— Как, по-вашему, наши непрошеные гости могли поступить иначе? Подскажите, господа, где им нужно было получить грин-карту или туристическую визу на въезд?

«Голуби» рассмеялись, «ястребы» улыбнулись, а президент тем временем определился с конкретным решением.

— Поэтому об уничтожении НЛО на данный момент не может быть и речи. Никакого применения вооружений. Между прочим, как вы собираетесь его уничтожить, если ни одна из наших систем слежения не смогла его засечь? Вы предлагаете уничтожить призрак? Виртуального врага? Давайте для начала хотя бы его обнаружим. И вот еще, о чем я только что подумал. Я почти уверен, что наблюдение за островом ничего не даст.

Все посмотрели на президента в ожидании пояснений, и он развил свою мысль, обращаясь к директору ФБР.

— Судите сами: инопланетяне поняли, что обнаружены. И, конечно же, были

свидетелями суеты, поднявшейся затем вокруг острова. Кто там только не побывал за последние сутки, — президент недовольно ухмыльнулся. — Скоро туда начнут водить бойскаутов на экскурсии. Так что инопланетяне, я в этом не сомневаюсь, сменяют стоянку. Вероятность их возвращения ничтожно мала. Тем не менее мы обязаны учитывать такую возможность и не должны их спугнуть. Поэтому необходимо установить скрытное наблюдение за островом и доступ к озеру блокировать. И сделайте так, пожалуйста, чтобы вокруг почты поддерживалась обычная обстановка. Дайте по этому поводу разъяснение в прессе, по телевизионным каналам. Иначе туда обязательно потянутся идолопоклонники и прочие бездельники. На острове вокруг следа устроят ритуальные танцы, а из почтового ящика сотворят себе икону. Вот что происходит, когда журналисты вмешиваются не в свое дело, не задумываясь о последствиях.

— У нас свободная страна, господин президент, — осторожно заметила госсекретарь. — Мы не можем затыкать рот прессе, если она действует по закону.

— Спасибо за напоминание, я помню об этом, — живо откликнулся президент. — Хотя в данном случае от молчания СМИ была бы только польза. Теперь, что дальше. А дальше будем ждать развития событий. Но не пассивно, — успокоил он «ястребов» и обратился к министру обороны: — Я приказываю привести штаб космического командования в повышенную боевую готовность, а начальнику штаба ВВС организовать круглосуточное патрулирование воздушного пространства северных штатов страны. Обо всем, что связано с НЛО, информируйте меня немедленно. На этом пока все. Есть ко мне вопросы?

Вопросов не последовало, и президент продолжил:

— Перейдем к письмам.

Директор ФБР передал ему оранжевые листы. Президент пощупал их с обеих сторон, повертел в руках, внимательно рассматривая текст. Удовлетворив любопытство, спросил госсекретаря:

— Как вы считаете, стоит ли передавать русским содержание писем по официальным каналам?

— Господин президент, мне трудно поверить в серьезность того, что написано в письмах, — сказала госсекретарь, выразительно пожав плечами. — Мне кажется, что и все присутствующие в таком же затруднительном положении.

— Но факт налицо: НЛО приземлялся на остров, и не один раз, — парировал президент и подкрепил свои слова напоминанием о весе объекта: — Двадцать пять тонн, от этого не отмахнуться, как от мухи.

— Да, господин президент, вы правы, не отмахнуться, — согласилась госсекретарь. — Но почему мы так уверенно приписываем авторство писем экипажу НЛО? То, что все это произошло на территории одного штата, на мой взгляд, — недостаточное основание для подобного предположения.

— Вы дипломат — и верите в случайные совпадения? — спросил президент.

Госсекретарь сразу не нашлась, как отреагировать на колкость президента, лишь демонстративно поправила рукав безупречно сидящего на ней жакета. Но затем, глядя президенту в глаза, твердо ответила:

— В дипломатии, разумеется, нет, господин президент.

— Разрешите, господин президент? — поспешил ей на помощь директор НАСА. — Мне представляется, что соединить эти два события, о которых идет речь, или, наоборот, развести их как ничем не связанные возможно будет лишь после анализа материала, из

которого изготовлены письма. Если мы выясним, что его состав не имеет у нас аналога, тогда можно будет сказать, что письма написаны не выжившим из ума человеком, а попали к нам с другой планеты. И будет логично приписать «авторство» пилотам НЛО.

— А что касается русских, — дополнила директора НАСА госсекретарь, — они, так или иначе, в ближайшее время окажутся в курсе всего произошедшего и сами решат, как к этому отнестись. Я уверена, что они воспримут письма с улыбкой и правильно поймут наше молчание. Если же мы поспешим задействовать официальные дипломатические каналы, то можем оказаться в смешном положении.

— Давайте так и поступим, — согласился президент. — Кстати, по сути самой угрозы. Что там, на дорогах России действительно происходят подобные безобразия?

Все присутствующие повернули головы в сторону госсекретаря.

— Господа, как понимать ваши взгляды? — обворожительно улыбнулась госсекретарь. — Если я буду вникать в организацию дорожного движения во всех странах, где у нас есть посольства, у меня не останется времени ни на что другое. Если же серьезно, я немедленно запрошу нашего посла. Он точно знает, как на самом деле обстоят дела.

— Выяснив это, мы поймем, насколько угроза в письмах надуманна, — подвел итог президент. — Если предмета для, так сказать, приложения угрозы не существует, станет очевидно, что автор — попросту больной человек.

— В любом случае он ненормален, если это писал человек, — мягко поправила президента госсекретарь.

— Может быть, попытаться его найти? — обратился президент к директору ФБР. — Напомните, пожалуйста, как называется городок, где расположена почта? И сколько людей там проживает?

— Черчс Ферри, — подсказал директор. — Сотни полторы, не больше, господин президент.

— Вот как? Так это же совсем простая задачка, не так ли? Я не думаю, что среди жителей города найдется много чудаков. Тем более с русофобскими наклонностями.

— Я вас понял, господин президент. Сегодня же наши сотрудники займутся его поиском.

— О'кей! Попрошу вас выяснить состав этого материала, — произнес президент, протягивая письма директору НАСА, и улыбнулся, чтобы смягчить заранее приготовленный неприятный упрек. — Скажите, пожалуйста, как же так получилось, что журналист Роберт Данн утер нос вашей команде признанных интеллектуалов? И при этом обошелся без снимков с вертолета. И никакие дорогостоящие анализы ему для этого не понадобились.

Директор НАСА взял письма. В этот момент на нем не было лица, его было откровенно жалко. Ничего не ответить он не мог и сухо проговорил:

— Господин президент, обещаю вам, что разберусь и выясню, почему наши сотрудники оказались не на высоте.

Видя состояние директора, президент решил ограничиться сказанным.

— Вы что-нибудь знаете об этом журналисте? — спросил он директора ФБР.

— Абсолютно все, господин президент, — самоуверенно доложил директор. — Ему 25 лет. Год назад он блестяще окончил Массачусетский технологический институт, факультет инженерных систем.

От услышанного брови директора НАСА поползли вверх. Ему стало гораздо легче вынести позор, обрушившийся на его в высшей степени солидную организацию.

— В таком случае, зачем он пошел в газету? — ни к кому не обращаясь, сказал президент. — Может быть, вам стоит взять его к себе? — скрыв улыбку, спросил он директора НАСА.

Директор НАСА подвигал сжатыми губами и промолчал.

— Совещание окончено, — подвел черту президент.

Они добрались до виллы поздно вечером, поужинали на скорую руку и быстро заснули под монотонный шум ленивых волн, доносившийся через открытые окна. Утром вставали нехотя. Было почти десять, когда они, щурясь от солнца и потягиваясь, вышли на террасу на крутом скалистом берегу.

В море уже курсировали прогулочные кораблики с отдыхающей публикой на открытых палубах; от кораблей к берегу прибывало слабые покатые волны. Далеко на горизонте можно было различить вытянутый силуэт стоящего на рейде сухогруза и рядом сопровождающий его буксир. В воздухе носились неугомонные чайки; они то ли ссорились, выкрикивая друг другу накопившиеся претензии, то ли играли в неведомую птичью игру. Ласточки не уступали чайкам в активности, но не выписывали изломанные кривые и не резали слух пронзительным криком, а в тишине летали по плавным траекториям, демонстрируя примерное поведение.

Террасу по периметру ограждал гранитный парапет с причудливыми пузатыми балясинами, похожими на шахматные пешки. Прижавшись животами к теплему камню, Дмитрий Владимирович и Ларка любовались безмятежным видом на море.

Она склонилась к его плечу.

— Димка, осенью будет тридцать пять лет. Так все быстро пролетело.

— Мгновенно. Помнишь, как возилась на грядках, задрав попу кверху? С голыми ногами в огромных резиновых сапогах.

— Попу запомнил. На нее ведь и клюнул, — она легонько ткнула его в бок. — Сапоги отцовские были, царство ему небесное.

Он обнял жену, посмотрел на ее гладкое лицо с чуть вздернутой после подтяжки верхней губой и скользнул рукой под халат.

Она остановила его:

— Димка, вечером. Всю ночь спал, теперь вспомнил. Иначе мы надолго застрянем. А у нас с тобой культурная программа впереди.

— Подчиняюсь, — согласился он и поцеловал ее в крашенные под седину, тонко пахнущие духами волосы.

— Может, нам навсегда сюда перебраться? — мечтательно сказала она. — Надоели морозы, тепла хочется. В музеи будем ходить, море рядом. Потом купим дом в Барселоне. Можно в Мадриде.

— Потерпи немного. Через два года верховный не продлит срок — все само собой и решится. Тогда и подумаем, где жить. Но сначала пусть с виллой все уляжется, а там будет видно. Пойдем, позавтракаем, — предложил он.

Пока он сидел в кресле и просматривал вчерашние газеты, которые раздали в самолете, она переделалась, осмотрела себя в зеркале и, занимаясь прической, спросила его:

— Ты почему до сих пор в халате? Потом я буду тебя ждать.

— И так всю жизнь в брюках и при галстуке. Дай отдохнуть от этого.

Она махнула рукой.

— Делай, как тебе удобно.

Спускаясь в столовую, они решили, что после завтрака искупаются, недолго позагорают, а потом поедут в Фигерас. Ларка сгорала от нетерпения увидеть картины Дали

и блеснуть своими знаниями. Перед отпуском она неделю штудировала брошюру, посвященную его творчеству, и теперь ей очень хотелось выступить перед мужем в роли гида.

Прислуживающую им повариху звали Мерседес. Ее предложило местное агентство по подбору сезонного персонала. Она немного говорила по-русски. Это оказалось для них приятной неожиданностью, хотя Ларка и ставила перед агентством такое условие. Дмитрий Владимирович обратил на Мерседес внимание еще вчера, когда она встречала их с дороги. Пока она накрывала на стол, курсируя между столовой и кухней, он посматривал на ее красивое строгое лицо и украдкой скашивал глаза ей вслед, провожая взглядом стройные ноги. Его осторожный интерес не укрылся от Ларкиных глаз. «Старый козел, никак не угомонится», — думала она, следя за ним.

Допив кофе, Ларка заторопилась — ей не терпелось искупаться.

— Догоняй, — сказала она и поблагодарила Мерседес.

— Осторожно спускайся по лестнице, она еще мокрая, — предостерег Дмитрий Владимирович.

— Ты долго еще?

— Глядя на тебя, захотелось кофе, — ответил он. — Провались пропадом все доктора.

Ларка ушла, а он, показав пальцами размер, чтобы было понятно, что не чашку, сказал Мерседес:

— Сделаешь кофе? Кружку.

Она вынуждена была пройти на кухню и вернуться обратно. А он получил возможность еще раз полюбоваться ее ногами. Мерседес ему определенно нравилась. Не нравилась лишь ее подчеркнутая строгость. «Испанок у меня еще не было. Ножки — чудо, талия точеная», — думал он, потягивая кофе и распаяя себя. Почувствовав прилив желанья, встал из-за стола, поправил седые волосы, на макушке уступившие место аккуратной плешки, и, ведомый безмозглым стеблем, двинулся в кухню. Перед кухонной дверью кашлянул.

В это время Мерседес споласкивала посуду и ставила ее в машину. Ее узкую талию перехватывали широкие тесемки передника, завязанные сзади симпатичным бантом. Она слышала, как он вошел и направился к ней, но не обернулась, лишь насторожилась. А он, видя, что она никак не реагирует на его появление, принял это за добрый знак и, нацеленный на удачу, уже не мог остановиться: подойдя к Мерседес, похотливо улыбнулся и крепко взял ее за талию.

Мерседес среагировала мгновенно: чуть обернувшись, она махнула сковородкой сзади себя и ударила Дмитрия Владимировича по руке. От неожиданной резкой боли он отдернул руки и сразу обмяк. А Мерседес повернулась к нему и угрожающе произнесла гремучую смесь из слов «вырву» и «оторву»: «Выторву!» — с ударением посередине; в другом положении он вряд ли понял бы, что она сказала. «Извини», — пролепетал он и поднял руки вверх. Она с грохотом бросила сковородку на столешницу и выбежала из кухни.

Он никак не ожидал такого поворота событий и с досады громко выругался. Прислуга всегда была послушна, Дмитрий Владимирович к этому привык. А тут — на тебе! Он даже растерялся. «Вот ведь сука, — подумал он, — откуда она взялась такая».

Находясь под впечатлением от постигшей его неудачи, он задержался в столовой, чтобы прийти в себя; рука болела, удар пришелся прямо по кости. Допил остывший кофе и, будучи уверенным, что Мерседес не рискнет рассказать о случившемся жене, решил ничего пока не предпринимать. Спускаясь к морю, с удовольствием вдыхал запахи морской воды и садовых

цветов.

Крохотный пляж располагался в маленькой бухте и был зажат с двух сторон разновысотными скалами, раструбом расступающимися в море. Скалы были почти лишены растительности. Только на стыках глыб ближе к воде пробивались на волю кактусы, да кое-где в расщелинах ютились островки можжевельника. От воды насыпной песок отделяла каменная кладка. Направляясь купаться, Дмитрий Владимирович обычно перешагивал через преграду; шедшее далее галечное морское дно не доставляло ему неудобств. Ларка же предпочитала спускаться в воду по каменной лестнице, держась руками за специально сделанный для нее металлический поручень.

Преодолев половину пути, Дмитрий Владимирович вспомнил, что придется объяснять жене происхождение огромного синяка на руке и полукруглой ссадины. Он замедлил шаг, чтобы успеть придумать подходящую легенду. Перебирая возможные причины, остановился на мокрой лестнице: этот вариант показался ему подходящим, тем более что некоторые ступеньки действительно еще не просохли.

Ларка загорала, лежа на песке.

— Принеси мне, пожалуйста, воды, — попросила она, услышав шаги мужа.

Он положил сумку на лежак и направился под навес в углу пляжа.

— Дима, что-то ты долго пил кофе, — заметила она, — я успела искупаться.

— Ты будешь вся в песке, — сказал он, доставая из холодильника воду и не реагируя на ее вопрос.

— Ты же знаешь, я всегда так загораю. Ложись рядом, — предложила она.

— Сначала искупаюсь. Составишь мне компанию?

Она отказалась. В это время на лестнице раздался дробный стук, будто кто-то семенил по ступенькам.

Дмитрий Владимирович обернулся. По лестнице, неуклюже из-за неподходящего для собаки шага ступеней и их крутизны, спускалась красивая немецкая овчарка с черной спиной и рыжими подпалинами. Добравшись до нижней ступеньки, она остановилась, не решаясь ступить на песок, и уставилась умным взглядом на Дмитрия Владимировича, ожидая реакции хозяина.

На верхней лестничной площадке показался охранник с испуганным лицом и закричал:

— Пальма! Ко мне!

— Как она сюда попала? — недовольно спросил Дмитрий Владимирович. — Ты забыл, где ее место? Она же могла напугать Ларису Васильевну.

— Извините, Дмитрий Владимирович, не углядел, — сказал охранник и снова надрывисто закричал: — Пальма! Пальма!

Но собака не реагировала на него. Дмитрий Владимирович вынужден был ему помочь.

— Пальма, на место, — строго и властно сказал он.

Помедлив немного, будто надеясь, что хозяин передумает, овчарка нехотя развернулась и неловкими прыжками вернулась к охраннику.

— Как тебе наша повариха? — спросила Ларка.

— Кажется, она недовольна жизнью.

— Почему ты так решил?

— Недовольство у нее на лице написано.

— Наверное, ты с ней грубо разговаривал, за тобой водится такое. Кстати, я тебе не говорила? Каталонцы — особенный народ. У них даже свой язык есть. Как пишут в книжках,

они замкнуты и в общении с иностранцами прохладны и высокомерны.

Этот рассказ о каталонцах он покорно выслушивал от жены каждый раз, когда они прилетали в Испанию. «Подходящий повод», — подумал он.

— А на кой нам сдалась высокомерная кухарка? Может быть, распрощаемся с ней? А то давай найдем еще высокомерную горничную, высокомерного сторожа.

— Ты же хотел, чтобы в этот отпуск была только испанская кухня. Чтобы можно было дома нормально поесть, а не по ресторанам мотаться. Я специально выбрала для тебя испанку.

Дмитрий Владимирович вспомнил, что действительно просил об этом жену, и замолчал.

— А внешне она тебе понравилась?

— Не успел определиться, — натянуто улыбнулся он.

— Она же красивая, ты не мог этого не заметить, — не отставала Ларка.

— Нет, не заметил, — отрезал он и пошел купаться.

— А мне кажется, что ты не сводил с нее глаз.

— Не выдумывай, — заходя в воду, сказал он.

— А почему ты раздражаешься? Потому что я говорю правду?

Еще не дойдя до подходящей глубины, он нырнул в воду, чтобы поскорее прекратить этот разговор. Плавал долго. Рука ныла, настроение было неважное. Он понимал, что сегодня жене лучше бы не видеть его синяка, но не представлял, как можно его скрыть.

Когда он собирался выйти на берег, Ларка остановила его: в ее теле созрело желание — и в голове родилась идея.

— Подожди, не выходи! — попросила она и направилась к лестнице. В воду спускалась медленно. Когда поручень кончился, позвала мужа: — Иди сюда!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он догадался, что она придумала, но это не вызвало у него восторга. Подошел к лестнице. В этом месте вода была ему по пояс.

— Подойди ближе, Дима. Что с тобой? — заметила она его нерешительность.

Он приблизился к ней. Она обвила его шею руками, ногами обхватила за талию и коротко поцеловала в губы.

— Димчик, можешь нести меня в океан.

Чтобы удержать Ларку, он взял ее за ягодицы. Когда вода дошла ему до груди, она мягко сказала:

— Достаточно, дорогой, здесь тебе будет хорошо.

В воде держать Ларку было легко, но даже от небольшой тяжести у него сильно ныла рука, сводя на нет всякое желание. Ларка почувствовала, что с ним творится что-то неладное.

— Ну? Я ничего не понимаю. Кто приставал ко мне на террасе?

Дмитрий Владимирович сконфуженно молчал.

— Тебе же всегда нравилось в воде, — она начала нервничать. — Я вешу как пушинка, ты совсем не устанешь. Что с тобой сегодня?

— Может быть, лучше в бассейне? — несмело предложил он.

Она разомкнула ноги, расцепила руки и зло толкнула его в грудь.

— Сегодня можешь ни на что не рассчитывать! И запомни: плавать в фартуках, или в чем там еще, я не собираюсь!

И в этот момент, когда в искаженное от недовольства лицо жены лучше было не смотреть, его посетила спасительная идея: не дожидаться расспросов, а самому рассказать о синяке и тем самым убить сразу двух зайцев.

— Извини, Ларка, у меня рука болит.

Она с удивлением посмотрела на него — что за новость?

— Я же грохнулся на лестнице. — И он показал ей руку, внимательно следя за ее реакцией. — Видишь? Синяк в полруки. Тебя предупреждал, а сам навернулся.

— Обо что это ты? — успокаиваясь, спросила Ларка.

— О перила. Когда падал, хотел ухватиться за что-нибудь, а в результате только хуже получилось. Рука дернулась, и со всей силы.

— Почему ты мне сразу не сказал? Понес зачем-то.

Они подошли к пляжу; он помог ей перешагнуть через каменную преграду, обнял и чмокнул в щеку.

— Ну, согласишься, мужчине признаваться в собственном бессилии всегда неприятно.

Ларка почувствовала, что муж что-то недоговаривает.

— Надо же, какая щепетильность. А почему я ничего не слышала? Ты что же, даже не выругался при этом?

— А ты в это время плавала, — легко нашелся он.

Почувствовав ложь, Ларка, как гончая, уверенно пошла по следу.

— Подожди, когда ты спускался, я загорала. Про какое плавание ты говоришь?

Наступил критический момент. Но Дмитрий Владимирович быстро нашел выход. Он довольно улыбнулся и даже позволил себе потянуть время.

— Скажи, пожалуйста, почему ты у меня такая недоверчивая?

— Не заговаривай мне зубы. Говори, что случилось.

— Сначала подумал, что сломал руку. Вернулся вверх, хотел перетянуть чем-нибудь, но ничего подходящего не нашел. Ощупал руку как мог. Перелома вроде бы нет, успокоился и спустился к тебе.

Ларкин разоблачительный напор неожиданно пропал, ей не хотелось ничего более выяснять.

— И потом пятнадцать минут молчал, — с безразличием сказала она.

Дмитрий Владимирович уловил произошедшую в настроении жены перемену и насторожился.

— Ну, если бы сломал, сразу сказал бы. А так что? Что ты — синяков не видела?

Ничуть не поверив мужу, Ларка потеряла интерес к расспросам и сникла, лицо ее потускнело. Она села в кресло под зонтом и тяжелым взглядом уставилась в торчащий из скалы пучок можжевельника.

— Что ты молчишь? — заволновался он, предчувствуя приближение событий, не сулящих ничего хорошего. Она продолжала молчать, и он несмело предложил: — Тебе принести сок из грейпфрутов, твой любимый?

— Я хочу выпить, — твердо сказала она, не отрывая взгляда от можжевельника.

— Ларка, мы же договорились, — заговорил он просительным тоном. — Потерпи до обеда. В Фигерасе пойдем в ресторан. Потерпишь? Прошу тебя. Сейчас ведь поедем. Пока туда, сюда, дорога, музей — вот и обед.

Она молчала. Ей было плохо и совсем не хотелось разговаривать.

Он присел рядом и обнял ее за плечи. Она не отстранилась от него. «Уже хорошо», —

подумал он. Надо было срочно что-то предпринять, как-то отвлечь ее, чем угодно. Но ничего подходящего на ум не приходило.

Последние годы Ларкины срывы происходили постоянно. Порой у него опускались руки от бессилия. В такие минуты он по-настоящему терялся, не зная, что делать и как себя вести. Ограничиваться лишь запретами и тем более упреками было ни в коем случае нельзя, об этом его предупреждали врачи. «К вашей жене надо относиться очень бережно и уважительно. И не только по причине, которая привела вас к нам. Она у вас в известном женском возрасте, понимаете? Поэтому всячески оказывайте ей знаки внимания и старайтесь поддерживать у нее хорошее ровное настроение. И как можно реже оставляйте ее одну. Лучше всего — найдите ей какое-нибудь ежедневное занятие, и чтобы при этом она была не одна, а в коллективе», — советовали они ему. «Какое к черту занятие? Какой коллектив? Вы имеете в виду работу? Тогда так и говорите!» — возмутился он. Но где было ее найти? Ларка ничего не умела, но главное, уже ничего не хотела. А он не мог сидеть с ней как привязанный. Проникнуться Ларкиным положением, протянуть ей руку участия и взять на себя роль поводыря и доброго советчика было некому. Ее беззаботные подружки лишь таскались с ней по модным магазинам, просиживали за бесконечными разговорами в салонах и обедали в дорогих ресторанах, куда ей как раз и не стоило заходить; чужие проблемы их нисколько не интересовали. Дмитрий Владимирович обращался за помощью к медицинским светилам, сначала один, потом, после изматывающих уговоров, вместе с Ларкой, но люди в белых халатах только все больше его раздражали. Перед каждым застольем вне дома он приходил в уныние. Он заранее знал, что ему придется быть в постоянном напряжении, безотрывно следя за состоянием жены. Его все это выводило из себя, он нервничал и уставал. Он мог бы отказаться от многих встреч, но большинство из них носило почти протокольный характер, уклониться от них означало выпасть из клана власти и потерять деловые связи. Но деловые связи в его жизни были превыше всего, на этом было построено все их материальное благополучие. Именно поэтому непредсказуемое поведение жены его невероятно угнетало, он не видел выхода.

Дмитрий Владимирович почувствовал шершавый песок на руке.

— Ларка, ты вся в песке. Хочешь, я тебя помою? — мягко предложил он. — Пойдем под душ.

Она без желания согласилась — просто потому, что надо было что-то делать. Они встали под душ, отгороженный от пляжа деревянной ширмой. Он снял с нее лифчик и включил теплую воду. Затем стал ладонями осторожно смывать песок у нее со спины, стараясь не поцарапать кожу.

Несмотря ни на что, ей было приятно, теплая вода успокаивала, муж был нежен. Она почувствовала, что, кажется, нашла спасительный выход из состояния душевного разлада, удачно подыскала временный заменитель раздражающего изнутри желания выпить, а заодно и успокоитель саднящей ревности, — и остановила его, накрыв его руку на своем плече.

— Постой! Дима, в море не получилось — давай здесь, прямо сейчас, я так хочу.

Дмитрий Владимирович растерялся. Она повернулась к нему нездоровым, нервным лицом.

— Как тогда, в родительском доме, у печки — помнишь?.. Иначе не подходи ко мне, я напьюсь и никуда не поеду.

Не оставляя ему выбора, Ларка наклонилась и взялась руками за стойку душа. Он продолжал гладить ее по спине. По-своему расценив его нерешительность, она заискивающе

предложила:

— Дима, хочешь, я тебе помогу.

Перед его глазами выткалась из небытия выкрашенная белой известью русская печь. Он вспомнил, как трогал ее тогда, согревая руки. Она была еще теплой, еще хранила остатки ночного жара. Вспомнил безыскусный деревенский запах и тощие половики на крашеном полу с разошедшимися скрипучими половицами, по которым они катались, потеряв счет времени. Вспомнил молодое упругое тело и ненасытные девичьи губы, воспламенился от нетерпения жены и собственных воспоминаний и схватил ее за бедра. Ноющая боль в руке усилилась, но от этого он еще больше распалился.

Благодаря ли удовлетворенному желанию и последующей заботе мужа или благодаря собственным душевным усилиям, так или иначе, но Ларке удалось справиться с собой и отвлечься от внутреннего дьявольского зова. Общение между ними пришло в норму. Они искупались перед дорогой, немного отдохнули и засобирались в Фигерас.

За рулем такси сидел немолодой водитель и внимательно слушал радио. Когда они сели в машину, он сухо поздоровался. Ларка кивнула ему в зеркало, и они тронулись.

Ларка достала из сумки брошюру, собираясь готовить мужа к экскурсии по музею и наметив для себя роль гида. Но ей мешал громкий тараторящий голос, доносящийся из радиоприемника.

— Дим, скажи ему, чтобы выключил приемник, — попросила она.

— Радио выключи, — сказал Дмитрий Владимирович, наклонившись к водителю.

— *Aparar la radio*^[7]? — догадался таксист. — *No hay problemas*, — сказал он и с неохотой выключил приемник.

— Спасибо, — поблагодарила Ларка.

Водитель повернулся к ней и, будто бы передразнивая, воскликнул:

— *Спасибa?! —* Затем спросил, едва ли не с радостью: — *Ruso? Rusia?*

— *Русо, русо,* — подтвердила Ларка, — из России.

Лицо водителя странным образом преобразилось, он включил радио и принялся оживленно им что-то говорить, показывая рукой на работающий радиоприемник и повторяя: «Моску, Моску». Его настойчивость была удивительна и необъяснима. Кроме того, что он говорил им что-то о Москве, они ничего не понимали, и через минуту, оставив свои попытки, он выключил приемник. От них не укрылось его явное возбуждение. Было видно, что он недоволен тем, что не может слушать радио, и тем, что ему не удалось ничего объяснить пассажирам.

— Может быть, футбол? Наши с ними играют. Они же чокнутые на футболе, — предположил Дмитрий Владимирович.

Ларка пожалала плечами и приступила к чтению брошюры с многочисленными закладками и разноцветными метками на полях.

— Сальвадор Дали родился в 1904 году и умер в 1989-м, — с энтузиазмом начала Ларка. — Один из самых известных представителей сюрреализма. Сюрреализм — это такое направление в искусстве, что-то почти нереальное, в общем — фантазии...

Сначала они ехали в плотном потоке машин вдоль побережья, минуя курортные места, затем свернули в сторону от моря, вглубь полуострова, и вырвались на свободу. Придорожные городки стали встречаться реже, уступая место сельскому пейзажу. За окном чередовались аккуратные домики с терракотовыми черепичными крышами, убранные ровные поля, виноградники, апельсиновые и оливковые рощи.

Дмитрий Владимирович бесцельно смотрел в окно и жену не слушал, он отдыхал. Ему удалось избежать утреннего кризиса, и теперь он набирался сил для преодоления следующего; он был уверен в том, что все сегодня повторится.

На выезде на главную трассу они остановились, чтобы заплатить за проезд. Он отвлекся от своих мыслей. Ларка продолжала читать:

— Это, пожалуй, самая известная картина периода творчества Дали, который можно обозначить его же словами: «Сюрреализм — это я».

Переворачивая страницу, она посмотрела на мужа.

— Извини, пропустил. О какой картине речь? — вовремя сориентировался он.

Он давно привык к тому, что в отпуске Ларка пичкала его суррогатом знаний, а после, по приезде домой, делилась этими же обрывочными сведениями в их с Ларкой компаниях, что часто получалось у нее навязчиво и не к месту. Бессистемное, от отпуска к отпуску, но, как казалось со стороны, увлеченное чтение ею карманных брошюр по искусству раздражало его. Но он не подавал вида. Последнее время он даже стал подыгрывать ей в этом, боясь ее срывов.

Ларка показала ему репродукцию картины.

— Вот она, «Постоянство памяти», со странными часами. Ты ее наверняка где-нибудь уже видел.

Дмитрий Владимирович задержал взгляд на часах, свисающих с ветки дерева, затем на часах, сползающих с камня. «Нарисовал ерунду. Теперь народ гадает, что он хотел этим сказать, — думал он, бессознательно пытаюсь определить, сколько времени показывают часы на камне. — Пока рисовал, наверное, про себя подсмеивался над будущими знатоками своей мазни».

— Тебе нравится? — спросила Ларка.

Он не стал разочаровывать жену.

— Часы будто пластилиновые, что-то в этом есть.

— А знаешь, что ему подсказало идею этой картины? — спросила она, предвкушая собственный ответ на собственный вопрос.

Дмитрий Владимирович решил пошутить.

— Дело было так, — улыбнулся он. — Принял Сальвадор за ужином очередной стакан граппы, и после этого настенные часы у него перед глазами поплыли. В этот миг вдохновения его и осенило. Испугался, что забудет пьяное видение, опрометью помчался к холсту и тут же набросал, благо краски и кисти оказались под рукой.

— Кажется, ты подсматривал за ним, — съязвила Ларка. — На самом деле идея нарисовать расплавленные часы пришла ему в голову из-за сыра, который лежал на тарелке и плавился от жары.

— Значит, он закусывал сыром.

Ларка отвернулась от мужа.

— Ну не пластилином же, — продолжал смеяться Дмитрий Владимирович.

Ларка уткнулась в брошюру. Она вела пальцем по строчкам книги, как делают маленькие дети, недавно научившиеся читать. «За отпуск запомнит пикантные детали из жизни Дали и потом будет случайно вспоминать их, удивляя подруг», — подумал он, ухмыльнулся и тут же почувствовал плотную тупую боль в области сердца, словно в наказание за эту ухмылку.

Он невольно замер и прислушался к себе. Боль усилилась и собралась за грудиной в

першавый грецкий орех. Края ореха недолго побыли без изменений, а затем начали тлеть, обжигая и вселяя страх. Подступила тошнота, закружилась голова. Он испугался. Не решаясь вдохнуть полной грудью, задышал едва-едва и покрылся бисером холодного пота. В машине стало не хватать воздуха. Ему показалось, что все вокруг страшно ему мешает, но что больше всего — определить не мог. Ему захотелось немедленно ото всего освободиться, вырваться из замкнутого пространства салона на простор, сделаться невесомым и, зависнув в воздухе, ни с чем не ощущать ни малейшего соприкосновения. Это стойкое желание привело к тому, что он несмело поднял руку, чтобы снять галстук, но никакого галстука на себе не обнаружил. Он попытался расстегнуть воротник рубашки, но рубашка и так была расстегнута до середины груди. Он окончательно растерялся и запаниковал.

Водитель мельком посмотрел на него в зеркало, но ничего особенного в его поведении не заметил и вернул взгляд на дорогу. Жена продолжала экскурсию по жизненным вехам Дали, голос ее был чужим, глухим и далеким.

Дмитрий Владимирович прижался лбом к стеклу и принялся считать ряды пронесившихся мимо виноградников, затем, когда виноградники кончились, ряды апельсиновых деревьев. Внутренний счет не устранял боль, но немного отвлекал, отчасти подменял собою сбившийся ритм сердца; ему так казалось, хотелось, чтобы счет был спасительным, больше не на что было надеяться. Рощи кончились, пошли поля, считать стало нечего, сознанию не за что было ухватиться.

Он сидел, боясь пошевелиться, как загнанный хищником зверек, ожидающий, когда минует опасность и можно будет вылезти из норы. Грецкий орех продолжал нестерпимо жечь, боль норовила проткнуть грудь, тошнота не проходила, им овладел страх. Надо было немедленно чем-то занять себя. Он закрыл глаза и принялся поспешно искать предмет для размышлений. Предметы один за другим появлялись в его сознании, но надолго не задерживались, он даже не успевал что-нибудь о них подумать; они ускользали от него, словно сопливые рыбешки из руки, и ни за что не хотели оставаться с ним наедине.

Он уже отчаялся отвлечься от боли, как вдруг вспомнил обтекающие камень часы и обрадовался находке. Часы проявились в его сознании и не собирались исчезать. Он с усилием сосредоточил на них внимание. Увидел, как часы плавятся и трансформируются под собственным весом, как они всей своей массой медленно сползают с камня вниз. Отметил для себя, что такие часы уникальны, по сути своей, и никак не могут показывать общее время, лишь чье-либо индивидуальное. «Быть может, мои часы в таком же положении, вот-вот стекнут на землю?» — с тревогой подумал он. А во что они превратятся на земле? В кучку пластилина? А где же тогда будет циферблат? Где стрелки? Как же они будут крутиться? «Господи, так это же смерть!» — дошло до него с пронзительной очевидностью, и щеки от ужаса покрылись мурашками. Мысль его взвилась ввысь, как смертельно напуганная птица, и пошла лихорадочно тыкаться во все уголки памяти, воскрешая из прожитого то, что было отмечено когда-либо в его жизни наиболее ярко и сильно: болью ли, радостью ли, звуками, запахами, вкусом. И для него легко выяснилось с абсолютной правдивостью, что вкуснее всего были пирожные-корзиночки за пятнадцать копеек, которые он ел в школе на большой перемене. И что самое большое предательство в отношении него случилось в тот день, когда мама отвела его первый раз в детский сад и оставила там, а сама ушла. И что запах ландышей, который он впервые почувствовал, гуляя по лесу, был лучшим запахом на свете. И что радостнее всего было купаться с мальчишками и загорать на зеленом острове под мостом через Жиздру. Что самым тяжелым был гул,

которым накрыла округу межконтинентальная ракета, медленно выдвигающаяся из утробы земли тупым рылом. И что самым счастливым был вечер, когда Вера разрешила ему проводить ее домой. И что хуже всего ему было на перроне, у вагонного окна, когда Вера сказала, что любила его... Мечущаяся от события к событию мысль не один раз перебрала короткий список, боясь что-либо упустить, и успокоилась, завершив ревизию его личного прошлого. В отобранный ею перечень не попало ничего, что произошло после Веры. «Господи, как мало всего было. Это за всю-то жизнь», — со щемящей тоской подумал он.

Боль в груди не проходила, страшнее, чем сейчас, ему не было еще никогда. Вязкое время тянулось медленно, нехотя отсчитывая тяжелые минуты и все больше изматывая его; терпеть уже не было сил. «Может быть, открыть дверь и вывалиться под колеса идущих сзади машин? — с безразличием подумал он. — Что я теряю?» С трудом приоткрыл глаза, желая выяснить, что же предстоит потерять, и сквозь стекло и частокол ресниц увидел размытую картину солнечного дня с голубым небом и редкими облаками. «Солнце, небо, облака... поля... деревья... вон ту парящую в небе птицу...» — мелко пульсировала мысль, отвечая на его вопрос.

Пустые поля кончились, вновь потянулись ровные ряды виноградников, вновь забрезжила надежда. Он обрадовался тихой тайной радостью и возобновил счет.

Когда счет перевалил за сотню, грудь неожиданно освободилась от грецкого ореха, и боль исчезла, растаяла. Он не сразу в это поверил. Для начала перестал считать. После вдохнул сильнее, следя за тем, как раздувается грудная клетка, как поднимаются ребра, затем еще сильнее и глубже, проверяя, действительно ли прошла боль, так ли это на самом деле. Потом задышал нормально, без экономии и сдерживания. «Что же это такое было? Ведь еще бы чуть-чуть...» Думать об этом не хотелось. Через какое-то время решился отлепить голову от стекла. Скосив в сторону глаза, посмотрел на жену — заметила ли? Вроде бы нет. Достал платок, промокнул пот на лице. Незаметно оттянул от спины прилипшую рубашку. Стало вдруг дьявольски холодно, охватила невероятная слабость. Потом сидел, не шелохнувшись, и медленно приходил в себя. Слушал голос жены, не вникая в смысл: на это совсем не было сил. Хотелось упереться лбом в подголовник пассажирского кресла и забыться.

Ларка хлопнула половинками книги, зажав между ними перламутровую закладку.

— Устала. Давай остановимся ненадолго. Можно что-нибудь попить. Как ты? — спросила она.

— Сейчас заедем, — тихо сказал он, прислушиваясь к собственному голосу.

— Хочу в туалет, — прикрывая ладонью рот и гнусава, прошептала она.

Он наклонился к водителю. Когда тот повернул к нему голову, показал крест из скрещенных рук и сказал по слогам: «Стоп. Ка-фе и ту-а-лет».

— Bien^[8]! — закивал водитель.

Ларка не узнала голос мужа и с удивлением посмотрела на него. Он был бледен как мел. Ей показалось, что он осунулся и сильно постарел.

— Димка, что с тобой? — с тревогой спросила она. — На тебе лица нет. Тебе плохо?

— Что-то меня сильно укачало.

— Хорошо, что решили остановиться, — сказала Ларка, продолжая смотреть на мужа.

Водитель съехал с трассы по направлению к небольшому городку. Через километр городок встретил их невзрачной церковью песочного цвета, ее единственным украшением была башенка-звонница с узкими стрельчатыми проемами по кругу. Из приплюснутого

купола башни, будто инородное тело, торчала телевизионная антенна.

Миновав церковь со стороны пустынного двора за чугунной оградой, они выехали на выжженную солнцем пыльную улицу с низкими домами. В одном из них оказалось кафе. Водитель остановил машину. Внутри кафе нечем было дышать, немногие посетители предпочли расположиться на улице под тентом и с интересом смотрели телевизор.

Они вышли из машины. Ступив на землю, Дмитрий Владимирович почувствовал себя дряхлым стариком — слабость была невероятной. Он вынужден был все делать медленно и с большой осторожностью.

— Дима, да ты еле идешь, — заметила Ларка, — тебе помочь?

— Не вздумай. Говорю же — немного тошнит.

— Странно, что же это может быть? Ничего, отдохнешь сейчас, мы никуда не торопимся.

Она выбрала свободный столик подальше от кричащего телевизора. Он заказал ей мороженое и кофе, а себе воды.

Официант принес заказ. Дмитрий Владимирович отпил воды из стакана и вполоборота посмотрел на экран телевизора; невидимый комментатор что-то очень быстро говорил; на экране сменяли друг друга виды уличных перекрестков, заполненные автомобилями. Он собрался было отвернуться, но в этот момент ему показалось, что промелькнуло что-то знакомое. Он прищурился, фокусируя взгляд, и увидел на экране российского гаишника. Гаишник указывал полосатым жезлом на ветровое стекло автомобиля и что-то объяснял обступившим его тележурналистам. Закончив с ветровым стеклом, он обошел ка-пот и дотронулся жезлом до спущенного колеса. После этого ка-мера заскользила вверх и крупным планом показала синий фонарь на крыше машины. Дмитрий Владимирович все понял и уже не отрывал взгляд от телевизора.

На экране появился невидимый до этого комментатор, которого вскоре сменила госсекретарь США. Она показывала какие-то листы бумаги и что-то объясняла. «А она тут при чем?» — удивился Дмитрий Владимирович, повернулся к жене и с тревогой посмотрел на нее.

Неожиданно возникшая проблема и текущие обстоятельства сулили ему крупные неприятности. О поездке в Фигерас не могло быть и речи. Надо было немедленно возвращаться на виллу и звонить в контору. Он прекрасно понимал, что сейчас будет скандал. В дополнение ко всему он очень плохо себя чувствовал.

— Дим, а тебе не кажется, что это нашу Москву показывают?

Он не ответил, собираясь с мыслями.

— Что там произошло?

— Кто-то делает дырки в колесах машин с мигалками, — пояснил он.

— Только с мигалками? Правильно, нечего пробки на дорогах создавать.

Она посмотрела в заострившееся после сердечного приступа лицо мужа и перестала улыбаться. «Дура», — подумал он.

— Ты пошутил? — неуверенно спросила она.

В этот момент он решил, что в его положении надо думать только о себе. Пусть жена ведет себя, как хочет, это его не касается.

— Мне надо немедленно связаться с работой, — начал он и замолчал, нарочно не делая очевидного вывода из сказанного.

Ларка со стуком поставила чашку на блюдце и сузила глаза.

— Возьми да позвони, — сказала она, прекрасно зная, что ему нужна специальная закрытая связь.

Дмитрий Владимирович не ответил, ожидая развития событий.

— Что ты молчишь?! — взвилась Ларка. — Третий сезон здесь отдыхаем и никак не можем съездить в музей Дали! Я все спланировала, готовилась. Я могу когда-нибудь нормально отдохнуть?

Посетители кафе посмотрели в их сторону.

— Не кричи. Не сложилось сегодня — поедем в другой день.

Ларка принялась давить мороженое в розетке. Дмитрий Владимирович прислушивался к собственному состоянию и наблюдал за ней. Он видел, как она мучается, борясь с собой. Колебания ее были недолгими.

— Закажи мне выпить, — не отрываясь от своего занятия и не поднимая головы, попросила она. — Двойное виски.

«Слава богу, — обрадовался он. — Сейчас выпьет и успокоится. До дома ее хватит. Позвоню в контору, а дальше провались все пропадом. Напьется — значит напьется».

Официант принес виски. Через пару минут Ларка улыбалась, курила и говорила умиротворенным голосом.

Они пробыли в кафе недолго. Ларка выпила еще одну порцию, и они отправились в обратный путь. За час езды не проронили ни слова. Ему удалось подремать, а она без интереса смотрела в окно и по мере приближения к дому все больше нервничала. Наконец, к радости обоих, они подъехали к воротам виллы. Пальма встретила их восторженным лаем из своего загона, огороженного сеткой. Дмитрий Владимирович едва махнул ей слабой рукой.

Первым делом он вызвал к себе порученца — молодого человека с внимательными глазами на незапоминающемся лице.

— Подготовь связь и до утра ты мне не нужен.

Отпустив подчиненного, Дмитрий Владимирович прошел в гостиную, лег на диван и включил телевизор: прежде чем звонить в контору, он хотел составить собственное мнение.

Репортажи с улиц Москвы ничем не отличались друг от друга. По сводкам ГАИ, стрелок-невидимка повредил более трехсот автомобилей; из-за обездвиженных машин в городе и пригороде образовались огромные пробки. Дмитрий Владимирович переключал каналы, рассчитывая услышать комментарий кого-нибудь из государственных мужей. Наконец на экране появилось вечно озабоченное лицо министра внешних интересов. В этот момент в гостиную заглянула Ларка; она успела выпить и была в приподнятом настроении. Он приложил палец к губам и жестом предложил ей сесть. Вместе они прослушали сообщение министра о том, что на территории Америки обнаружен НЛО, а в редакцию одной из газет пришли письма, написанные инопланетянами. Поверить во все это было невозможно. Ларка начала дурачиться.

— К нам прилетели пришельцы! Интересно, они волосатые или лысые, как показывают в кино? Нам бы их в гости. Я бы налила им виски. Как ты думаешь, они выпивают?

— Я сейчас приду, — перебил ее Дмитрий Владимирович. — Ты где будешь?

— У бассейна, — ответила она и ушла.

Он уединился в кабинете и позвонил на работу.

«Здравствуй. Телевизор у меня есть, я в курсе. Доложи обстановку, паника?» — спросил он. — «Здравия желаю, Иван Иванович. Да, полная растерянность». — «С нашим случаем сходство есть?» — «Под копирку. Будто робот дырки делает». — «Кто занимается?» —

«Лубянка во главе». — «Лубянка так Лубянка. Давай про нас. Напоминаю еще раз: наш случай забыть. Собственно, из-за этого и звоню, чтобы понял, насколько все серьезно. Должен знать: после того, что сегодня произошло, пощады нам не будет, если что всплывет. Просочится — лично буду разбираться с утечкой. За своих орлов отвечаешь головой. Моему водителю дважды повторять не надо. Дальше — что с эвакуатором?» — «Вменяемый мужик. У нас в гараже работает давно. Семьянин и прочее, двое детей». — «Дети — это хорошо. В общем, под твою ответственность. Теперь о «слабом звене», так, кажется, по ящику говорят. Про дорожников с полосатыми палками не забыл?» — «Не забыл». — «Займись ими. Что молчишь?» — «Занимаюсь, Иван Иванович. Не могу найти». — «Это почему?» — «Нет концов». Дмитрий Владимирович взорвался было, но, почувствовав боль в груди, приглушил эмоции. «Твою мать. Где твоих раздолбаев обучали? В церковно-приходской школе? Почему не зафиксировали?» В далекой Москве начальник Управления собственной безопасности стоял навытяжку, прижав одну руку к лампасам, другой рукой вдавив в потное ухо трубку, и боялся пошевелиться. «Ты, генерал, обязан помнить все концы. Это твоя работа. В преферансе, небось, все помнишь до последней карты». Генерал молчал. «А я тебе объясню, почему ты в префе все помнишь. Потому что в префе у тебя личный интерес присутствует. А на государевой службе тебе все по барабану. Разозлил ты меня».

Дмитрий Владимирович еле сдерживал себя, халатность подчиненных могла привести к катастрофическим для него последствиям. Он немного успокоился и продолжил: «Выясни, кто там у них этот район патрулировал в тот день. В крайнем случае по рожам будешь искать, раз по уму не можешь. Мой водитель должен был их хорошо запомнить». — «Обязательно найдем». — «Вот еще что. Там по трассе камеры навешаны. Найди запись, номер патрульной машины должен был засветиться». — «Этим как раз и занимаюсь, Иван Иванович». — «Все, что найдешь, — изыми. Держи меня в курсе. Отбой».

После телефонного разговора ему стало совсем плохо. Он какое-то время неподвижно сидел в кресле, собираясь с силами, затем с трудом поднялся и направился к бассейну.

Пока он разговаривал по телефону, Ларка переделалась в купальник и сервировала стол у воды. На столе стояла початая бутылка виски, херес, ваза с яблоками и виноградом, оливки в розетке и блюдо с холодной говядиной.

— Дима, тебя не дожидаться! Налей мне, пожалуйста.

Ларка была пьяна. Он налил ей виски, себе — хереса, хотя пить не собирался. Она выпила и захрустела яблоком.

— Как ты позвонил? Что там на родине? Поймали инопланетян?

— Никакие они не инопланетяне. Решили научить нас правильно ездить по дорогам, — он выругался. — А кто они на самом деле — это вопрос.

— И что же вы будете теперь делать? Перестанете ездить по встрече? — веселилась Ларка.

Он хотел напомнить ей, кто из них двоих чаще пользуется его служебной машиной, но передумал, лишь удивился ее веселью:

— Непонятна твоя радость по этому поводу.

— Тебе не понять, что у меня может быть просто хорошее настроение.

Он не стал отвечать на грубость жены. Ларка принялась рассуждать об инопланетянах. Он молчал, пережидая ее пьяную болтовню. Она вдруг встала, пошатнулась и опрокинула стул.

— Хочу искупаться.

Неуверенно начала спускаться по ступенькам в бассейн, но поскользнулась, не удержалась за поручни и упала в воду. Он подошел к лестнице, из воды показалось испуганное лицо жены. Подал ей руку, но она не воспользовалась его помощью, сама выбралась из бассейна. Кое-как вытерлась полотенцем и присела к столу. Затем занялась скомканными мокрыми волосами, пытаясь привести их в порядок, но у нее ничего не получалось.

Дмитрий Владимирович устало смотрел на нее, думал о том, что пока она в стельку не напьется — спать ее не уложить, и мечтал поскорее прилечь.

— А ты меня хоть капельку любишь? — спросила она заплетающимся языком.

— Разумеется.

— А я тебе нисколько не верю, — она отпила виски из стакана и начала гримасничать. — Если бы любил, то не пустил бы купаться. И в Фигерас отвез бы. И в море трахнул.

— Ты очень громко говоришь, пойдем в дом, — предложил он. Видя, что она колеблется, добавил: — Выпить возьмем с собой.

Они прошли в спальню. Уходя, она захватила с собой бутылку. В спальне он сел на кровать, а Ларка — в кресло напротив.

— Как твоя рука, — вспомнила она, закуривая сигарету, — болит?

— Ноет немного.

— Из-за этого ты не смог в море, да? Тебе было бы хорошо. А все-таки, откуда у тебя синяк, Димка? — прищурив глаза и ухмыляясь, спросила она.

— Я же тебе говорил, ударился о ступеньку... Давай ты не будешь больше пить, — спохватился он, надеясь, что Ларка достаточно пьяна и не обратила внимания, но было уже поздно.

Отбросив голову назад, Ларка картинно затянулась сигаретой и посмотрела на мужа злыми глазами.

— Как о ступеньку? О какую ступеньку? — трезво и зловеще спросила она.

— Ступеньки бывают только у лестницы, — раздраженно ответил он и потянулся к ней: — Дай сюда бутылку, хватит уже.

— Оставь бутылку в покое! — закричала она, пряча виски за спину. — Ты же ударил руку о перила, скотина такая! Что ты мне врешь!

Она с трудом встала и как была в купальнике, с бутылкой и сигаретой в руках, так и выскочила из спальни и побежала в кухню. Мерседес возилась у плиты и на шум повернулась к Ларке. Ларка вплотную подошла к ней, схватила за край передник, задрала его кверху и воскликнула:

— Вот он — передничек-то! — Потом вытянула перед собой руку с бутылкой и принялась тыкать в нее другой рукой с сигаретой. — Это твоя работа? Понимаешь, о чем я говорю? Мужу ты синяк поставила?

Темные глаза Мерседес почернели. Она с ненавистью смотрела на Ларку, держа в руках половинку репчатого лука и нож, и молчала.

— Так это ты, значит? — залилась пронзительным смехом Ларка, схватилась за живот и согнулась пополам.

Она хохотала, держась за стол, и никак не могла успокоиться. У нее началась истерика. Она приложилась к бутылке, облилась виски и в полусогнутом положении от раздражающего ее смеха заспешила обратно в спальню, по дороге задевая плечами за дверные косяки и

безбожно ругаясь.

— Повелся на ее передник, да?! — завизжала она с порога. — Отвечай, козел козельский, повелся?!

У Дмитрия Владимировича от ненависти все внутри заклокотало. Ему было очень плохо, в этот момент он мечтал только об одном: чтобы этот день поскорее закончился. А Ларка уже не могла остановиться.

— Так я ничего не поняла, она дала тебе или нет? Не дала? — она надрывно захохотала: — Вот ведь сука каталонская!

Потом неожиданно замолчала и заплакала, размазывая по щекам слезы и потекшую тушь. Вид ее был жалок. Он смотрел на нее без капли участливости. Ему казалось, что эта немолодая пьяная женщина в мокром купальнике, с растрепанными крашеными волосами и перемазанным тушью лицом попала в его жизнь случайно и зачем-то надолго задержалась.

— А хочешь — я тебе свой передник достану? Чем мой хуже? — сквозь слезы предложила Ларка.

Она бросилась в гардеробную, прикатила оттуда еще не разобранный чемодан, открыла его и начала расшвыривать вещи перед носом у мужа, ища передник.

— Да где же он?! — закричала она, добравшись до дна. — Ты не брал?

Дмитрий Владимирович молчал. Она отпихнула чемодан в сторону, подошла к нему и принялась трясти его за плечи.

— Димчик, ты же любишь меня и без него, правда? Это ведь не страшно, что я уже старая? Ты же любишь старых, так ведь? Ну, отвечай, так ведь?

Он с удивлением поднял на нее глаза.

— Что ты несешь?

— Ты что же, думаешь, я ничего не знала про твою мамочку? — снова отвратительно завизжала она.

— Про какую мамочку? — зло спросил он и схватился рукою за грудь.

— Про ту, которая тебе в мамочки годилась! — торжественно объявила Ларка и ткнула мужа пальцем в лоб.

Он стиснул зубы до скрежета, голова у него закружилась. По его лицу Ларка поняла, что до него дошло, о ком идет речь.

— Да, я про твою старую буфетную шлюху! — залилась она истеричным смехом, тряся перед его носом складками живота.

В глазах у него потемнело. Он схватил жену, швырнул ее на кровать, наклонился над ней и замахнулся кулаком.

— Заткнись, тварь! И не смей...

И в этот миг, когда Дмитрий Владимирович был как никогда искренен в проявлении своих чувств, часы его стекли с камня на землю и стали кучкой пластилина.

Договорить он не успел, повалился набок на кровать рядом с Ларкой, захрипел, отрывисто вдохнул пару раз без выдоха, как будто хотел успеть наполнить легкие перед безвоздушным полетом или глубоким нырком, и затих; тяжелая рука его со сжатым кулаком рухнула Ларке на грудь.

Когда он на нее замахнулся, Ларка от страха закрыла глаза и теперь, ощущая на себе тяжесть его руки, боялась их открыть. Выждав немного и ничего не понимая, в ужасе начала медленно выбираться из-под руки мужа. Наконец сбросила ее с себя и открыла глаза.

Дмитрий Владимирович лежал на боку с полузакрытыми глазами и открытым ртом —

так застала его смерть.

— Дим-ка! — протяжно и дико закричала она.

Муж молчал. Она с опаской, коротко толкнула его в плечо и быстро отдернула руку, будто, вынужденно дотрагиваясь до чего-то отврати-тельного, боялась замараться. От толчка он завалился навзничь, голова его мотнулась и осталась повернутой в ее сторону, волосы сбились на лоб.

— Димочка, не молчи! Димочка! Родненький! Не оставляй меня! — заголосила она, как простая деревенская баба, каковой всю жизнь и была.

Димка молчал. Она вдруг отрезвела и обезумела. Оседлала его, забравшись ему на грудь, повернула к себе его голову и принялась хлестать по щекам, требуя ответа:

— Ну не молчи же ты! Ну не молчи же, скотина! Хватит притворяться!

Димка молчал. Лишь бескровные губы его вокруг раззявленного рта сминались, кривились под Ларкиными шлепками — словно гримасничали, насмехаясь над тщетою ее усилий, да волосы мотались по не успевшему загореть лбу.

Она соскочила с кровати, побежала к двери, закричала в коридор:

— Мерседес! Иди сюда! Быстрее!

Вернулась к мужу, припала ухом к его груди, послушала недолго, снова побежала к двери.

В коридоре появилась Мерседес.

— Вызови «Скорую»! Слышишь? Срочно вызови «Скорую»! — закричала на нее Ларка.

Мерседес не шелохнулась.

— Что стоишь?! Не понимаешь? Твою мать, что же это такое.

Ларка заплакала. Очнувшись, снова закричала, тряся руками перед лицом невозмутимой Мерседес.

— «Скорая помощь»! Как там у вас? Амбуланс! — вспомнила Ларка. — Амбуланс ваша! Поняла? Амбуланс!

Мерседес кивнула.

Ларка побежала обратно к кровати, запуталась ногами в одежде, разбросанной повсюду, совсем неловко упала и больно ударилась коленями об пол. Зарыдала, обхватила голову руками, завертела ею, как в припадке безумной боли. Очнулась, подобрала с пола шарфик, прижала ко рту. Захлебываясь слезами, жалобно запричитала: «Мамочка моя, мамочка», на четвереньках поползла к кровати, забралась на нее и со стоном припала вдовьей головой к Димкиной груди — слушать Димкину тишину.

Мерседес прикрыла дверь в спальню и прошла к себе. В своей комнате сняла передник и швырнула его на стул. Надела босоножки, причесалась, взяла сумку, вышла из виллы и застучала каблучками по каменной тропинке, ведущей к калитке на заднем дворе.

В это время, напугав Мерседес, страшно завывла Пальма. Она как вкопанная стояла в своем загоне, задрав морду к пустому небу и надрывая вздувшееся горло. Услышав ее жуткий вой, из своего домика показался охранник. Он подошел к собаке и стал ее успокаивать, похлопывая по холке: «Ну, ну, Пальмушка, щенков вспомнила?» Потом увидел Мерседес и спросил: «Уже все, что ли?»

Мерседес посмотрела в его сторону и ничего не ответила: ей было трудно понять короткую, но мудреную русскую фразу, составленную бог знает из чего. Если бы она сумела разгадать тайну русской словесной вязи, наверное, ответила бы предельно ясно: «Уже все». А так — пошла себе дальше.

Видя, что Мерседес его не поняла, охранник выругался и грубо крикнул:

— Домой, говорю, идешь?!

Она догадалась, что он ругается. Не оборачиваясь и ускоряя шаг, бросила на ходу:

— Домой.

— Везет же. Ну, что с тобой? — продолжил он успокаивать собаку.

По дорожке, утопающей в зелени, Мерседес направилась в сторону шоссе. Ее стройная фигура с распущенными черными волосами то пропадала, то вновь появлялась из-за кустов розового олеандра, желтых низкорослых акаций и крупнолистных магнолий. Охранник зорко смотрел ей вслед, энергично чесал в промежности и думал о том, что ему повезло с поварихой и что в скором времени он до нее доберется.

Автобусная остановка у шоссе была пуста. Мерседес села на скамейку, посмотрела на часы и задумалась. Решила, что больше никогда не будет работать у русских. Все эти богатые русские одинаковы: невоспитанные, грубые и вечно норовят схватить за задницу. И плевать на язык и повышенную ставку.

Где-то далеко продолжала жалобно подвывать Пальма. Иногда она переходила на протяжный душераздирающий лай, разносящийся по всей округе. Мерседес достала из сумки телефон и вызвала карету «Скорой помощи».

Электронная версия статьи Данна увидела свет в четверг вечером. В России эта тема начала активно обсуждаться утром в пятницу. Столь сенсационные новости были проанализированы российскими властями. По поводу следа на острове в компетентных органах приняли решение «иметь в виду». Что же касается писем, то они никого не заинтересовали в силу своей «несерьезности» и были отнесены на счет «непонятной политической игры» американцев. В общем, новости были восприняты спокойно, если не безразлично. В подтверждение адекватности такой вялой реакции красноречиво говорило и молчание официальных дипломатических источников США.

К вечеру пятницы страсти в российском интернет-сообществе пошли на убыль. В это же время в Белом доме прошло утреннее совещание в связи с обнаружением НЛО. Не успел совещание закончиться, как ФБР инициировало негласную проверку жителей ничем до этого времени не провинившегося Черчс Ферри. Завершившись без толку и очень оперативно — уже в субботу, — проверка выявила документально подтвержденную добропорядочность всего населения городка. Из всех его обитателей лишь один дед, коротающий одинокую старость в запущенном доме с почерневшей крышей, не избежал непрошеного визита двух джентльменов.

Такого внимания со стороны ФБР он удостоился только потому, что находился на учете в клинике для психически больных с диагнозом «шизофрения с приступообразным течением в виде бреда». Позже джентльмены сожалели о времени, проведенном в его доме, и старались не вспоминать встречу со стариком. Выяснилось, что старик ничего не знал о существовании России, но из-за халатности визитеров это обнаружилось ими далеко не сразу. Мало того, так он еще с первой минуты встречи глубоко проникся предложенной ему темой конфиденциальной беседы и умудрился задержать гостей на целый час.

Для начала он напоил их «чудодейственным» чаем, приготовленным по собственному рецепту из местных трав. Затем гипнотически расположил их к себе абсолютным здравомыслием. А напоследок доказательно и не без артистизма поведал о массовых аномальных явлениях подобного же, то есть инопланетного, свойства в окрестностях Черчс Ферри. С трудом отвязавшись от прямо-таки магически обаятельного хозяина, гости с облегчением выбрались из мистической атмосферы его мрачного дома на свежий воздух и доложили забросившему их в эту дыру руководству своей конторы, что данный городок более не представляет для них никакого интереса.

Уикенд Америки, если не считать субботнего бенефиса больного старика из Черчс Ферри перед обалдевшими от него агентами ФБР, в целом прошел без особенностей и под неусыпной охраной космического командования и патрульных самолетов. Но одно важное событие в воскресенье все-таки произошло: специалисты НАСА выяснили, что аналога материала, из которого сделаны листы замшевых писем, на планете Земля не существует. Директор НАСА сообщил об этом госсекретарю, а та, со слов посла в России, рассказала директору, что представители властной российской верхушки действительно ездят на дорогах по встречной полосе. После обмена информацией госсекретарь была вынуждена признать, что ее мнение, высказанное на совещании у президента, было ошибочным, и вместе с директором они пришли к выводу, что угроза русским начала принимать реальные очертания. Но беспокоить президента и портить ему отдых своими соображениями они не

рискнули и отложили все до понедельника.

Массовая атака Сола на машины чиновников случилась в понедельник утром, когда в США все еще спали. Хозяева первых поврежденных машин с мигалками вели себя примерно одинаково: приходили в бешенство, изрыгали ругательства в адрес неизвестного террориста и клялись покарать его самым жестоким образом. Но когда счет поврежденных машин пошел на десятки, а потом на сотни и весть об этом разнеслась повсюду с быстротой молнии, чиновничью верхушку охватила сначала растерянность, а потом, по мере осознания случившегося, — откровенная паника.

Был срочно созван Совет безопасности. Свое выступление президент страны начал с того, что определил цель нападения неизвестного врага: «Дестабилизация работы государственных органов как начало далеко идущих планов». Его речь красной нитью пронизывала мысль о том, что «мы не позволим и дадим самый решительный отпор». В связи с исключительностью создавшегося положения он потребовал в кратчайший срок «уничтожить вооруженную неизвестным оружием банду».

Во время речи главы государства очи членов Совета сверкали неподдельным гневом и преданностью родине и лично президенту. Члены Совета — хором и поодиночке — проклинали неизвестного врага и повторяли президентское «мы не позволим», но не более того, без конкретных предложений: никто из них не представлял себе, что это за банда, где она скрывается и вообще — как она ЭТО делает.

Рядом с президентом сидел главный министр и метал по сторонам настороженные взгляды, будто подозревал, что где-то здесь, в просторном зале с кобальтовыми обоями и мебелью из слоновой кости, скрывается диверсант. Из всех присутствующих он больше всех негодовал по поводу случившегося. Его машина одной из первых попала под обстрел, и он успел в полной мере испытать на себе ликующую ненависть проносящихся мимо соотечественников, в едином порыве сигналивших ему изо всех сил. Эта какофония торжествующих клаксонов целый день стояла у него в ушах и не давала ему покоя очевидной для него несправедливостью.

Министр внешних интересов в силу своей должности не мог не упомянуть материалы, опубликованные в американских СМИ, и даже попытался обратить на них внимание, но без настойчивости и с обычным по отношению к американцам недоверием, так что эти материалы были восприняты без интереса.

В конце заседания министр обороны обратил внимание, что машины были атакованы с воздуха с применением какого-то новейшего оружия, тем самым намекая на масштабность и войсковой характер нападения и желая возглавить — с расчетом на финишные лавры — поимку и уничтожение врага. Но его попытка провалилась, потому что он не смог ответить на простой вопрос членов Совета: «Почему при таком массированном нападении в небе над Москвой не был обнаружен ни один неопознанный летательный аппарат?» В итоге действия нападавших — с легкой руки верящих в заговоры, то есть всех членов Совета, — классифицировали как международный терроризм, создали штаб для ликвидации нависшей над страной угрозы и за отсутствием других надежных ведомств поручили ФСС^[9] возглавить его работу.

Как только весть о нападении на Москву достигла берегов проснувшейся Америки, Госдепартамент развил бурную внешнеполитическую деятельность. Первым делом он официально уведомил Россию обо всех материалах, связанных с НЛО. Затем в Госдепартамент был вызван российский посол, и ему показали необычные письма и

ознакомили с результатами анализа материала, из которого они были изготовлены. После этого от письма отрезали приличный кусок и передали послу для исследования российской стороной.

В связи с важностью происходящих событий президент США выступил по телевидению с заявлением, призвав все страны усилить контроль воздушного пространства своих территорий и наладить оперативный обмен информацией, касающейся «необычных явлений и подозрительных воздушных объектов». Он пообещал, что космические войска США приложат все усилия, чтобы обнаружить инопланетный корабль и уничтожить его.

После этого в России спохватились, тему терроризма оставили в покое и перевели войска ПВО в повышенную боевую готовность. К Москве были стянуты все имеющиеся в распоряжении Министерства обороны противоракетные комплексы. С принятием указанных мер на первый план выдвинулись военные, к радости их министра, а ФСС с ее подозрительностью и недоверием к гражданам своей страны отошла на вторые роли.

В общем, начиная с понедельника инопланетная атака на Россию стала информационной темой номер один в мире. СМИ наперегонки спешили выяснить подробности нападения на VIP-машины, и вскоре весь мир удивлялся тому, что сотни чиновников в демократической России ездят по дорогам как им вздумается и что такая езда охраняется законами государства и всей мощью карательного аппарата Министерства внутреннего порядка.

Во вторник Сол вновь завис над Москвой, но на этот раз смельчаков с мигалками, рискнувших испытать судьбу, проехав по встречной полосе, было немного. Среди них оказался и главный министр, решивший продемонстрировать народу бесстрашный характер крутого мачо и снова освищенный радостными клаксонами водителей. От бессилия, злобы и непонимания происходящего главный министр сильно осунулся, и его бегающие глазки у озабоченной переносицы совсем ввалились.

И снова весь мир заговорил о том, что инопланетяне не шутят и взялись за Россию основательно. Всех поражало, что при таком массированном обстреле машин не пострадал ни один человек. Это свидетельствовало о каком-то причудливом гуманизме инопланетян и о чуть ли не воспитательном характере проводимых акций. Кремлевские политологи были с этим не согласны и считали, что к воспитанию это не имеет никакого отношения. Принимая во внимание тот факт, что нападению подвергаются лишь машины крупных чиновников, они утверждали, что это политическое давление преследует единственную цель: нарушить эффективное функционирование власти путем блокирования перемещения чиновников к месту их работы.

В этот же день, во вторник, на стол Фоунтейна легло очередное рыжее письмо. Как ни велико было искушение его вскрыть, Фоунтейн не решился этого сделать. Служащим ФБР, оставившим ему свой телефон, звонить не стал, попросил об этом Джоан и даже передал ей письмо, не желая с ними встречаться.

Последние дни с момента их объяснения Малком и Джоан общались как-то странно. Малком наметил для себя, что в ближайший уикенд они пойдут с Джоан в ресторан, но не решался высказать вслух свое приглашение. Джоан ждала его приглашения, но без простительного в подобной ситуации нетерпения. Они оба словно решили, что все произойдет само собой, без их участия. По работе общались как обычно, а прочее общение полностью прекратилось, и их милая словесная дуэль отошла в прошлое.

Джоан взяла протянутое Фоунтейном письмо и собралась уходить, но остановилась и спросила:

— Если я правильно понимаю, вы хотите, чтобы я оградила вас от общения с этими господами?

— Совершенно верно, вы правильно меня поняли, — ответил он.

— Мне кажется, это не по-мужски — взваливать общение с агентами спецслужбы на плечи дамы, — тихо сказала она.

Наступила тишина. Лицо у Малкома от стыда налилось краской. До него вмиг дошло, что он болван и что его поведение Джоан вряд ли простит. Проклиная себя и надеясь на чудо, он протянул Джоан руку:

— Верните мне, пожалуйста, письмо и простите. Вы правы. Не знаю, что на меня нашло. Я сам им позвоню и встречу с ними.

Джоан вернула письмо. Они опять замолчали. Она видела, что ему стыдно.

— Джоан, я вас приглашаю в субботу в ресторан, — справившись с собой, сказал Малком. — Он был почти уверен, что после его падения она непременно откажется, и поспешил напомнить: — Джоан, вы обещали.

— Да, я помню. Я с удовольствием пойду с вами в ресторан, — улыбнулась она и тронула его за рукав, этим жестом доверия успокаивая его и прощая.

Когда она вышла, Малком, волнуясь, позвонил в ресторан и заказал на субботу на семь часов вечера столик на двоих у окна. Потом позвонил в ФБР. Там очень удивились, поскольку письмо должны были перехватить в почтовом офисе Черчс Ферри, оно гарантированно не могло попасть адресату.

Прибывших агентов Фоунтейн встретил в прекрасном настроении.

— Это прислали вам, — торжественно сказал он, протягивая им рыжий конверт.

— Больше ничего нет? — осведомились стражи порядка.

— Больше ничего, — улыбнулся Фоунтейн.

Джентльмены смерили его оценивающими взглядами и удалились, конверт передали своему руководству. Далее заработала чиновничья иерархическая машина, и в результате вращения ее изношенных шестеренок на стол президента США легло письмо следующего содержания:

«ПРЕДЛАГАЮ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАТЬ ВСЕМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СРЕДСТВАМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЯ ВТОРОЙ ТЕКСТ. 1

ОЧЕНЬ ВАЖНО. МОГУТ ПОГИБНУТЬ ЛЮДИ. ВЫПОЛНЯЙТЕ».

«ГРАЖДАНЕ РОССИИ. Я СОЛ. Я ПРОДОЛЖАЮ ВЫПОЛНЯТЬ ПРОГРАММУ «СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ» ДЛЯ РОССИИ. ВТОРОЙ ШАГ ПРОГРАММЫ — ОТКАЗ ДВИЖЕНИЯ ВСЕХ МАШИН ПО ВСТРЕЧНОЙ ПОЛОСЕ, ГДЕ ТАКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО. ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ВСТРЕЧНОЙ ПОЛОСЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ТОЛЬКО МЕДИЦИНСКИМ МАШИНАМ, МАШИНАМ ТУШЕНИЯ ОГНЯ И МАШИНАМ ОХРАНЫ ПОРЯДКА. НАЧНУ ВЫПОЛНЯТЬ ЗАВТРА НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ».

Прочитав письмо, президент вызвал к себе госсекретаря и приказал немедленно связаться с министром внешних интересов России, что она и сделала. Текст письма без задержки направили в Москву по закрытому дипломатическому каналу.

Переговорив со своим заокеанским коллегой, министр внешних интересов прибыл на доклад к президенту и ознакомил его с содержанием письма, согласно которому на Россию готовилось новое нападение.

— На этот раз вы доверяете информации американцев? — поинтересовался президент.

— Все, что исходит от американцев, всегда требует перепроверки, — уклонился от ответа министр.

— Вы так сильно вжились в дипломатию, что в простоте уже не можете ответить ни на один вопрос! — рассердился президент. — Так да или нет?

— Скорее нет, чем да, — вновь ушел от прямого ответа министр, по-другому отвечать на вопросы он давно разучился.

Президент вскипел.

— Если я правильно вас понимаю, тот факт, что нам за два дня вывели из строя весь парк спецмашин, не является для вас убедительным доказательством достоверности информации?!

Министр в совершенстве владел искусством молчания и ничего не ответил. Согласиться с неоспоримым фактом, подтверждающим добрые намерения американцев, было для него никак невозможно, потому что было невозможно никак, а не согласиться означало признаться в собственном идиотизме.

Президент вышел из себя, что случилось с ним нечасто.

— Вы что-то произнесли по поводу перепроверки информации, не так ли? — саркастически заметил он. — Так вот идите и перепроверяйте! Как перепроверите — придете и доложите: да или нет. И никак иначе! Только да или нет. Вы свободны!

После общения с министром президент впал в уныние от осознания того, что «не на кого опереться». Эта тема завела его далеко. Он подумал о том, что все вокруг смотрят на него преданными глазами с одной лишь целью — угодить. Как на них можно опереться? Опереться можно на что-то твердое, на людей, которые имеют собственное мнение, свою позицию, готовых ее доказательно отстаивать, а не дрожать за собственное кресло. А как можно опереться на мягкое? Самое неприятное, что в трудную минуту это мягкое стечет, как вода в унитазе, будто его и не было вовсе, на поддержку можно не рассчитывать. Оглянешься вокруг — а рядом нет никого, кто бы мог подставить плечо и разделить с тобой ответственность. Все будут молчаливо и преданно взирать на тебя, своим молчанием красноречиво говоря: «Но мы ведь сделали, как вы хотели, согласно вашим указаниям». «И, в общем-то, все эти сукины дети будут правы, — пришел к неутешительному выводу президент. — А где же найти других?»

С грустью поразмышляв над тем, как трудно находиться на вершине власти, он собрал

экстренное совещание силовиков для обсуждения новой угрозы. Вместе они поделились друг с другом гневными решительными словами и сошлись на том, что не следует пугать народ по каждому чиху и что до поры до времени надо положить эту неприятную новость под сукно. Разумеется, президент не мог отпустить подчиненных без напутствий. Министр обороны получил строгое указание «смотреть в оба», председатель ФСС — несмотря ни на что, не сбрасывать со счетов тему терроризма, а министр внутреннего порядка — в случае необходимости пресечь спровоцированные (кем спровоцированные — президент не уточнил) беспорядки и народные волнения.

Первые сигналы об атаках на машины начали поступать в спящую Москву из утренних Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Владивостока. Затем волна покатила на запад через Читу, Иркутск и далее по крупным городам — в направлении движения солнца и по мере пробуждения российских регионов. Предупреждения, с опозданием адресованные автомобилистам с экранов телевизоров, вызывали лишь улыбки и хохотки: все были уверены, что инопланетяне ополчились исключительно на машины с мигалками. Крупно повезло лишь Западной Сибири: всю ее закрывала низкая густая облачность и Сол вынужден был оставить этот огромный кусок России в покое.

Когда Сол добрался до Москвы, стал очевиден масштаб содеянного. Ну а что началось в самой столице — легко себе представить. Транспорт Сола завис над напичканным машинами городом и в автоматическом режиме сотнями расстреливал автомобили нарушителей. За три часа скопилось более двух тысяч обездвиженных машин. Многомиллионная масса автомобилей превратилась в одну громадную пробку. Движение удалось частично восстановить лишь на следующий день. Рынок, чуткий барометр невзгод, отреагировал мгновенно: стоимость услуг эвакуаторов выросла в десять раз, услуг шиномонтажных сервисов — в пятнадцать; автомобильные покрышки можно было купить только по знакомству с черного хода по договорной цене. Продавцы ветровых стекол вначале тоже собрались было погреть руки на народном бедствии, но стекла никто не собирався менять — не до того было. Тем более что дырки не грозили образованием трещин, располагались в нижней части стекол и не причиняли неудобств.

Руководство страны окончательно запаниковало. Вызвав к себе министра обороны, президент долго и нелюбезно отчитывал его, требуя немедленного уничтожения инопланетных варваров. «Радары ничего не показывают», — пытался оправдаться министр. «Как они могут ничего не показывать, если НЛО висит над нашими головами и ведет себя как слон в посудной лавке?! — яростно возмущался президент, сверкая глазами. — А кто тогда, по-вашему, превратил нашу столицу в автомобильную свалку?»

Выйдя от верховного главнокомандующего и еще не остыв после взбучки, министр уже кричал по телефону на командующего войсками ПВО. «Радары по-прежнему молчат», — метафорически докладывал командующий, рассчитывая сим неоспоримым по своей объективности фактом защититься от гнева начальника. «А мне насрать на твои радары! — легко обходился без объективности министр. — Ты мне найди и сбей эту гадину. Зачем мы тогда стянули к Москве все противоракетные комплексы? Чтобы ты мне тут нес херню про радары?»

После убедительных слов министра к делу дальнейшей ретрансляции указаний президента подключился командующий войсками ПВО. Он приказал соединить его с командующим Московским округом ПВО и, услышав в трубке его верноподданнический командный голос, начал с ходу кричать, что всех снимает с должностей к такой-то матери, если в течение суток небо над столицей не будет очищено от вражеских летательных аппаратов. Командующий округа в ответ начал боязливо ссылаться на пресловутые радары, на что командующий ПВО отвечал в стиле военного министра: «А мне на твои радары...»

И весь этот дикий ор трусливой озабоченности, подкрепленный неоспоримым метафизическим аргументом «А мне на твои радары...», продолжал затем катиться дальше

вниз по властной вертикали, пока окончательно не выдохся в тесных стенах командных пунктов, в которых офицеры несли дежурство. Эти простые парни, на минуту отвлекшиеся от дежурной скуки, про себя посылали начальникам в ответ на их доходчивые пожелания свое искреннее не метафизическое: «А нам на тебя...»

В одном из таких подземных бункеров лейтенант из дежурной смены, сидя за пультом контроля воздушного пространства, спросил своего приятеля-капитана, дремавшего рядом:

— У тебя автомобиль есть?

— А то ты не знаешь про мою старую «девятку».

— У меня и такой нет, ты тоже знаешь. А ты по встрече ездешь? — задал ключевой вопрос лейтенант.

— Дурак, что ли? — удивился капитан и рассмеялся: — Откуда у меня деньги по встрече ездить?

— А с какой стати мы тогда колготимся? — жестко осведомился лейтенант. — Он что, этот перец в небе, что-нибудь взрывает? Нет, обходительный мирный чувак. Так пусть себе и дальше летает, пока вся эта обнаглевшая тусовка правила дорожного движения не выучит, мать их.

— Ты с чего взял, что в нашей смене кто-то колготится? — возмутился капитан. — Я вообще считаю, что чуваки при деле. Людей же не трогают? Не трогают. Хорошим людям жизнь портят? Нет. Так нехай себе и дальше летают.

Во всей властной верхушке лишь главный министр не проникся сложностью момента и даже успокоился и пришел в норму. Он только злорадно ухмылялся, просматривая итоговые сводки гайшников о количестве поврежденных автомобилей и вспоминая исполненную лично для него клаксонную какофонию сограждан.

Тем временем в далекой Америке вездесущее ФБР обложило маленький городок на границе с Канадой, из почтового офиса которого в редакцию «Трибуны» пришло последнее письмо. Но их усилия были тщетны: Сол каждый день следил за эфиром и был в курсе земных событий. Он придумал хитроумный ход: свое следующее письмо он снова опустил в почтовом офисе Черчс Ферри, к которому агенты ФБР потеряли интерес. Когда Фоунтейн передал им конверт, они посмотрели на почтовый штемпель и пришли в ярость, решив, что инопланетяне просто издеваются над ними.

А дальше информация распространялась по прежней схеме: президент США — госсекретарь — министр внешних интересов — президент России — совещание силовиков — срочное информирование граждан посредством телевидения. Как и несколько дней назад, президент спросил министра внешних интересов, доверяет ли он полученной от американцев информации. Но министр, страшно мучаясь, так и не смог выдать из себя ни слова и лишь утвердительно кивнул головой.

Пока в небесах хозяйничал Сол, выполняя намеченную программу, на Земле жизнь шла своим чередом. День похорон Дмитрия Владимировича был согласован и утвержден на самом верху. Все детали церемонии прощания были строго соблюдены согласно протоколу, прощание с лицом такого ранга с отступлениями от правил было недопустимо.

В просторном помещении с колоннами, где проходило прощание, царил полумрак и тихо играла траурная музыка. Гроб стоял на возвышении, обтянутом бордовым бархатом, и утопал в венках и цветах. Вдоль гроба с двух сторон тянулись ряды красных подушек. Лежащие на них ордена и медали покойного тускло поблескивали отраженным светом. Из одной двери помещения в другую в противоположной стене, мимо гроба с четырьмя часовыми по углам, бесконечной, сильно разреженной цепочкой тянулись привезенные на служебных автобусах слушатели и курсанты военных училищ и академий. Они держали фуражки на согнутой в локте руке козырьком вперед и изображали скорбь. Поравнявшись с гробом, кидали серьезные равнодушные взгляды в сторону напудренного лица покойного, чей ярко освещенный профиль рельефно высился над атласной подушкой. Потом, выполнив то, для чего были привезены, исчезали в проеме выходной двери, надевали головные уборы и, окунувшись в повседневную жизнь, забывали покойника навсегда.

В помещении с колоннами, кроме живой цепочки военных, бесшумные, как тени, сновали члены похоронной команды. Их легко было отличить по красно-черным повязкам на левом рукаве. Они отвечали за все: за пополнение очереди из вновь привезенных курсантов и офицеров, за скорость прохождения мимо гроба, за своевременную и правильную смену часовых, за непрерывность траурной музыки и, наконец, за самое главное — за встречу высоких чинов.

Когда прибывал такой чин, руководитель похорон подходил к Ларисе Васильевне, сидящей с сыном у гроба, на ухо коротко и тихо представлял ей очередного начальника и тут же отходил в сторону, чтобы ничем не помешать их общению. Но такого обхождения удостоивались немногие лица — лишь имеющие по своему статусу право на личный контакт с вдовой. После этого к Ларисе Васильевне приближался только что представленный господин в военном или штатском платье, произносил слова соболезнования и затем пожимал вдове руку, если считал для себя это возможным. Иногда среди представляемых оказывались знакомые ей люди. Они после слов сочувствия ненадолго садились рядом с ней, в молчании отбывали положенное время и затем незаметно уходили, освобождая место следующим.

Лариса Васильевна не плакала, но иногда прикладывала платок к глазам. Представляемые ей люди нисколько ее не интересовали. Она не слушала, что они ей говорили, и все время думала только о том, как будет жить дальше в полном одиночестве. Никого, кроме сына, у нее не осталось. Но отношения с сыном не сложились, не наполнились уважением и заботой друг о друге, поэтому рассчитывать на его участие в собственной жизни не приходилось.

Время текло слишком медленно.

Бесконечное мелькание незнакомых людей утомляло Ларису Васильевну. Она тяготилась происходящим вокруг и периодически уходила в специально оборудованную для отдыха комнату. Сын тоже мучился и оживал лишь тогда, когда с интересом разглядывал

представляемых матери людей и пытался понять, кто из них очень важная персона, а кто — не очень важная.

Наконец прощание закончилось.

Затем на кладбище под духовой оркестр прошли собственно похороны, со стрельбой и маршировкой вышколенных солдат.

Когда закончились собственно похороны, в большом роскошном ресторане начались собственно поминки. «Пожалуйста, последи за мной, — попросила Лариса Васильевна сына. — Сегодня я себе, к сожалению, не принадлежу».

На поминках собралось много однокурсников Дмитрия Владимировича по военной академии, в которой он учился курсантом. Сначала они держались официально и внимательно слушали траурные речи государственных мужей первой величины, отдавая должное высокому военному статусу почившего товарища. Но через некоторое время, изрядно выпив, сгруппировались в междусобойчик, отделившись от остальной части гостей. И после этого никто из них уже не вспоминал ни Димкиных, ни своих, у некоторых немалых, должностей и званий, не рассказывал про сегодняшнюю, двинувшуюся на закат, собственную жизнь. А вспоминали они курсантские годы, когда были молоды и счастливы и весь мир был у их ног, когда хотелось всего и сразу, когда в галифе никогда не задерживалось больше мятой трешки, но зато всегда топорщилось желание. И никакой бром, регулярно подливаемый в столовский компот для успокоения не находящих себе достойного применения растущих организмов, не мог справиться с прущей наружу мужской силой.

Лариса Васильевна достойно выдержала этот суетный тоскливый день. На поминках она почти не говорила, лишь внимала чужим речам и исподволь соотносила услышанное с правдой.

После поминок сын отвез ее домой, но побыть с матерью не захотел, уехал по своим делам. Лариса Васильевна не стала его останавливать, она давно уже привыкла к его черствости. Пройдя к себе в спальню, сбросила на пол траурные одежды, надела яркий халат и села перед зеркалом. Затем привела в порядок прическу, припудрила лицо под глазами и вокруг носа, подкрасила губы и потом, разглядывая себя и разглаживая морщины на шее, курила и выпивала рюмку за рюмкой.

Далеко за полночь, будучи совершенно пьяной, она, шатаясь, добралась до кровати, упала на подушки и забылась тяжелым дурным сном.

О том, что со следующего дня на всей территории страны строго-настрого запрещается не только ездить по встречной полосе, но и проезжать на красный сигнал светофора, телевизоры начали информировать россиян вечером накануне дня предполагаемой атаки инопланетян. Одни водители, не нарушающие Правила дорожного движения, радовались, что в стране появился неподкупный и справедливый гаишник с неограниченными полномочиями. Другие же, привыкшие класть на все с прибором, нисколько не верили, что можно охватить контролем такую огромную страну, как их Россия; они традиционным образом посылали инопланетян (как, впрочем, и всех в подлунном мире) к такой-то матери и, как всегда, уповали на авось.

Как раз в это время в одной из компаний сахалинские рыбаки-браконьеры баловались водочкой, закусывая свежей икрой, и в промежутках между короткими тостами типа «Чтоб не сорвалось!» поглядывали в телевизор.

— Слышь, как обложили нас, хуже рыбнадзора, мать их, — сказал один из них, поднимая стакан. — Ну, ничего, мужики, как говорится, держись за авось, по-коле не сорвалось.

— Да не ссы, рыбачок. Скоро собьют их наши доблестные ракетчики, — отозвался другой браконьер, отправляя в рот столовую ложку красного пупырчатого месива. — Еще подавится вражина лососевыми потрохами, коли вздумал Россию-матушку на свой манер уму-разуму учить, — вот увидишь!

На следующий день Сол по заведенному порядку начал поутру с востока, с Южно-Сахалинска. Все у него было готово: система настроена на объекты-нарушители; шаблон системы вооружений «Красный свет» успешно прошел испытания.

Первой остановленной машиной оказалась праворульная «Тойота», под потолок забитая ведрами с красной икрой. Водитель торопился на военный аэродром, чтобы отправить икру последнего нереста транспортным самолетом на большую землю, так что красные светофоры проскакивал ничтоже сумняшеся: на Сахалине стояла августовская жара, а икра жары не любит. Почувствовав вдруг неприятный удушливый запах, водитель начал кашлять и, матерясь, вылез из машины. Пока осматривал ее, стал свидетелем двух хлопков и оседания машины к земле. После этого долго и страшно хрипел в небо вздувшимся от ненависти горлом что-то такое про лососевые потроха и непобедимую матушку Россию.

Активная фаза операции по шаблону «Красный свет» продолжалась три дня. Лишь на третий день под неумолимым давлением обстоятельств угомонились почти все автомобилисты; обойденные вниманием Сола в первый раз, особенно долго упорствовали автолюбители Западной Сибири, но и они смирились с неизбежностью.

Количество поврежденных за эти дни машин и произнесенных в сторону неба проклятий не поддавалось точному подсчету. Движение в крупных городах было полностью парализовано. Эвакуаторы работали бесменно круглые сутки, зарабатывая за день до миллиона рублей. За их услуги на дорогах происходили массовые драки. То же самое творилось и в автомобильных сервисах. Народ простаивал в километровых очередях на станциях шиномонтажа и менял летнюю резину на зимнюю — у кого была. Других вариантов не существовало: не то что летней — зимней резиной не торговал никто по причине ее отсутствия.

После проведенных Солом операций общая ежедневная сумма взяток по стране, оседающая в карманах гаишников, сократилась в тринадцать раз. Гаишники стали возвращаться с дежурства со смешными деньгами, чем сначала озлобили свое начальство, а после огорчили своих жен, детей и подруг. Такой неожиданной пощечины судьбы и перестройки материальной стороны их жизни гаишники вынести не могли. Они в буквальном смысле озверели и начали нещадно штрафовать автомобилистов за парковку на газонах, за выезд на тротуар, за непристегнутый ремень безопасности и за выброшенный в окно окурок.

Президент перестал собирать бессмысленные совещания силовиков, на которых потерял всякую надежду. Он, как всем показалось, немного печальный, выступил по ТВ перед гражданами страны, на этот раз ничего не обещая и лишь призывая россиян не нарушать Правила дорожного движения. «Правила дорожного движения — это тоже закон. А закон одинаков для всех. На дорогах мы все равны», — в заключение с пафосом сказал он, обрадовав одних водителей и огорчив других.

Все эти дни весь мир неотрывно следил за тем, как разворачиваются события в России. Положение складывалось настолько бедственное, что ЕС принял решение выделить восточному соседу гуманитарную помощь в виде трехсот пятидесяти тысяч пар автомобильных покрышек.

Россия покрышки нехотя приняла, как принимают не заказанный, но навязанный сервис, идя навстречу обслуживающей стороне. А чтобы граждане великой страны не чувствовали себя попрошайками, по ТВ толково объяснили, что это нормально — принять покрышки за просто так, без денег, и напомнили телезрителям, что Россия тоже посылает нуждающимся одеяла и палатки.

И вот настал тот долгожданный день, когда в Россию потянулись вагоны, набитые гуманитарной резиной. Лакомый кусок был настолько велик и привлекателен, что очень быстро обнаружилось несметное количество чиновников — от мелких таможенных клерков до губернаторов, министров и депутатов всех мастей, — желающих отщипнуть от него хотя бы малую толику. Испытывая аналогичные чувства и предвкушая легкую добычу, бизнесмены всех калибров тоже развили неслыханную активность, ища короткие и необременительные пути доступа к гуманитарным покрышкам. Спасаться от этого полчища предприимчивых бизнесменов, действующих в тесной смычке с полчищем предприимчивых чиновников, было практически невозможно.

Идея продать гуманитарную помощь казалась столь же чудовищной, сколь и реально осуществимой. Она грозила ослабить Россию на весь мир. Осознавая эту опасность и не имея других способов ее избежать, президент страны вынужден был взять бесплатную раздачу «гуманитарки» под свой личный президентский контроль. Для этого он поручил Министерству внутреннего порядка составить списки пострадавших автомобилистов, что было весьма разумно. В министерстве переложили эту задачу на плечи гаишников. Для записи в списки нуждающихся гаишники потребовали от водителей в качестве доказательства их права на гуманитарную помощь предоставить две покрышки с прожженными дырами установленного образца, что было тоже весьма разумно.

Автолюбители кинулись искать свои ранее выброшенные покрышки — да где там! Небольшое количество продырявленной резины временно задержалось на станциях шиномонтажа, но большая их часть была давно свезена на свалки.

Что тут началось...

Владельцы автосервисов, не будь дураками, за один день распродали все дырявые покрышки за полцены от номинальной стоимости. В это же время на загородных свалках — откуда ни возмись — появились крепкие люди, вооруженные корочками сотрудников Министерства внутреннего порядка и объявившие себя новой администрацией. Чтобы самим не копаться в кучах мусора, новые хозяева привезли на свалки толпы гастарбайтеров — и работа закипела.

Узнав о новости по ТВ, пострадавшие водители дружно ринулись за город. Остальные массово рванули туда же — было глупо упустить такой шанс. На свалках покрышки уходили за треть цены от номинала. Километровые очереди рассосались за несколько дней благодаря четко организованной работе всех звеньев, но резины хватило не всем. Кое-кто прямо на свалках пытался наладить изготовление фальшивых покрышек, но эта затея провалилась:

никому так и не удалось сделать дыры с правильно оплавленными краями, согласно установленным образцам. Фальшивки легко распознавались поднаторевшими в этом деле гражданами: им достаточно было сунуть в прожженную дыру палец, чтобы по тактильным ощущениям отличить подделку от оригинала.

Затем началась многоступенчатая перепродажа дырявых по-крышек гражданами, которым гуманитарная помощь была не нужна — например, в связи с отсутствием в личном пользовании автомобиля. Каждый следующий продавец набрасывал сверху свой интерес, пока цена не упиралась в потолок, стихийно установившийся на рынке дырявой резины. Как только ажиотаж с куплей-продажей закончился, к конторам гаишников выстроились сумасшедшие очереди, и наступил их гаишный звездный час.

Говоря о «звездном часе», стоит напомнить читателям, что в результате стараний Сола доходы гаишников упали катастрофически. Такое положение вещей не могло продолжаться долго. Находчивые головы людей с полосатыми жезлами, страшно озабоченные в связи с потерей прибыли, быстро придумали простую схему компенсации убытков: они записывали паспортные данные потерпевших, принимали дырявые покрывки, складывали их в специально отведенных охраняемых местах и затем еще раз пускали в оборот через подставных лиц всего за четверть цены.

Такого масштабного, поставленного на поток делания денег из ничего еще не знала отечественная история!

Неизвестно, сколь долго продолжался бы этот круговорот дырявых покрывок, если бы в какой-то момент томительных ожиданий у президента страны не лопнуло терпение. Он приказал министру внутреннего порядка доложить о готовности списков пострадавших и о количестве оных. Министр тотчас прибыл и со слов главного гаишника бодро доложил, что списки готовы, но продолжают активно пополняться и что количество пострадавших перевалило за миллион двести тысяч. Непонятная радость министра вывела интеллигентного президента из себя. Перейдя на нецензурную брань, он спросил министра конкретно и по-русски:

— Зачем ты составил этот список на миллион, если европейцы прислали нам всего триста пятьдесят тысяч пар покрывок? Долго ли ты думал, прежде чем сообщить мне эту фигню?

Тут до министра дошло, что с цифрами он натурально оплошал. Министр здорово струхнул и решил, что нынче же сотрет главного гаишника в порошок. Но, несмотря на охватившую его панику, быстро нашелся с ответом.

— А если Европейский союз пришлет нам еще покрывок? Ведь такое же наверняка произойдет. А у нас уже списки готовы! Это хороший задел на будущее, господин президент.

— Гаишники докладывали мне ранее по горячим следам, что потерпевших шестьсот тысяч. Откуда взялся миллион с лишним? — продолжал материться президент.

— Но это, как вы сказали, господин президент, «по горячим следам». На поверку же оказалось гораздо больше, — выкрутился министр, а про себя раскусил хитрый маневр главного гаишника и оценил его находчивость: «Ай да шельма! Ай да молодец! Еще дальше пошел — по второму кругу».

— Немедленно кончай эту переписку! Никого более не записывай, понял меня? Раздавай покрывки строго по списку, — приказал рассерженный президент. — Это политический момент, должен понимать. Надо успокоить общественное мнение, и чем скорее — тем лучше.

Тут до министра дошло, что у него могут быть грандиозные проблемы с этой бесплатной раздачей и что надо заранее обезопасить себя.

— Что сказать остальным гражданам, которым не достанется покрывал? — мягко поинтересовался министр, намереваясь заранее снять с себя ответственность за гнев обманутых и жадных до дармовщины соотечественников.

— А что тут непонятного? Так и скажи, что европейцы прислали слишком мало гуманитарной помощи, — резонно заметил президент. — Или ты думаешь иначе?

— Нет, что вы, так и думаю... Тогда, может быть, господин президент, раз такое дело, в официальной прессе опубликовать окончательное количество пострадавших от НЛО — миллион двести тысяч? А лучше два миллиона, — втайне рассчитывая на удачу, осторожно предложил хорошо ориентирующийся в быстро меняющейся обстановке министр. — Пусть европейцы увидят, что их жалкие подачки — лишь капля в море. А наш народ в связи с таким очевидным крохоборством проникнется к ним еще большей справедливой неприязнью и в результате еще теснее сплотится вокруг вас и возглавляемой вами нашей народной партии.

Президент радостно восторжен, уловив в предложении министра рациональное зерно.

— Иногда вас посещают здравые мысли, — довольно улыбнулся он, возвратившись к вежливой форме общения и отпуская счастливого министра восвояси.

Вернувшись в свои апартаменты, министр вызвал главного гаишника страны, решив, что в порошок растереть его пока не будет, оставит до следующей, более важной итоговой встречи. Через некоторое время раздался звонок секретаря:

— Господин министр, к вам главный гаишник.

— Пусть войдет, — разрешил министр.

Тишину безразмерного кабинета нарушили три вкрадчивых, выверенных по стилю стука в дверь. Затем, после паузы оптимальной длительности, дверь приоткрылась, и в проеме показался холеный господин с выражением скорби на лице.

— Разрешите, господин министр? — спросил холеный господин.

Министр жестом разрешил ему войти.

— Ты что же, сукин сын, затеял бизнес за моей спиной, руководству не доложил, — ласково начал он, разглядывая гаишника на дальних подступах к своему столу с зелеными суконными полями и не предлагая ему присесть. — От радужных перспектив крыша поехала?

Моментально ухватив смысл и тональность сказанного, гаишник не рискнул идти дальше, остановился там, где застал его вопрос начальника, побледнел и плотнее прижал к аккуратному брюшку тощую крокодиловую папку.

— Что молчишь? Может быть, не понимаешь, о чем я? — зловеще и не повышая голоса, спросил министр.

— Понимаю, господин министр, — с трудом выдавил из себя бледный гаишник. — Дело пока еще не сделано до конца, господин министр. Не хотелось вас зря беспокоить. Цыплят, как говорится, по осени считают. А чтоб не доложить — этого и в мыслях не было, господин министр.

— Почему отдаешь? — перебил министр лепет гаишника.

— За четверть! — по-военному кратко отрапортовал гаишник сущую правду, потому как лгать было бессмысленно.

«На свалках мы раздали за треть, грамотно работает, не жадничает», — подумал министр и спросил:

— Сколько всего реальных?

Гаишник и на этот раз побоялся солгать и честно ответил:

— Шестьсот тысяч, господин министр.

Министр открыл ежедневник и сделал запись: «2 млн. — 0,6 млн. = 1,4 млн.». Довольно ухмыльнулся. Затем оглядел склоненную в поклоне фигуру главного гаишника.

— Начиная раздавать гуманитарку строго по очереди, — суровым голосом приказал он, внимательно следя за реакцией подчиненного. — Раздавай как положено, но не торопись, — подчеркнул министр. — А списки тем временем добей до двух миллионов и кончай на этом. Маневр понятен?

Гаишник кивнул в ответ, но министр усомнился в том, что подчиненный до конца его понял; момент был тонкий, и он решил еще раз заострить на нем внимание.

— Списки должны быть сверстаны раньше, чем кончится гуманитарка. Уяснил смысл? И никак иначе. Иначе спугнешь народ.

— Я все понял, господин министр, — уверил министра гаишник.

— И не больше двух миллионов, а то лопнешь. Или я тебя сам лопну.

Гаишник закивал податливой головой и перебросил крокодиловую папку из одной руки в другую, подготавливаясь к очень опасному вопросу.

— Извините, господин министр, а когда кончатся покрывки, — процедил он и замер в ожидании.

— Общественным мнением заинтересовался? А не поздно? — недобро усмехнулся министр. — Что же ты не подумал об этом, когда начинал? Теперь испугался, что народ тебя на дыбу поднимет?

Гаишник не шелохнулся. На лбу у него выступила испарина: он не представлял себе, что такое дыба, но догадывался, что это что-то совсем нехорошее.

— Европейцы должны еще прислать, раз у нас будет два миллиона пострадавших водителей, — пояснил министр. — На сегодня этой информации тебе достаточно.

— Это уже точно известно, господин министр? — с преждевременным облегчением уточнил гаишник.

— Ты что, совсем дурак? Мне тебя учить? — рассердился министр.

Он оглядел гаишника и решил, что придется учить, иначе наломает дров.

Министр был хитер и способен на весьма тонкие комбинации. В общении с подчиненными он порой позволял себе высказываться замысловато и в такие минуты наслаждался растерянностью собеседника. Вот и сейчас он не смог отказать себе в этом удовольствии.

— Слушай меня внимательно и напряги мозги для усвоения абстрактного, — начал он. — Берешь волнуемую народ проблемную неопределенность и умозрительно соединяешь ее с надеждой этого народа на положительное разрешение этой самой неопределенности. Получается прочная конструкция из двух взаимосвязанных элементов: неопределенность порождает надежду и далее надежда постоянно подпитывается неопределенностью.

Министр смочил горло минералкой и продолжил:

— Изюминка данной конструкции заключается в том, что народ страшится неблагоприятного разрешения неопределенности и, как следствие, потери надежды и поэтому готов долгое время оставаться в неведении относительно этой самой

неопределенности. Диалектика! Единство и борьба противоположностей, так сказать... И психология... Такая конструкция позволяет удерживать проблему в спокойном состоянии сколь угодно долго при минимальных затратах. Главное, чтобы совокупная масса надежды народа не сокращалась. Для этого надо периодически обновлять восприятие неопределенности носителем надежды, то есть народом. Каким образом? Ответ не лежит на поверхности, но есть. А именно: путем дополнения ранее объявленных причин образования неопределенности вновь открывшимися причинами и демонстрации тем самым как бы положительной динамики, обещающей в будущем благоприятный исход.

Министр взглянул на растерянную физиономию гаишника, понял, что переборщил, и решил, что надо закругляться.

— Для усвоения сказанного самый общий тебе, классический пример упомянутой конструкции — предполагаемое улучшение жизни народа. Идеальный симбиоз проблемной неопределенности и надежды на ее положительное разрешение. Несмотря на бесконечную пролонгацию неопределенности, градус надежды народа удается поддерживать на высоком уровне путем постоянного и массированного информирования этого народа о все новых и новых обстоятельствах — причинах неопределенности. То есть — разжевываю специально для тебя — виновниках херовой жизни. Это как раз то, о чем я тебе говорил. Понял что-нибудь?

— Понял, понял, господин министр, все понял, — затараторил обескураженный гаишник.

Но министр прекрасно знал, что гаишник не понял ничего.

— Короче говоря, забудь все, что я тебе только что рассказал. Самая подходящая в твоих обстоятельствах фраза — «европейцы обещали». Запомнил? Европейцы — обещали! Этого достаточно. Тут тебе и неопределенность, и надежда. И будущий надежный громоотвод, между прочим. Средство, так сказать, от дыбы. В общем, доброкачественный двухкомпонентный шампунь для промывки мозгов. Его возьмешь за основу. И никаких точных сроков, ни в коем случае!

Убедившись по выражению лица гаишника, что до него дошли его последние слова, министр достал из стола калькулятор: предстояла ответственная работа. Сосредоточившись, он набрал число десять тысяч. Подумал немного и уменьшил стоимость крышки до восьми. Затем, имея в виду, что дырявые крышки уходят за четверть, но по две штуки, разделил стоимость на четыре и умножил на два. «Это с одного водила, а их у нас — как грязи», — улыбнулся он и с удовольствием умножил получившееся число на миллион четыреста тысяч. Снова задумался ненадолго, глядя на замершего в ожидании гаишника, и поделил число на два, решив, что поровну — значит по-честному. Но спокойно полюбоваться отменным результатом ему не довелось, поскольку он с раздражением вспомнил о вышестоящих товарищах: их иждивенчество всегда выводило министра из себя. Без колебаний умножил результат на полтора, потому что не имел привычки что-либо делать себе в ущерб. Покончив с расчетами, взял калькулятор за угол и ловко метнул его вскользь по длинному столу для заседаний. Калькулятор полетел, закрутился волчком по полированной поверхности, задел хрустальную подставку под графин, отскочил наискосок и замер у дальнего края стола.

— Ознакомься! — приказал министр глухим могильным голосом.

Главный гаишник с трудом стронулся с места и двинулся за приговором. На ватных ногах добрался до калькулятора на конце стола, боязливо взглянул на число с длинным

хвостом нулей и остолбенел от невиданной доселе жадности министра.

Министр довольно улыбался, глядя на полуживого гаишника.

Придя в себя и осознав, что его нагло обокрали, гаишник с мольбой и печалью в глазах посмотрел на министра.

— Господин министр... — начал он и по-настоящему закашлялся — без актерства. — Понимаете... я же не один... у меня люди... много людей...

— И что? — угрожающе спросил министр и забарабанил нетерпеливыми пальцами по зеленому сукну.

— Господин министр...

Гаишник в муках подыскивал хоть какой-нибудь аргумент, который мог бы спасти положение, и не находил его.

— Извините, господин министр, вы же знаете, у нас наступили не лучшие времена.

Но министр не испытывал ни малейшего желания выслушивать сетования гаишника на что бы то ни было — тем более на условия его работы.

— Но ты к ним, к этим не лучшим временам, неплохо приспособился, не так ли?! — рывкнул он так, что гаишник дернулся всем своим подобострастным телом и часто заморгал. — Что там светится на экране — запомнил?

Гаишник кивнул в ответ.

— Тогда нажми на красную кнопку, — приказал министр.

Гаишник боязливо протянул руку и сбросил четыре миллиарда двести миллионов в ноль.

— Свободен!

Гаишник был уже в дверях, когда министр решил послать ему вдогонку нелишнее напоминание.

— И не вздумай баловаться с арифметикой — уничтожу! Будешь никем и ни с чем.

Главный гаишник повернулся к министру постным лицом, закивал, попятился и исчез, плавно закрыв за собой массивную дверь.

Пошел мелкий дождь. Сразу похолодало. Галинке стало зябко под серым морозящим небом. Зонта у нее не было, косынка ее начала намочить. Но она не уходила. Неотрывно смотрела на фотографию, теребила кольцо на пальце, иногда вытирала слезы.

По лицу Дмитрия Владимировича побежали водяные полосы. Галинка продолжала стоять. Два ее цветка намочили и прилипли к глине.

Неожиданно кто-то тронул ее за рукав. Она обернулась и вздрогнула от испуга: перед ней в плаще и в черном платке стояла Лариса Васильевна.

— Ты что здесь делаешь?! — изумилась Лариса Васильевна.

— Я... — Галинка растерялась. — Я приехала вот... в день рождения.

— Ты же у меня отпросилась в магазины, надо же, — продолжала удивляться Лариса Васильевна, не зная, как реагировать на эту встречу.

Она недовольно хмыкнула, выразительно пожала плечами и прошла к деревянному кресту с фотографией. Спросила, не оборачиваясь: «Твои цветы?» Затем положила на могильный холмик розы, вернулась к Галинке, убрала сбившиеся на лоб волосы под платок и перекрестилась.

Продолжая теребить кольцо, Галинка смотрела себе под ноги, как провинившийся ребенок, и с ужасом думала о том, что же теперь будет. Лариса Васильевна почувствовала, как жар подступил у нее к груди. Она смотрела на фотографию мужа, размышляла над тем, что ей только что открылось, и гадала: опустился ли Димка до такой степени или нет? Ей было неприятно думать об этом, не хотелось верить, что это так.

Она поежилась и подняла воротник плаща.

Неожиданно нахлынули воспоминания: похороны, шагающие под оркестровый марш солдаты, серьезные речи незнакомых людей... После вспомнила Димкину смерть, отчаяние в тот день и безысходность. Затем вспомнила Мерседес, свое фирменное «козел козельский», Димкину любовь к передничкам. Потом еще что-то из далекого прошлого, совсем уже, кажется, позабытого.

В какой-то точке этих воспоминаний будто не о своем, а о чьем-то чужом прошлом ей вдруг стало безразлично, что там у Димки было в жизни. Появившееся поначалу чувство ревности, только что с силой завладевшее ею, необъяснимым образом улетучилось, и ей захотелось выпить — всего лишь. Она обрадовалась этому легкому выходу из душевного дискомфорта и решила, что для переживаний нет причины. А по какому поводу переживать? То, что муж никогда не любил ее и всю жизнь стеснялся ее деревенских корней, при том что сам был без роду и без племени, не было для нее открытием. А что же тогда открытие? Что он лазил под юбки, когда выпадал случай? Каким же это на самом деле может быть открытием.

«Под юбки — не открытие, открытие, что под юбки прислуги, — подумала она, вспомнила Мерседес и сама же себя поправила: — И это тоже не открытие».

Она посмотрела на домработницу, Галинка крутила кольцо на пальце. Лариса Васильевна заглянула ей в заплаканное лицо, закивала и спросила с улыбкой, но без умысла обидеть или оскорбить, просто нашла себе пустячную забаву:

— Ты что же, овдовела, я гляжу? Его кольцо?

— Дмитрий Владимирович на день рождения подарил, — чуть слышно ответила

Галинка, мечтая провалиться сквозь землю. — На сорок пять лет.

— На сорок пять! — со значением произнесла Лариса Васильевна. — А ведь действительно получается, что всю жизнь старых баб любил.

— Простите меня, пожалуйста, Христа ради, — Галинка тихо заплакала.

— Хватит душу скоблить. Ты же ему не специально подставилась?

Галинка кивнула и вновь заплакала.

— И часто к нему ездешь?

— На сороковой день вместе с вами были-то, — испугалась Галинка и начала оправдываться: — Сегодня вот собралась-то первый раз...

Косынка у Галинки вся намочла и облепила ей голову. Глядя на домработницу, Лариса Васильевна распорядилась:

— Повидались, и будет. Здесь недалеко ресторан есть. Пойдем, помянем.

В ресторане Галинка совсем растерялась и не знала, куда девать глаза.

Подошел официант. Лариса Васильевна сделала заказ. Через несколько минут официант вернулся с закусками и графином водки и наполнил рюмки.

— Ну, помянем нашего с тобой, — Лариса Васильевна ухмыльнулась одними губами, — Дмитрия Владимировича. Пусть земля ему будет пухом.

Они выпили. Галинка уставилась в скатерть, боясь поднять глаза. Лариса Васильевна закурила, наполнила рюмки, снова выпила, закусила грибами и посмотрела на домработницу.

— Что сидишь — вся скукожилась? Выпей, пусть ему там будет не хуже, чем здесь.

«Что он в ней нашел? — думала она, разглядывая хорошо сохранившееся, почти без морщин, лицо домработницы. — Буфетчица — та хоть красивая была. Кобель, да еще неразборчивый. Кому из наших рассказать — обхохочется ведь. Может, выгнать эту деревенскую дуру к чертовой матери на улицу... бомжам на утеху».

Галинка молчала и до еды не дотрагивалась. Глядя на нее, Лариса Васильевна решила, что держать рядом с собой безобидную работающую дурочку выгоднее и безопаснее, чем кого-либо другого.

— Не сиди без дела, закусывай, — грубо сказала она. — Не выгоню я тебя, не бойся. Ты у меня одна осталась.

— А шофер что же ваш? — осторожно спросила Галинка.

— Шофер твой леденец вчера получил и дал стрекача. Так что джип мне теперь не нужен. Продам эту махину и куплю что-нибудь поменьше. С водителем в придачу, — засмеялась Лариса Васильевна. — Нам же с тобой мужик нужен или нет?

Она еще выпила, и ей стало хорошо. Наклонилась над столом, поманила Галинку к себе и заговорщически спросила:

— А ты его любила? Только честно, не ври. Да не бойся ты, что уж теперь.

Галинка покраснела. Казалось, что кровь вот-вот начнет сочиться у нее через кожу на щеках. После кровь неожиданно ушла, Галинка побледнела, и слезы потекли у нее из глаз.

— Не мучайте меня, пожалуйста.

— Это чем же я тебя мучаю-то? Надо же, я ее мучаю, — рассмеялась Лариса Васильевна и добавила добродушно: — Ладно, не реви. Мне про тебя и так все ясно. Выпьем, — она наполнила рюмки и свалила на пустую Галкину тарелку закуску с разных блюд. — Предлагаю за будущее житье, чтоб нас не трогал никто.

— А кто вас может тронуть-то? — наморщив лоб, испугалась Галинка.

— Меня теперь любой может тронуть. Оставил меня муженек без защиты. Сын до сорокового дня без отца не дотянул, выгнали из банка.

— Что же теперь с ним будет?

— На курортах будет кутить, пока деньги не кончатся, — развязно ответила Лариса Васильевна, вздохнула и снова наполнила рюмки. — Теперь за здоровье.

Она выпила и почувствовала себя пьяной и уставшей. Ей захотелось поговорить, и в этом пропахшем пищей ресторане а-ля рюс с пошлым лубочным интерьером сидящая напротив дурочка оказалась как нельзя кстати.

— Скажи, вот что ты думаешь про нас? — вдруг спросила она заплетающимся языком. — Ну, про богатых. Ты, наверное, думаешь, что мы в бриллиантах купаемся?

Галинка преданно смотрела в пьяное лицо хозяйки и внимательно слушала.

— Вот если как на духу. Мы себе могли позволить все, что хочешь, из песни не выкинешь, как говорится. Но я тебе про другое хочу, понимаешь? Там, на самом верху, — Лариса Васильевна указала пальцем вверх, — там нормальных людей нет, поверь мне, правду говорю. Там одни говнюки. Веришь мне?

— Конечно, верю, Лариса Васильевна.

Подошел официант.

— Нам что-нибудь из горячего. Что посоветуете?

— Баранье жаркое с имбирем, изумительное, — предложил официант.

— Хорошо, принеси. И водочки, — Лариса Васильевна уставилась на Галинку осоловевшими глазами, вспомнила, о чем говорила, и продолжила: — Там только интриги, кто кого. Я знаю, что говорю. Жестоко так — и представить себе не можешь. Все остальное — пустое, улыбочки все эти. Главное, занять хлебное место. Догадываешься, о чем я? И никого потом к нему не подпускать. И все время присматривать другое повыше, еще более хлебное.

Она налила себе водки, выпила и закурила.

— Димка в этом смысле был мастак, ничего не могу сказать. Он чуял, куда ветер дует, как дворовый пес. Всегда знал, от кого можно палкой по ребрам получить, а от кого — сахарную косточку.

Лариса Васильевна размахивала перед носом Галинки сигаретой и роняла пепел в тарелки.

— Как в академию Генштаба попал — так все и началось. По выпуску развязался со своими ракетчиками, и потащило его наверх. Мы только успевали компании менять, все выше, выше. Как мы жили, словами не передать. В каких кругах я побывать успела, — Лариса Васильевна закатила глаза. — И танцевала. Слышишь? Всегда танцевала, лучше всех. И Димка был щеголь хоть куда. Еще совсем молодой был. За бедра брал так, что все внутри ходуном ходило. Любила я его тогда, а он гулял направо и налево.

Она загасила сигарету, прижала платок к глазам и тихо заплакала. Галинке было ее так жалко, что она готова была сама расплакаться навзрыд.

Немного успокоившись, Лариса Васильевна громко высморкалась и выпила водки.

— А без Димки я никому не нужна, — обреченно сказала она. — После его смерти все разом куда-то подевались. Ты сама разве не видишь? Мелочь-то всякая — это само собой, я без претензий. Повариха уволилась, охранник — тот просто исчез... Водитель Димкин, скотина такая, на сорок дней последний раз подвёз со своей мигалкой, а потом его и след простыл, даже не попрощался, свинья неблагодарная. Сколько Димка для него сделал.

Она снова выпила и опьянела окончательно.

— А где мои подружки? Ты видишь, много мне сейчас звонят? Сучки эти бриллиантовые. Только ты у меня одна и осталась, дурочка моя.

— Сын у вас есть, — тихо напоямила Галинка, стараясь утешить хозяйку.

— Сын? — переспросила Лариса Васильевна и вскинула голову, словно очнувшись. — А знаешь, что мне сынок по телефону сказал? На второй день после смерти, я еще там была. Ты, говорит, не будешь возражать, если я виллу себе заберу — вот так... А на днях звонит — давай, говорит, коттедж продадим, он тебе уже ни к чему. Только деньги интересуют и девки. Блядун он у меня, весь в отца.

И Лариса Васильевна снова заплакала.

Официант вызвал такси, помог посадить ее в машину. В машине она вспомнила инопланетян, о которых только и было разговоров, и всю дорогу несла пьяный бред на эту тему.

— Галка, про инопланетян слыхала? Давай к ним попросимся на ихнюю планету. Пострижемся налысо, как у них там. В кино же видела, все лысые со здоровенными глазами.

Галинка молчала и думала, что надо будет по приезде домой сделать Ларисе Васильевне ванну с целебными травами.

— Как же мне все здесь надоело, до тошноты, — не унималась Лариса Васильевна.

— У них там своя жизнь. Зачем мы им нужны? — старался поддержать разговор вежливый водитель.

— А мне моя жизнь осточертела, понятно тебе? Я другой жизни хочу.

Прошло два месяца с тех пор, как Сол прилетел на Землю. Результаты проделанной им работы были впечатляющими: пробки на улицах городов сократились в два раза; число гибнущих в автокатастрофах людей — в шестнадцать раз; гаишники, несмотря на иезуитскую изобретательность, не смогли и близко приблизиться к прежним суммам взяток. Но гораздо больше, чем гаишники, инопланетян возненавидели члены ближайшего окружения хозяев машин с мигалками — жены, любовницы, дети и престарелые мамыши; семейные отношения между этими пассажирами и хозяевами мигалок были испорчены, а в некоторых наиболее тяжелых случаях дали трещину.

Была середина октября. Сол, как обычно, контролировал дороги России и иногда напоминал о своем существовании забывчивым автомобилистам. Когда он появился над Москвой, ничто не грозило нарушить атмосферу спокойного осеннего вечера. Он уже свободно разбирался в карте города и легко переводил внимание системы слежения с проспекта на проспект, с одного района на другой.

Неожиданно погода резко изменилась: с запада налетел ветер, небо в пять минут заволочило грозowymi тучами, грянул гром и начался страшный ливень. Из-за этого ливня транспорт Сола потерял прозрачность, и на радиолокаторах командных пунктов ПВО появилась светящаяся точка неопознанного объекта.

Когда командующему ПВО доложили о появлении в небе над столицей НЛО, тот потер руки и распорядился немедленно уничтожить объект. Наверх решил пока не докладывать, рассчитывая сначала дождаться положительного результата, в котором не сомневался, а затем предстать перед министром обороны (а может, и выше!) героем, избавившим страну от агрессора. Далее заработал отлаженный механизм уничтожения воздушных целей, и со стартовых позиций по транспорту были выпущены три ракеты.

От столкновения с первыми двумя транспорт благополучно уклонился. Третья ракета ушла со старта чуть позже и оказалась на подлете, когда транспорт завершал свой маневр. Система оповещения сообщила о приближении недружественного объекта, но переключиться на выполнение нового маневра многотонный транспорт смог лишь с задержкой в доли секунды. Прямого столкновения удалось избежать, но ракета выполнила подрыв боевого снаряжения. Поражающие элементы достигли транспорта, когда он на огромной скорости уходил от эпицентра взрыва, это существенно уменьшило их воздействие. Тем не менее транспорт дернулся, будто кто-то извне толкнул его в корпус.

Надо было немедленно покинуть зону видимости. «Ветер налетел с запада, — вспомнил Сол, — а я прилетел с востока, и там не было дождя. На восток!» Он запустил маршевые двигатели, и транспорт на максимальной скорости понесся прочь из опасной зоны. С командных пунктов наверх полетели доклады, что объект с космической скоростью уходит на восток и поразить его не удастся. Командующий пришел в ярость и приказал: «Вдогонку всеми ракетами!» Поскольку цель исчезла с экранов радиолокаторов, ракеты были выпущены именно «вдогонку», безадресно и бессмысленно. Пролетев десятки километров, они попадали на землю, став частью местного пейзажа.

В это время капитан — владелец «Жигулей» девятой модели — мирным взглядом проводил светящуюся точку на экране локатора и заметил лейтенанту:

— Вот видишь, чувак благополучно ушел. Между прочим, благодаря этому мы

экономили кучу ракет для защиты нашей родины от настоящего будущего врага, а не от мнимого сегодняшнего.

— Ну ты загнул, как на политзанятиях. Как думаешь, за экономию ракет в приказе отметят? — спросил лейтенант, хлопнул капитана по плечу, и они разразились дружным хохотом.

Командующий вынужден был доложить министру обороны о неудаче и выслушать в ответ неллицеприятные эпитеты личного свойства. Новость мгновенно долетела до самого верха. Президент был крайне недоволен и приказал привести войска ПВО к повышенной боевую готовность, а в Восточном военном округе поднять в воздух всю имеющуюся в наличии истребительную авиацию.

Узнав о том, что НЛО обнаружен, главный министр пришел в болезненное возбуждение. Он немедленно прибыл к президенту и вызвался лично руководить поиском и уничтожением беглеца.

— Не пойму, зачем тебе это? — по-дружески спросил президент.

— Понимаешь, — доверительно пояснил министр, — он же мне, сука, одному из первых покрывки прожег, падла.

Этот аргумент показался президенту убедительным, и он дал добро.

После встречи с президентом главный министр позвонил командующему Восточного округа и потребовал держать с ним постоянную связь и докладывать о малейшем изменении обстановки.

Сол был далеко от Москвы, когда система контроля реактора начала подавать тревожные сигналы. Он посмотрел на информационное табло: заборный бак воды был пуст, мощность падала. Складывалась критическая ситуация: топливо для реактора не вырабатывалось, а без работающего реактора ни одна из систем транспорта не могла функционировать. В таком состоянии транспорт превращался в бесполезную грудку металла.

Сол связался с базовым кораблем.

— Вижу, мощность падает. Что случилось? — спросил Рон.

— Меня атаквали земляне. Заборный бак воды пуст, вероятно пробит.

Спина Лоа как-то неестественно выпрямилась.

— В настоящий момент земляне тебе угрожают? — спросил Рон.

Лоа подняла голову, руки ее сжали край пульта.

— Нет, я ушел из опасной зоны. Ищу место для приземления.

— Значит ты в безопасности, — подчеркнул Рон, наблюдая за Лоа. — У нас расклад такой: кроме тебя, ведем еще один транспорт. Как только с ним закончим, я объявлю в секторе запрет на перемещения, и мы вылетим к тебе. Перед вылетом свяжусь с тобой.

Сол выключил связь и продолжил поиск подходящей стоянки. В это время пошел сильный дождь, и транспорт появился на радиолокаторах Восточного военного округа. Но сбить объект, летящий по-прежнему на высокой скорости, оказалось нечем. Какое-то время военные наблюдали за ним, пока не зафиксировали его приземление, о чем командующий доложил главному министру.

— Куда он сел? — спросил главный министр.

— Пока могу сказать только с точностью до нескольких десятков квадратных километров, — отрапортовал командующий.

— Каких десятков? Каких километров? Найди его, уничтожь и доложи! — распорядился министр, ничего не желая слушать.

Когда Сол нашел подходящее озеро и сел на его поверхность, был уже поздний вечер, дождь закончился. Сол перевел системы жизнеобеспечения в аварийный режим работы и лег спать с надеждой, что транспорт удастся восстановить.

Тем временем военные путем нехитрых расчетов установили, что НЛО приземлился на Таежное озеро. Командующий позвонил главному министру:

— Докладываю вам, что объект обнаружен. Он приземлился на Таежное озеро.

— Отлично! Как уничтожишь — доложи.

— В сложившихся условиях объект уничтожить невозможно, господин главный министр. Невозможно со стопроцентной вероятностью, — поспешил уточнить командующий.

— Что значит невозможно?! — вскипел министр.

— Самолеты обследовали озеро, но его не обнаружили. Опыт сегодняшнего преследования показал, что объект то видим, то нет. Непонятно, от чего это зависит. Можно бомбить наобум, но площадь озера слишком велика. Бомбометание будет неэффективным.

— Ты мне лекции вздумал читать?! — разбушевался министр. — Не можешь с воздуха, так уничтожь чем-нибудь другим. Есть у тебя что-нибудь другое?

— Самый надежный вариант, господин главный министр, чтобы с полной уверенностью — накрыть всю площадь озера реактивными системами залпового огня.

— Так накрой, генерал! В чем проблема?

— Ближайший дивизион таких систем расквартирован в ста километрах от озера, — пояснил командующий. — Восемьдесят по трассе, далее — по тайге, по просекам вдоль ЛЭП. Мы сможем добраться до озера в лучшем случае под утро.

— Какое утро? Ты белены объелся, генерал?! — совсем вышел из себя министр и начал кричать: — Если ты мне его упустишь, я с тебя погони лично сорву. Обещаю — лично! Ты думаешь, я ничего не знаю про твои трехэтажные охотничьи домики, которые ты по всей Сибири понастроил за казенный счет? Ты думаешь, я не знаю, как ты там развлекаешься? Царьком сибирским себя возомнил?!

Командующий от страха начал заикаться:

— Г... господин главный министр! Л... лично б... буду руководить операцией. С... сделаем все, ч... что в наших силах...

— Докладывай, как будут идти дела! — сорвался на противный фальцет министр и со злостью впечатал трубку правительственной связи в телефонный аппарат. Передохнув после крика, улыбнулся черной суке: — А командующий-то обосрался.

— Сука! — от души выругался командующий, приходя в себя и вытирая пот со лба. — Охотничьи домики... Чья бы корова мычала, твою мать.

Главный министр ласково потрепал по чуткой морде лежащую на ковре собаку.

— Я тебя напугал, да? Кричал громко? Ну, извини, дорогуша, извини. Если по совести — кругом одни суки, без угроз ничего невозможно добиться. Понимаешь меня? Пока на личный интерес каблуком не наступишь да не разотрешь как следует для большей понятливости — с места ничего не сдвинется.

Он с нежностью заглянул в сучьи преданные глаза, приподнял с кресла компактное натренированное тело и ловко соскользнул на ковер. Потом обнял собаку за шею и с неподдельной любовью поцеловал ее в мокрый дерматиновый нос.

Через полтора часа поднятый по тревоге дивизион ракетных систем под командованием капитана покинул расположение артиллерийской части и взял курс к Таежному озеру. По

личному приказу командующего дивизиону были приданы все грузовые машины части: они везли весь наличный боезапас ракет. Из-за большого количества техники колонна растянулась на километр. Через два с половиной часа пути она съехала с трассы и углубилась в тайгу. Кроме движения в кромешной тьме, слегка разбавленной лунным светом, колонну ждала и другая неприятность: просеки давно не расчищали, они сильно заросли и движение то и дело стопорилось. Иногда приходилось прокладывать путь с помощью динамита. Командующий постоянно был на связи, материл капитана почему зря и требовал невозможного. Всем было ясно, что колонна выйдет к озеру на рассвете — не раньше.

Посреди ночи Сола разбудил зуммер дальней связи. Это был Рон.

— Вылетаем, будем примерно через четыре часа. Земляне беспокоят?

— Нет, они меня, видимо, потеряли.

— До встречи.

Сол выключил связь и через минуту снова забылся сном.

Он проснулся ранним утром от непонятного шума и первым делом направился к обзорному монитору. Озеро покрывал густой молочный туман. Как он ни всматривался в экран, ничего, кроме верхушек елей и светлеющего над ними неба, различить ему не удалось. Шум был отчетливым и доносился с западной стороны озера. Казалось, что на берегу работает большое количество каких-то механизмов. Периодически с той же стороны доносились резкие хлопки взрывов. Система прослушивания с направленным микрофоном ситуацию не прояснила: расстояние было слишком велико, и с переводом речи землян на фоне постоянного шума транслятор не справлялся. Сол связался с Роном.

— Вы далеко?

— Минут через двадцать будем на месте. Есть проблемы?

— Пока нет. На берегу озера что-то происходит. Понять не могу, мешает сильный туман. Расстояние большое, система прослушивания не помогает.

— Может быть, имеет смысл подняться и посмотреть?

— Не получится, окончательно сел реактор. Его хватит минут на десять. Кроме того, при взлете я могу привлечь к себе внимание.

— Тогда ничего не предпринимай, не стоит себя обнаруживать, — согласился Рон.

В это время капитан руководил размещением дивизиона на берегу озера. Военным мешал лес. Приходилось подрывать могучие ели тротильовыми шашками. Наконец площадки были расчищены, и реактивные системы заняли позиции для стрельбы. Капитан развернул карту и стал делить площадь озера на секторы предполагаемого обстрела. Его постоянно отвлекал командующий округа, подгоняя отборной матерщиной. Капитан был вынужден разрываться между рацией, по которой ему орал обезумевший от страха генерал-лейтенант, и дивизионом, которому он подавал короткие и четкие команды. Когда командиры расчетов доложили о готовности, он вздохнул с облегчением и скомандовал: «Огонь!»

Грохот разрывов застал Сола врасплох. Он припал к обзорному монитору. Туман по-прежнему стоял плотной стеной. Недалеко от транспорта, возможно в нескольких сотнях метров, над расплывчатой кромкой тумана один за другим начали вздыматься вверх водяные столбы, по обшивке транспорта застучали осколки снарядов. Стало очевидно, что целью обстрела является транспорт.

Сол включил двигатель подъема и транспорт начал медленно набирать высоту. «Ну давай же, давай», — помогал двигателю Сол. На отметке в двадцать метров транспорт остановился. Сол дал команду зафиксировать высоту. Транспорт задержался ненадолго и затем начал медленно опускаться: двигателю не хватало мощности. Сол припал к монитору и сквозь поднимающуюся над озером водяную пыль сумел разглядеть на берегу землян и их механизмы. Ситуация складывалась отчаянная. Он лихорадочно искал выход из создавшегося положения и не находил его. Он почти оглох от разрывов и барабанной дробы осколков. Через несколько минут, кроме водяной пыли, ничего уже не было видно.

На связном мониторе появилось лицо улыбающегося Рона.

— Подлетаем. Готовься к встрече. Что там у тебя за грохот стоит?

— Меня обстреливают с берега. Реактор окончательно сел. С трудом поднялся на небольшую высоту, но сейчас падаю.

Лоа не выдержала и вклинилась в разговор:

— Сол, ты меня слышишь? Пожалуйста, береги себя.

Оценив состояние Лоа, Рон понял, что она будет только мешать. Он выключил связь и командовал:

— Немедленно в комнату отдыха! Справимся без тебя.

Лоа не стала возражать, требование командира было разумным. Рон снова вышел на связь.

— Ты на какой высоте?

— А где Лоа, что случилось?

— Она нервничает, ушла в комнату отдыха. Какая высота?

— Меньше двадцати, продолжаю падать... Что?.. Говори громче, плохо слышу. Я совсем оглох.

Рон закричал:

— Можешь сориентировать...

Его перебила Сиу:

— Готово! Зависла над озером!

— Понял. Это не тебе! Можешь точнее сориентировать по берегу?

— Не могу, я ничего не вижу, в обзорнике сплошная водяная пыль. Смотрите меня не зацепите.

— Держись. Конец связи.

«Было бы за что — держался бы», — про себя усмехнулся Сол.

Транспорт падал, после каждого залпа воздушная волна и осколки сотрясали его все сильнее и сильнее, грозя развалить на части. И все больше оглушали Сола. Он неотрывно следил за отметкой высоты. Сколько еще, максимум минуты полторы? Нет, меньше, его разнесут в щепу еще в воздухе. Бывало и хуже, но он всегда оставался в борьбе, всегда сам руководил собственным спасением. А сейчас оказался беспомощным, как ребенок. В голове у него крутился беспорядочный рой мыслей, в центре которого была Лоа. Почему здесь, на этой планете, красивее которой он ничего прежде не видел? Почему сейчас, когда есть Лоа, когда так хочется жить? Почему это случилось, как только они нашли друг друга? Зачем тогда они встретились?..

Снаряды ложились все ближе к транспорту, осколки стали пробивать его оболочку. Сол вынужден был опуститься на пол. Он зажал голову и уши руками, пытаясь спастись от страшного грохота разрывов.

Как и Сол, Рон тоже не видел берега, с которого шел огонь. Над озером от непрерывных разрывов в воздух поднялся один сплошной водяной столб, высоко над лесом клубами поплыл густой туман. Оценив обстановку, Рон отрывисто закричал:

— Сиу! Заходи! Со стороны берега! Со стороны огня!

В это время капитан на берегу переводил огонь с сектора на сектор и без остановки долбил и долбил по озеру, которого давно не было видно. И подгонял расчеты, чтобы быстрее шевелились. В голове у него прочно засели генеральские матюги и обещание перевести в штаб округа на должность подполковника, если он уничтожит «гада».

Базовый корабль завис над лесом со стороны берега, с которого шел обстрел.

— Готово! — доложила Сиу.

В этот момент в кабину управления вернулась Лоа.

— Сол не хотел убивать землян. Рон, слышишь меня? — сказала она слабым голосом.

— Нет времени, — захрипел Рон в ответ.

На шею у него канатами вздулись вены, серое лицо сделалось черным, и он страшно закричал, не отрываясь от экрана прицеливания:

— Ты реши для себя, нужен тебе Сол или нет?! У меня нет выбора! Я-не-ус-пе-ва-ю!

Наконец он сфокусировал лазерную пучковую пушку на край леса у берега и нажал на пуск. А потом пошел без остановки слева направо с интервалом в пять метров. Пройдясь по берегу, сфокусировался на десять метров дальше от его края и прошелся еще раз. После, отступив в глубь леса, сделал то же самое в третий раз.

От тепловых ударов невероятной мощности выгорело все. Оставшиеся к тому времени в боекомплекте реактивные снаряды разорвались на месте, разнеся машины с ракетными установками в клочья. Сумасшедший грохот разрывов прекратился, стало очень тихо. По берегу озера загорелся лес. Под натиском разбушевавшегося пламени затрещали стволы вековых елей. Все было кончено.

Сиу без остановки продолжала кричать:

— Сол! Ты меня слышишь? Ответь! Ты меня слышишь?

Сол молчал. Рон напряженно ждал, глядя в обзорный монитор. За стеной огня стояло облако водяной пыли, обрамленное со всех сторон бесконечным массивом ельника, озера совсем не было видно. До боли сжав кулаки, Лоа смотрела немигающими глазами в спину Рона и не произносила ни звука.

Солу еще никогда не приходилось бывать в положении, в котором он оказался. Скрюченный в позу эмбриона, он лежал на полу с зажатыми ушами и едва слышал. Ему не хотелось отвечать Сиу, не хотелось двигаться. «Что еще им нужно от меня? — как в болезненном сне, с трудом соображал он. — Разве я могу им чем-нибудь помочь?» Сиу продолжала настойчиво кричать испуганным просящим голосом. «Зачем она так надрыгается? Может быть, у них что-то случилось? — думал он. — Наверное, надо ответить».

Разбухшая от невыносимой боли голова гудела после недавнего грохота. Он неуклюже начал подниматься с пола, но тут же завалился обратно, будто от невидимого толчка. Это транспорт упал в воду и накренился от удара. Сол не понял, что произошло. Превозмогая боль, он с усилием прислушался, и до него дошло, что, кроме крика Сиу, он ничего больше не слышит, что озеро уже не бомбят. Он оперся руками о пол, чтобы встать, и обнаружил на полу воду. С трудом поднялся и начал осматривать транспорт, ища место, откуда она могла поступать. Сиу продолжала невыносимо кричать, прося его ответить. В комнате отдыха образовался вертикальный разлом. Из нижней его части просачивалась вода. Только теперь он сообразил, что транспорт упал в озеро. Стоять было тяжело. Он навалился на пульт связи всем корпусом, уперся в него локтями и прохрипел во встроенный микрофон:

— Слышу, я в норме. Как Лоа?

— Это Сол! — обрадовано закричала Сиу. — Лоа, скажи что-нибудь.

— Все хорошо, Сол. Тебе больше никто не угрожает.

— В транспорт просачивается вода, он может затонуть, жду вас, — сказал Сол.

Он рухнул в кресло и задрал ноги на пульт — воды набралось уже по щиколотку. Голову разрывало на части, радоваться не было сил. Только где-то в глубине души зарождалось счастливое чувство.

Все это время молчавший Рон развернулся в кресле и посмотрел в лицо Лоа.

— Спасибо тебе за Сола, — сказала она.

Сиу подошла к мужу, наклонилась и обняла его за шею. Рон поцеловал ее в щеку, устало

улыбнулся и погладил жену по руке.

— Оперативник Сиу, займись, пожалуйста, кораблем. Сдается мне, Сол нас заждался. Медлить не стоит, про воду ты слышала. И неизвестно, что еще земляне могут выдумать. Только пусть сначала туман развеется, тогда начинай сближение. А мы с Лоа пока посидим и помолчим. Я, кажется, надорвал глотку.

Когда водяная взвесь улеглась, они увидели транспорт Сола. С высоты казалось, что транспорт в полном порядке. Но по мере приближения стало ясно, что его геометрия нарушена, будто его надломили посередине и он выгнулся в дугу, потеряв правильную овальную форму. Ни о какой герметичности не могло быть и речи, транспорт подлежал уничтожению.

Когда корабль сел на воду, Сол передал Рону блок бортового компьютера со всеми данными и перебрался из тонущего транспорта к оперативникам. Рон помог ему подняться. К Солу подошла Сиу, они пожали друг другу руки. Лоа, не шелохнувшись, осталась стоять в стороне. Наступила неловкая тишина.

— Спасибо вам, — сказал Сол.

— Сиу, задраивайся и за связной пульт, — скомандовал Рон. — Доложишь в ЦОП обстановку. Я поведу.

Рон ушел в кабину управления. Сиу задраила входной люк и направилась вслед за командиром. Сол и Лоа остались одни. Они смотрели друг на друга, продлевая счастливое мгновение и до конца еще не осознавая, что снова вместе.

— Иди ко мне, — сказала Лоа, — я так долго тебя ждала.

Сол подошел к Лоа и обнял ее.

Корабль начал медленно подниматься. В озеро с него срывались крупные капли воды. Сиу посмотрела на мужа. Он следил за процессом тестирования маршевых двигателей, но, почувствовав ее взгляд, повернулся к ней.

— Ну что? Что еще? — негромко спросил он, глядя в просящие глаза жены. — По-твоему, я должен ждать, когда они налюбуются друг на друга?

— Рон, — попросила Сиу, — дай им пять минут.

— Как я от вас устал, — покачав головой, ответил Рон.

Пять минут корабль в режиме плавного подъема набирал маршевую высоту. Сол и Лоа стояли, обнявшись. Они будто забылись во времени.

Корабль завис на расчетной высоте.

— Сол, — сказал Рон по внутренней связи, — переоденься. Мы ложимся на курс.

Сол привел себя в порядок, надел сухой комбинезон и доложил:

— Я готов.

— Не хочешь послать последний привет своему транспорту? — спросил Рон.

— Сделай это за меня, пожалуйста, — попросил Сол.

— Рон, я тебе нужна? — спросила Лоа, вспомнив, что никто не освобождал ее от обязанностей.

— Нет, оставайся в комнате отдыха.

Сол и Лоа сели в кресла и пристегнулись ремнями.

Транспорт Сола лежал на дне озера, когда его достигла посланная Роном команда на самоуничтожение. В результате взрыва пол озера выплеснулось вверх и в стороны, окатив все вокруг тропическим ливнем и вмиг погасив не на шутку разыгравшийся лесной пожар.

Рон включил маршевые двигатели, и базовый корабль на максимальной скорости

устремился в точку Пространства, в которой оперативники несли дежурство. Через четыре часа они должны были быть на месте. Их с нетерпением ждали экипажи экспедиций, им нужна была пуповина, без нее они не могли выполнять свои планы.

Сол и Лоа смотрели друг на друга и счастливо улыбались. Она делилась своими переживаниями, а он слушал любимый голос и потихоньку крутил боковое колесо кресла, опуская спинку все ниже и ниже, пока не заснул, уронив голову набок.

Ему снилось, что он бежит за Лоа вдоль берега озера по густой зеленой траве, и это происходит на Земле. Лоа иногда оборачивается, смеется и снова продолжает бежать. Она расставляет руки широко в стороны, словно ловит в паруса встречный ветер. Сол настигает ее, почти касается ее плеча, но она в последний момент неведомым образом ускользает от него и бежит дальше, смеясь. Потом трава кончается, начинается поле пшеницы, и теперь он видит ее только до пояса с распростертыми над полем руками. За ней недолго тянется короткая дорожка из расступившихся колосьев, но затем колосья смыкаются, и дорожка исчезает. Сухие кисточки пшеницы неприятно хлещут Сола по рукам. Он не обращает на это внимания и бежит изо всех сил, он боится упустить Лоа из вида. Но расстояние между ними все увеличивается, он уже с трудом различает лишь ее пепельную головку над краем поля и не понимает, почему у него не получается догнать Лоа. И зачем она убегает, смеясь и дразня его. Поле неожиданно кончается, и перед ним на берегу озера возникает дом, их с Лоа разноцветный дом с большими низкими окнами. Но Лоа нигде нет. Он подбегает ближе и видит на крыше дома стаю рыжих птиц. Они не улетают, они не боятся его и безучастно наблюдают за ним с высоты. Он бежит вокруг дома, дергает ручку входной двери — дверь закрыта. Заглядывает в окна, стучится в них. Лоа не отзывается, она пропала. Он поднимает голову и смотрит в пустое серое небо в надежде увидеть ее хотя бы там. Начинает звать ее, просит показаться хотя бы на минуту. В это время что-то теплое, шершавое и сырое тычется в его ладонь. Он отдергивает руку, оборачивается и видит перед собою оленя с мокрым носом и печальными глазами. И в этот миг до него доносится крик Лоа, но он не может понять, где же она сама...

Сол вздрогнул, услышав голос Лоа, проснулся и открыл глаза.

— Сол, Сол! — кричала Лоа. — Что с тобой, тебе плохо? Ты так сильно стонал.

— Плохой сон приснился, от таких снов можно лишиться рассудка.

Сол вернул спинку кресла в вертикальное положение. Лоа видела, что он хочет что-то сказать и волнуется, его волнение передалось ей.

Он посмотрел Лоа в глаза.

— Я больше не летаю, Лоа, с этим покончено. При условии, что ты тоже больше не летаешь. Что скажешь?

Он знал, что она согласится, по-другому не могло быть.

— Я согласна, — сказала она.

Они надолго замолчали. Лоа прекрасно понимала, как Солу было тяжело в этот момент. Он подводил черту под половиной своей жизни, подо всем, чему он учился и что любил.

Сол включил внутреннюю связь.

— Рон, докладываю тебе как старшему в сложившейся обстановке: мы с Лоа приняли решение уйти из состава пилотов. Это был наш последний полет. Сообщи, пожалуйста, в ЦОП. Официальное подтверждение мы пошлем позже.

...Базовый корабль еще не вернулся в точку дежурства, а в ЦОПе уже начали готовить корабль-перевозчик и замену Лоа. Формально ее имели право оставить до конца дежурства,

но их отношения с Солом перестали быть тайной, и в Центре пошли им навстречу. На Землю новую экспедицию решили пока не посылать. Все были огорчены увольнением опытных пилотов. Прибытие перевозчика ожидали через две недели.

Сол и Лоа свыкались с принятым решением непросто. На обратном пути на Верум они мечтали, обсуждая свою будущую жизнь: будущий дом, детей, увлечения. Будущей работы старались не касаться. Но однажды разговор зашел и о ней.

— А чем занимаются твои родители? — спросил Сол.

— Они у меня всю жизнь выращивают овощи, — ответила Лоа.

— Вот и мы будем выращивать овощи, — сказал Сол.

Когда история с инопланетным кораблем подошла к концу, вокруг Таежного озера, на котором была его последняя стоянка, возвели бетонный забор. Охрану забора поручили нести пограничникам с собаками. Был проведен тщательный осмотр окружающей местности. Дно озера, метр за метром, обшарили водолазы. Анализ найденных фрагментов корабля не выявил ни одного ранее неизвестного химического элемента. Состав воды остался без изменений. Исследования проб земли на месте выжженного леса тоже ничего не дали. В общем, в копилку скудных знаний о прилетавших на Землю инопланетянах не добавилось ровным счетом *ничего*. Руководство страны осталось крайне недовольным.

Результаты проведенной работы, то есть факт отсутствия каких-либо результатов, строжайшим образом засекретили. Каждый фрагмент корабля положили в отдельный конверт, конверты должным образом подписали, систематизировали и сложили в мешки. Мешки залили сургучом, опечатали и поместили в спецхранилище под усиленную охрану. Пограничников с собаками вокруг забора решили пока оставить. По ТВ объявили об уничтожении НЛО и отметили особую важность полученных в результате научных исследований данных — как для понимания и освоения космоса, так и для науки в целом.

Утечки информации, конечно же, были, и многочисленные, учитывая количество людей, причастных к этому делу. Представители масс-медиа обезумели в поисках сенсаций и сулили потенциальным носителям секретов невиданные гонорары. Почувствовав шальные деньги, носители секретов сочиняли таинственные истории на ходу. Прошел слух, что не все инопланетяне погибли и ФСС активно разыскивает живых. Все оказались при деле: газеты, журналы, радио, ТВ, интернет, политики, депутаты, журналисты, общественные деятели, ученые, астрологи и прочие провидцы самого разного толка. Страну окутал туман предположений и догадок; интернет-сообщество бурлило и булькало оценками все новых и новых фактов из жизни инопланетян; всех пичкали интервью с космонавтами, коих возвели в ранг главных экспертов по пришельцам. Жизнь населения страны превратилась в массовое обсуждение непонятно чего с явно выраженной надеждой на лучшее будущее.

Из-за перегрузки сетей сотовые операторы, как в новогоднюю ночь, отказывали абонентам в соединении. Офисные служащие и чиновники, отвлекаясь лишь на обед и туалет, безвылазно пропадали внутри мониторов; ресурсы интернет-провайдеров не справлялись с потоком информации, призванной удовлетворить их раскаленное добела любопытство. Воспитательницы в детсадах, забыв о детях и задумчиво глядя в окна на облака, мечтали о невероятном. На всех переменах учителя в учительских до хрипоты спорили о пришельцах и систематически опаздывали на уроки. Преподаватели вузов, на радость студентам, легко уклонялись от тем лекций в сторону инопланетной жизни. Сантехники путали горячие трубы с холодными, электрики — полярность клемм, строители — «майну» с «вирой», бухгалтеры — дебет с кредитом, экономисты — импорт с экспортом, окулисты — близорукость с дальновзоркостью, военные — «налево» с «направо», программисты — биты с байтами, геодезисты — широту с долготой, астрономы — апогей с перигеем. Хирурги, во избежание непоправимых ошибок, сдвигали операции на неопределенный срок. Продавцы обсчитывали покупателей в их пользу. На заседаниях правительства министры выпадали из канвы обсуждения государственных дел, как легкомысленные забывчивые дамочки. Президент страны, выступая с разных трибун,

выражался все более и более иносказательно, усугубляя всеобщее смятение умов.

У граждан испортился сон, и это явление приобрело масштабы национальной эпидемии. Народ погрузился в состояние сладкого дурмана, несовместимое с желанием работать. Производительность труда упала окончательно. И лишь газовики с нефтяниками, как рабы на галерах, не могли расслабиться и позволить себе помечтать. Благодаря этому обстоятельству из недр российской земли по-прежнему высасывалась нефть и выкачивался газ, затем эти дары природы самотеком и самодувом перегонялись за границу и потом исправно возвращались оттуда в виде денег, продуктов и товаров, поддерживая жизнь населения на сносном уровне. Но справедливость фразы «время лечит» все-таки подтвердилась: через несколько месяцев общего безумия страна с неохотой начала возвращаться в русло сколько-нибудь полезного функционирования.

Надо сказать, что свою помощь в поиске и изучении обломков корабля предлагали американцы. Им с достоинством отказали. Позже многие страны просили Россию предоставить им для изучения какие-либо найденные фрагменты корабля. Россия с удовольствием им в этом отказывала. В связи с этим страны — члены ООН единогласно потребовали от России предоставить мировому сообществу все данные, касающиеся инопланетного корабля, на том основании, что это затрагивало все народы, живущие на планете Земля. Россия оказалась в идиотском положении. Проигнорировать требование такого авторитетного форума, как ООН, она не решалась. Предоставить же данные, которых на самом деле не было, тем более было невозможно без того, чтобы не стать мировым посмешищем после стольких месяцев ряженья в тогу единоличного обладателя эксклюзивных тайн Вселенной. От дипломатического ведомства строго потребовали найти приемлемый выход. Министерство внешних интересов до сих пор находится в мучительных раздумьях. Предложение ФСС взорвать спецхранилище с фрагментами НЛО и свалить все на инопланетян понимания в высшем руководстве страны пока не нашло, но может найти, если дипломаты ничего не придумают.

В связи с расследованием афер русской мафии, вкладывающей «грязные» деньги в покупку недвижимости за границей, вилла Дмитрия Владимировича на побережье Каталонии попала в поле зрения испанской Фемиды. По представлению прокуратуры суд Барселоны наложил арест на виллу и заблокировал выполнение с ней любых действий юридического и финансового характера до выяснения всех обстоятельств уголовного дела.

Лариса Васильевна восприняла новость спокойно, а ее сын пришел в неопишемую ярость, поскольку за несколько дней до этого известия он уговорил-таки мать отдать ему виллу в собственность.

Сын Ларисы Васильевны обосновался на южном побережье Франции, сорит деньгами и навещать мать в России не собирается.

Лариса Васильевна живет вдвоем с Галинкой. Галинка теперь не только убирает огромный коттедж, но и отвечает за все остальное. Несмотря на ее работоспособность, она не справляется со всеми обязанностями. Лариса Васильевна смотрит на это сквозь пальцы.

Джип Лариса Васильевна продала, но новой машины не купила. Ее никто не навещает, и никто ей не звонит. Соседи по поселку перестали с ней общаться и мечтают выселить одиозную даму куда-нибудь подальше от себя. Председатель кооператива в связи с их настойчивыми требованиями периодически предлагает Ларисе Васильевне покупателей на

ее коттедж, готовых приобрести его на выгодных условиях. Несколько раз, будучи пьяной, Лариса Васильевна отвечала ему нецензурной бранью.

Еще не так давно она плавала в бассейне, выезжала на такси в магазины и даже пыталась читать книги. Но насосы в бассейне вышли из строя, а книги и магазины надоели. Последнее время Лариса Васильевна совсем опустила. Просыпается поздно, не ухаживает за собою, как раньше, и не делает макияж. Без дела бродит по дому, лежит на диванах и перелистывает глянцевые журналы, подолгу трапезничает с Галинкой на кухне. Иногда в хорошую погоду она проводит время в саду: то ходит вдоль кустов крыжовника, будто ищет забытые сборщиком ягоды, то рассматривает оставшихся в живых рыб в пруду, то сидит неподвижно в кресле на лужайке и смотрит куда-то вдаль вверх яблонь. В такие минуты Галинка волнуется за Ларису Васильевну и то и дело бежит из дома в сад посмотреть, жива ли хозяйка.

Вечернее время обитательницы коттеджа проводят за бесконечным ужином с чаем и сладостями. И обязательно смотрят телевизор. Больше всего их интересуют инопланетяне, о которых все только и говорят с утра до вечера. Порой они играют в карты в «дурака». Галинка каждый раз смущается, когда выигрывает, и просит у Ларисы Васильевны за это прощения.

За ужином Лариса Васильевна много выпивает и рассказывает Галинке истории из своей прошедшей звездной жизни. Галинка с удовольствием слушает свою хозяйку и по-прежнему считает ее дамой высшего света. Когда Лариса Васильевна становится совсем пьяной, Галинка отводит ее в спальню, помогает раздеться и укладывает спать. Затем идет к себе, достает образок, вспоминает своего Дмитрия Владимировича, молится за здоровье Ларисы Васильевны и, блаженная, засыпает.

Старушка Вера Анатольевна живет с дочерью. Дни ее протекают однообразно — за чтением книг. Имея в виду широту ее читательских интересов, можно сказать, что Вера Анатольевна всеядна. Читает она на кухне, сидя в давно привычном для спины старом кресле с вытертыми подлокотниками. На кухне ей нравится. Здесь можно приготовить себе чай и даже бутерброд, хотя это немного сложнее. По выходным дням ее можно увидеть во дворе дома на скамейке с подоткнутой под спину подушкой и с шерстяным пледом на коленях.

Изредка ей очень везет: в теплую сухую погоду, если с утра нет лекций, дочь отвозит ее в парк Лесотехнической академии, это недалеко от их дома. И там, в парке, когда время их гуляний — иногда спланировано, иногда случайно — совпадает, она встречается с такой же любительницей чтения, как она сама. В такие дни обе старушки бесконечно счастливы. Сидя на скамейке, они делятся последними новостями, жалуются на болячки, перебрасываются абзацами из читаемых книжек и вспоминают, вспоминают... На контрольные звонки своих опекунов отвечают одинаково — от имени коллектива и, осмелев от свежего воздуха и свободы, с нотками независимости и кратко: «У нас все нормально». К обеду достают из сумок свертки с едой и трапезничают, угощая друг друга. Время от времени собеседница Веры Анатольевны обращается к теме любви и рассказывает о своих кавалерах, которых, если ей верить, было довольно много. В такие минуты, не особо слушая подружку, Вера Анатольевна вспоминает своего Митю. С Митиным лицом проблемы: оно никак не хочет принимать в ее сознании четкие очертания. От этого Вера Анатольевна заметно огорчается. А вот что касается его нервных сильных пальцев, то их прикосновения ощущаются ею

совершенно реально.

С некоторых пор Вера Анатольевна начала «чудить», как говорит ее дочь: она отказывается ездить к матери на кладбище. «Я ощущаю себя рядом с ней плебейкой», — говорит она. «Что ты такое говоришь? Она же тебя очень любила!» — возмущается дочь. «И что? И я ее обожала и обожаю, — упрямо возражает Вера Анатольевна. — Но это ничего не меняет, у нас разный статус, мне рядом с ней стыдно». — «Все равно же будешь лежать рядом с ней!» — не выдержав, срывается дочь. Вера Анатольевна воспринимает этот бесспорно жестокий аргумент на удивление спокойно: «А это уже не мои заботы. Это как тебе будет угодно». Никакие уговоры и доводы не помогают дочери пробить эту «стену маразма». После ссоры с дочерью Вера Анатольевна, отказавшись от помощи нарочитым движением руки, самостоятельно встает с кресла, направляется к комоду, долго копается в его дальнем углу, достает оттуда кошелек с пенсией и сует дочери мятые купюры: «Купи цветов, самых красивых, какие любила, ты знаешь, не скупись». И расстроенная до слез дочь едет к бабушке на кладбище в одиночестве: доцент — к доценту, с выпавшей из цепочки серединой.

Той осенью, когда весь мир только и говорил об инопланетянах и об их причудливых атаках на русские автомобили, Малком и Джоан были неразлучны и жили общением друг с другом, истории про внеземные цивилизации мало их интересовали.

В первый же вечер, проведенный вместе, они с радостью узнали, что оба любят путешествовать и что их страсть — национальные парки и заповедники. За разговором во время ужина выяснилось, что они никогда не были в Национальном парке Брайс-Каньон в штате Юта, но всегда мечтали побывать там. Малком предложил съездить в этот парк, и Джоан с удовольствием согласилась. И там, на пике Брайс, на смотровой площадке, с которой открывается потрясающая картина выточенного природой амфитеатра каньона, Малком сделал Джоан предложение руки и сердца. У нее закружилась голова. «Мне никогда не было так хорошо», — позже призналась она. «И мне тоже», — ответил он.

После поездки в парк они стали проводить вместе каждый уикенд. Их сближение было стремительным и неотвратимым. Они так помолодели в ту осень, им было так хорошо вдвоем, что незнакомые люди, случайно встретив их на улице и заглянув им в лица, после оборачивались вслед и улыбались нечаянно подсмотренному чужому счастью.

На рождественских каникулах они обвенчались и улетели в свадебное путешествие по Европе.

Сообщение о том, что русские уничтожили НЛО, мгновенно облетело весь мир. На следующий день Роберт Данн уволился из газеты. Сотрудники редакции остались в полном неведении относительно причины столь поспешного решения.

Через месяц после увольнения Роберта Данна не стало. Он скончался в онкологическом институте в Детройте. У него был хронический лейкоз. Уорнер узнал о смерти Данна от его матери по телефону. На следующий день на первой странице газеты была напечатана заметка о его кончине.

На похоронах Данна было много народа. Со всей страны съехались самые разные люди; их объединила память об авторе сенсационной статьи об НЛО; тогда, в насыщенном событиями августе, они сумели по достоинству оценить безупречную логику Данна и его интерпретацию фактов. Было много друзей Роберта по Массачусетскому институту.

Приехали рыбаки Мэтт и Барри. Приехал шериф округа Таунер со своим капралом. Были даже сотрудники центра ГОДДАРД. Была вся редакция газеты «Трибуна». Приехал Ларкин и бросил ком земли на крышку гроба.

Отдельно ото всех, прислонившись к одинокому голому каштану, стоящему среди ровных рядов надгробных камней, плакала девушка. Когда она днями раньше увидела фотографию Роберта в газете, она сразу вспомнила его, и его старенький «Форд», и поле подсолнухов. Вспомнила, как им было хорошо тогда вдвоем в сумерках слушать стрекот кузнечиков и целоваться. Поэтому она и приехала — и теперь тихо плакала и никак не решалась подойти к могиле.

После окончания церемонии мать Данна передала Фоунтейну письмо со словами: «Это адресовано вам. Случайно нашла в столе Роберта». Поколебавшись, она добавила: «Мне кажется, Роберт очень хорошо к вам относился. Мне тяжело будет держать эти стихи при себе. Он написал их за день до смерти». Она протянула Фоунтейну тетрадный лист и попрощалась.

Фоунтейн развернул письмо. Вот его содержание:

«Господин Фоунтейн,

Есть что-то нехорошее в том, что я уволился из газеты без объяснения причины. Это тем более неприлично, если учесть, что мне прекрасно работалось в вашей редакции, я был в хороших отношениях со всеми сотрудниками. К сожалению, я осознал свою неправоту только сейчас. Особенно мне неудобно перед вами. Прошу у вас прощения и надеюсь, что, дочитав письмо до конца, вы поймете меня.

Господин Фоунтейн, я серьезно болен. У меня лейкоз. Это обстоятельство и явилось причиной увольнения. А поводом для моего решения послужило известие об уничтожении НЛО. Возможно, сейчас вы улыбнулись. Это естественно: трудно обнаружить здравый смысл в выборе указанного мною повода. Попробую объясниться.

С каждым днем я чувствую себя все хуже. Я потерял надежду на выздоровление. Я долго находился в плену иллюзий, пока мне это не надоело. Но с появлением инопланетян я начал верить в чудо. В то, что пришельцы, судя по фактам, продвинулись в науке гораздо дальше нас и, возможно, имеют средство от моей болезни. Это может показаться странным, но в них я поверил больше, чем в наших врачей. Я начал мечтать. У меня вновь появилась надежда. Невероятные фантазии заполнили мою голову. Ничего другого мне не оставалось.

С уничтожением НЛО моя мечта рухнула. До следующего появления инопланетян я не доживу.

Вот и все. Прощайте.

Искренне ваш Роберт Данн».

Прочитав письмо, Фоунтейн обратился к тетрадному листу. На нем слабым прерывистым почерком были написаны стихи:

Приземленные люди

в приземленных домах —
приземленные судьи
в приземленных делах.
Тяготит приземленность...

Полечу в Никуда,
где царит всевлюбленность
в неземных городах.

После строчки «Тяготит приземленность» треть листа была изрисована звездочками и тарелками НЛО.

Прочитав стихи, Фоунтейн сжал косточки носа и подождал, когда отступят слезы. Потом сложил лист бумаги вчетверо и убрал в карман. Посмотрел вокруг. Все уже ушли с кладбища. Только около одинокого дерева все еще стояла какая-то девушка в голубом плаще и прикладывала к глазам платок.

После на шумевших событий, связанных с инопланетянами, и статьи Данна дела газеты наладились, тираж вернулся к прежним показателям. Сайт газеты регулярно стало посещать большое количество любопытных, охочих до сенсаций. Фоунтейну удалось восстановить некоторые рубрики и разделы газеты и даже уговорить Ларкина вернуть в редакцию двух ключевых журналистов.

Ларкин купил издательский дом в соседнем штате и в редакции газеты, на радость всем сотрудникам, появляется довольно редко.

Стив Лоренс основательно занялся изучением русского языка, пропадает на русских сайтах и собирается съездить в Россию по туристической путевке. Он, как и прежде, раздражает коллег своей медлительностью и вечной иронией, но, как отмечают все сотрудники, стал менее категоричен.

Уорнер так и не нашел замену Данну. Вспоминая Роберта, он ловит себя на мысли, что и не хочет ее искать. Стол Роберта пустует. Уорнер не представляет себе, что какой-то новый сотрудник может сделать его своим рабочим местом.

Уорнер — единственный человек в редакции, который бывал у Данна в гостях. Он хорошо помнит его светлую комнату на втором этаже дома с видом на кукурузное поле. Все стены комнаты были обклеены фотографиями черных исполнителей блюзовых композиций. Роберт часто слушал их музыку. Уорнер все хотел узнать у него, чем его цепляет блюз, но так и не собрался спросить. Теперь он не узнает этого никогда.

Мэтт и Барри, как всегда, рыбачат вместе. Но на озеро Маза ни разу больше не ездили и даже не обсуждали такой вариант.

После событий с НЛО Мэтт изменился, будто повзрослел, и перестал подшучивать над своим старшим приятелем. Он собирается расширить свою мастерскую для мелкого ремонта сельскохозяйственной техники: ремонт легковушек в их малонаселенных краях совсем перестал приносить прибыль.

Барри фермерствует и, как и прежде, специализируется на пшенице и ячмене, менять профиль не собирается. Пойманных больших рыб он по-прежнему фотографирует и

помещает снимки в альбом. Показывая альбом гостям, всегда оттягивает кульминационный момент и потом, дождавшись пика любопытства, одним движением пальца легко открывает альбом на самой замусоленной странице. «Вот это и есть *тот* сом, пойманный на *том* острове, — говорит он и следит за реакцией друзей. — Видите, какая дата — седьмое августа. Это было на озере Маза». После просмотра альбома он достает из стола файл, осторожно извлекает из него утренний выпуск газеты «Трибуна» за восьмое августа, показывает фотографию, на которой они с Мэттом позируют Данну, и продолжает рассказ о *тех* событиях.

Сол и Лоа создали семью.

Они живут на берегу одного из теплых озер, любят друг друга и счастливы. Лоа почти все время проводит в их с Солом разноцветном доме. Она читает книги с полезными советами будущим мамам, гуляет по берегу озера рядом с домом и носит под сердцем двойню: мальчика и девочку. Ближе к вечеру готовит ужин и ждет Сола с работы. Когда за окном едва начинает нарастать ровный шум приближающейся «летучки», с крыши на соседнее дерево перед окном перелетает поселившаяся у них рыжая птица, подавая Лоа знак, что Сол вот-вот появится. Она выходит его встречать. Сол садится на площадку рядом с домом, открывает кабину и торопится к Лоа. Обнимает ее, целует, говорит нежные слова любви и спрашивает, как она себя чувствует. Она отвечает, что хорошо, и с порога начинает рассказывать ему, как провела время. За ужином Сол рассказывает Лоа, что нового произошло у него за этот день.

На стене в их столовой висит большая круглая фотография, точнее — коллаж. На коллаже олень и олененок пьют из озера воду. А вокруг них вдоль рамки тянется венок из белых, желтых и розовых лилий на фоне зеленых листьев. В других комнатах висят фотографии земных городов, максимально приближенных и снятых с высоты.

Соседи, впервые навестившие их, долго рассматривали эти фотографии и решили, что это что-то абстрактное. «Что это за лабиринты?» — спросили они. «Это города землян, снятые сверху, с высоты», — пояснил Сол. «А что такое *город*?» — «Это такое скопление домов, машин и землян». Солу пришлось долго объяснять соседям, что изображено на фотографиях, но они остались не удовлетворенными его ответами. «А с какой целью вы туда летали?» — поинтересовались они. «Я хотел научить землян вести себя прилично», — ответил он. «И у вас получилось?» — спросили соседи. «К сожалению, нет. Я оставил эту задачку нерешенной — для следующих поколений аэронавтов», — грустно улыбнулся Сол.

В свободные дни у них бывает в гостях Сиу. Она, как и Лоа, беременна и вот-вот родит. То, что у нее будет ребенок, Сиу знала еще тогда, когда они спасали Сола на Земле. Сиу прилетает к ним одна, поскольку Рон снова на дежурстве в каком-то очень далеком секторе Пространства. Но это в последний раз: он решил последовать примеру Сола. Об экспедиции Сола никто не вспоминает, все мысли женщин — о предстоящем рождении детей и о будущей жизни.

Заняться выращиванием овощей Солу не пришлось: его уговорили остаться в ЦОПе. Он не сразу, но согласился, понимая, что поступает правильно: было бы непростительно, ни с кем не поделившись, похоронить собственный богатый опыт экспедиций на другие планеты. Он читает молодым пилотам курс по теории навигации в Пространстве и проводит практические занятия по системам транспортного корабля.

Ученики Сола, как и он сам во времена своей молодости, не перестают спрашивать,

зачем это им надо — вмешиваться в жизнь других планет и правильно ли это. Сол по-прежнему мучается, подыскивая ответ на этот вопрос.

В каждом новом классе у него обязательно интересуются, какая планета из тех, на которых он побывал, самая красивая. «Земля, конечно Земля, — ни секунды не задумываясь, отвечает Сол. — Прекраснее ничего не видел. Если вам выпадет счастливый случай полететь на нее, ни в коем случае не отказывайтесь, не пожалеейте». Но пока молодым пилотам не везет: полетов на Землю в ближайшее время не предвидится. Таково правило: после проблемных экспедиций ЦОП всегда держит длительную паузу, словно ждет, когда уляжется память и зарубцуются раны.

Иногда Сола охватывает непонятно откуда взявшаяся тоска по Земле и желание побыть одиноким странником, бороздящим Пространство. В такие дни после занятий с будущими аэронавтами он идет в архив ЦОПа, уединяется в зале фототеки и отыскивает материалы своей неудавшейся экспедиции. Найдя то, что искал, подолгу рассматривает на мониторе усатые кисточки пшеницы, ягоды боярышника, мохнатые ветки елей, печальные глаза оленей и цветы лилий вдоль берега озера, чей крошечный остров с зеленой травой был когда-то его домом. В такие минуты ему кажется, что он чувствует призывные запахи той травы и того далекого земного лета.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Самолеты, созданные с применением технологии снижения заметности (стелс-технология от англ. stealth technology).

Строка из баллады Рика Дарнелла (Rick Darnell) «Страсть ушла» («The Thrill Is Gone»)
В.В. King — блюзовый гитарист и певец.

Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства.

Блюзовая композиция Lucky Peterson «When My Blood Runs Cold».

Подсолнух по-английски — sunflower, что означает буквально «солнечный цветок».

Центр GODDARD — одна из крупнейших научно-исследовательских лабораторий НАСА в штате Мэриленд.

Выключить радио?! Нет проблем (исп.).

Хорошо (исп.).

Федеральная служба слежки.